

МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПРЕД ИКОНОЙ ЕЯ «ДЕРЖАВНАЯ»

Омира Заступнице, Мати Всепетая! Со страхом, верою и любовью припадающе пред честною иконою Твоею Державною, усердно молим Тя: не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе. Умоли, милосердная Мати Света, Сына Твоего и Бога нашего, Сладчайшего Господа Иисуса Христа, да сохранит в мире страну нашу, да утвердит державу нашу в благоденствии, да избавит нас от междоусобных брани и укрепит святую Церковь нашу Православную, да незыблему соблюдет ю от неверия, раскола и ересей. Не имамы бо иныя помощи, разве Тебе, Пречистая Дево: Ты еси Всесильная христиан Заступница пред Богом, праведный гнев Его умягчающая. Избави всех, с верою Тебе молящихся, от падений греховных, от навета злых человек, от глада, скорбей и болезней. Даруй нам дух сокрушения, смирение сердца, чистоту помышлений, исправление греховныя жизни и оставление согрешений наших, да вси, благодарне воспевающе величия Твоя, сподобимся Небеснаго Царствия и тамо со всеми святыми прославим Пречистое и великолепое имя в Троице славимаго Бога: Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь

Духовный Совесѣдникъ

2016 №1(81)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Галина Гражданкина – набор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: dsobesednik@bk.ru, albina063@mail.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

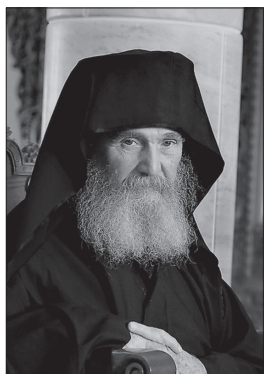
**МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ
ПРЕД ИКОНОЙ ЕЯ «ДЕРЖАВНАЯ»** 1

СЛОВО ПАТРИАРХА

Папприарх Московский и всея Руси Кирилл
Наследие князя Владимира и судьбы
исторической Руси.
Доклад на XIX Всемирном
Русском Народном Соборе 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Архимандрит Ефрем Святогорец
«Во время молитвы совершается таинство» 10

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

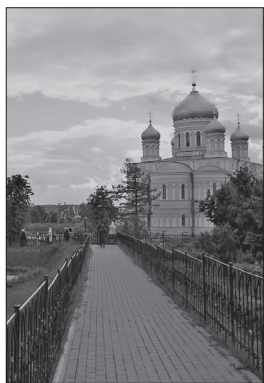
Митрополит Мануил (Лемешевский)
Вопросник митрополита Мануила 20
Агиология митрополита Мануила 23

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Иван Солоневич
Великая фальшивка Февраля 48

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Петр Мультпапули
Кто и зачем ведет войну с фильмами
Никиты Михалкова
Великие образы трилогии 112

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Сергей Алексеев
Откуда мы знаем
о язычестве древних славян? 128

НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И СУДЬБЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РУСИ

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла
на XIX Всемирном Русском Народном Соборе

Высокие представители законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры – участники Собора!

В год 1000-летия преставления святого равноапостольного князя Владимира мы обращаемся к наследию, которое он нам оставил. Наследие любого человека – а тем более такого выдающегося, как святой Владимир, – это не просто некое богатство, физическое или духовное, переданное потомкам. Наследие всегда содержит в себе завет, побуждает потомков к действию.

Очевидно, что основной и самый ценный для нас смысл наследия равноапостольного князя – это смысл религиозный: это принятая народом Руси вера Христова. Об этом мне доводилось многократно говорить на протяжении юбилейного года. Сегодня же, выступая на Всемирном русском народном соборе, хотел бы затронуть иное измерение совершенного князем Владимиром выбора – измерение цивилизационное, национальное, общественное.

В наши дни особую остроту приобрел вопрос: какое место уготовано нам выбором веры среди народов Земли? Часто в медийной среде звучит мнение, что выбор святого Владимира – это «европейский выбор», а смысл Крещения Руси – в том, что «через христианство Россия стала принадлежать Европе». Сторонники такой точки зрения очень настойчивы в ее продвижении. Такая настойчивость свидетельствует, что дело касается не только исторических оценок. Речь идет о настоящих и будущих судьбах нашего народа. Ведь если святой князь Владимир совершил цивилизационный выбор в пользу Европы, то мы должны и далее подтверждать его выбор, следуя за европейцами.

Давайте разберем, справедлива ли такая точка зрения и следующие из нее выводы. Скажем сразу, что религиозный выбор и выбор цивилизации не тождественны между собой. Христианский выбор не может быть помещен в какие-либо географические рамки, будь то европейские или азиатские. Христианская культура несводима к одной национальной культуре или к группе таких культур. Христос пришел спасти все человечество. Его проповедь, Его заповеди обращены ко всем людям, живущим и в Европе, и в Азии, в Америке, и в Африке, и где угодно.

Мы знаем, что земная жизнь Спасителя совершалась не в Европе. Он родился и жил на Ближнем Востоке, в том таинственном центре мира, который и географически расположен между Азией, Европой и Африкой, и в культурном смысле с незапамятных времен находился на перекрестке великих цивилизаций Древнего мира, вокруг которого постоянно шли и даже сегодня идут войны, скрещаются интересы различных сил и центров влияния.

Восточная Римская империя, крупнейшее христианское государство Средневековья, ставшее для русских источником Благовестия, тоже никак не может считаться только европейской державой.

При том, что культурной основой Византии несомненно был греко-римский мир, и греческий язык был языком межнационального общения, она включала в себя пространства трех континентов. Антиохиец – Иоанн Златоуст; сириец – Иоанн Дамаскин; происходивший из земель Междуречья (территория современного Ирака) – Даниил Столпник; уроженец Египта Афанасий Великий; рожденный на европейском берегу Босфора Феодор Студит, как и многие другие были выходцами из разных частей света.

Восточное христианство не разделяло между собой Европу, Азию и Африку, не стремилось к культурному обособлению какой-то якобы избранной, особо одаренной в культурном плане территории или группы народов, но несло христианские дары всем окрестным континентам. В этом проявлялся универсализм Византийской цивилизации.

Когда мы говорим о цивилизациях как об особых культурно-исторических типах, обозначенных еще Николаем Яковлевичем Данилевским, на первое место иногда выдвигаются их уникальные, ни на что не похожие, подчас экзотические черты. Но цивилизация определяется не только ими. Такими чертами может обладать и изолированное племя, живущее на одиноком острове

или в непроходимых лесных дебрях. Цивилизация рождается тогда, когда ей есть что сказать всему человечеству, когда ее наследие приобретает всемирное значение.

Однако цивилизация, культурно-исторический тип – это явление социального, культурного, но не сакрального характера. И хотя каждая цивилизация призвана предлагать свои открытия и достижения для всех людей, для всего мира, она не может быть поставлена на место Бога, не может быть объявлена создателем высшей истины. Сама постановка вопроса в таком ключе – большое заблуждение и опасный соблазн. Однако именно такому соблазну подвергались многие в истории; подвергаются ему нередко и сейчас.

Отмечу, что долгое время западная цивилизация не называла себя европейской. Вплоть до конца XVIII века культурное сообщество народов Запада предпочитало именовать себя христианским миром. Потом, когда христианские ценности на Западе стали отступать под натиском секулярных идей, было отдано предпочтение другому названию – Европа.

Совершённый в это время выбор новой идентичности уже тогда в значительной степени оказался альтернативой христианскому выбору. Об этой эволюции самоощущения и самоназвания западных европейцев подробно говорит видный британский историк Норман Дэвис.

И сегодня в словах «европейский выбор», который иногда прилагают к судьбе русского народа, нередко слышится подтекст исключительности, словно это выбор в сторону высшей культуры, высшей цивилизации – и отказ от чего-то низшего, недоразвитого, несостоятельного. Этот подтекст распространяется и на современные реалии, и на выбор, совершённый Русью при святом Владимире.

Невозможно отрицать, что, принимая христианство, Русь сделала шаг навстречу истине. Однако крещение не означает, что наши предки вошли в некое особое, элитарное сообщество народов – в этническом, социокультурном или географическом смысле. Такого выделения элитарной части человечества, такого толкования не приемлют ни византийская, ни русская культура. У Христа нет избранных народов, Он любит и ждет всех. Он любит и те народы, которые приняли христианство в апостольские времена, и те, что крестились во времена князя Владимира, и те, что услышали благую весть гораздо позже.

Однако не случайно в рамках христианского мира стало возможным возникновение разных цивилизаций: Византийской, Западноевропейской, Русской, Латиноамериканской. Это произошло потому, что христианство – религия универсальная, но не унифицирующая. Бог предоставляет каждому народу возможность раскрыть свои дарования и не утрачивать национального лица. В этом равенстве различающихся народов, в этом уважении к многообразию культур, в этом отрицании превосходства – наше понимание христианства, в этом – особенность нашей цивилизации.

Церковное Предание гласит, что князь Владимир предпочел принять христианство от Византии, потому что русские посланники были восхищены красотой православного богослужения. Но, видимо, не только эстетическое чувство определило выбор в пользу Восточной Церкви. В этом выборе не могло не проявиться и нравственное чувство князя, чувство национального достоинства и уважения к своему народу. Ведь именно в восточной христианской традиции предполагалось полное сохранение национальной независимости.

Византия и Русь взаимодействовали как равный с равным, и это было важнейшим условием крещения.

Давайте представим себе картину: встретились богатейшая Византия, с ее древним наследием, с культурными сокровищами мирового значения, и совершенно молодая Русь, еще не создавшая никаких богатств и не совершившая почти никаких деяний, кроме ряда смелых воинских подвигов. На первый взгляд, встретились два совершенно несхожих народа, и именно к такому случаю можно было бы приложить знакомую дихотомию «цивилизация – варварство». Но диалог, который возник между Русью и Византией, не носил и следа подобной неравноценной дихотомии. Не было речи о том, что Русь сделала «византийский выбор» и оказалась обязана следовать в фарватере Константинополя. К нам не приехали византийские латифундисты, чтобы приобрести землю и рабов. Византийские купцы не получили на Руси особых привилегий. Равноправие двух сторон было подчеркнуто и скреплено браком князя Владимира и византийской принцессы Анны.

Жители Руси, следуя тем же самым православным христианским идеалам, что и византийцы, сумели построить на этой основе самобытное общество со своим характером и возможностями.

Выбор святого князя Владимира ни в коем случае не был только «европейским выбором» и даже только «византийским выбором». Тем более его нельзя считать отказом от национальной культурной идентичности. Это был русский выбор, который позволил народу раскрыть свои дарования и таланты в лоне христианства, проявить себя в служении вселенской истине Христовой и в рамках этого служения создать собственную цивилизацию.

В Киеве, где погибли в 983 году, по словам Симеона Суздальского, «первые русские граждане Небесного града» святые Феодор Варяг и сын его Юоанн, и находится фундамент Десятинной церкви – первого христианского храма древнего Киева, воздвигнутого князем Владимиром. Эта церковь названа так в честь десятой доли доходов, которую святой князь начал вносить сначала на строительство этого храма, а потом на другие богоугодные дела. Его примеру последовали иные православные христиане, и вскоре внесение десятины превратилось в нашу национальную традицию. Десятина отдавалась не только на строительство храмов. Она стала средством добровольного подчинения личных интересов общим целям, стала одной из форм проявления солидарности, поддержки тех, кто в этой поддержке нуждался.

Солидарное общество – это русский социальный идеал, также непосредственно связанный с христианским выбором князя Владимира. Как я уже говорил, это такое общество, в котором отношения взаимопомощи и сотрудничества стоят выше взаимной ревности и конкуренции. Это общество, в котором нет «лишних людей», нет обреченных и проклятых. Таков идеал, основанный на самой сути евангельского учения. И вместе с тем это национальный идеал, в котором проявилось русское понимание христианства. По сути дела, это идеал нравственного общества и государства, предполагающий бережное отношение к подлинным ценностям и историческому опыту народа.

Чтобы проводить нравственную политику, государство должно иметь неравнодушный, ценностно обоснованный взгляд на образование, культуру, информацию, сферу идей, руководствоваться нравственным приоритетом и волей своего народа над другими, особенно внешними источниками права. Власть в таком государстве прислушивается к народу и помнит об ответе перед Богом.

Нравственное государство не превращает культуру и знания в товар, тем более доступный по цене не всем и не всегда, ибо это ведет к общественной сегрегации и информационному неравенству. Оно поддерживает воспитательную функцию школы, включая высшую, осуществляемую в духе идеалов солидарности и взаимопомощи в рамках национальных традиций и морали, сформированной в том числе под влиянием традиционных религий. Именно поэтому необходимо иметь общие, согласованные подходы к формированию программ обучения в школе и в вузе, иметь единое образовательное пространство.

Хотел бы отметить значение частного, но тем не менее весьма важного влияния в отечественной школе – это возрождение кадетского образования, где получают путевку в жизнь как будущие воины, наследники подвигов князя Владимира, так и молодежь, избравшая мирные специальности, но способная быть готовой к защите Отечества, его свободы и независимости не только на поле ратной брани, но и в условиях информационного и культурного, а лучше сказать, антикультурного массового воздействия на сознание и чувства молодежи.

Нравственное государство предполагает и справедливое устройство экономики. Идеи солидарности, о которых неоднократно говорилось с трибуны Всемирного русского народного собора, требуют сегодня воплощения в жизнь, а не только теоретического обсуждения.

Необходимо преодолеть разрыв между деньгами и трудом, реальными ценностями и спекулятивной «экономикой» – разрыв, угрожающий экономической стабильности не только России, но и всего мира.

Ценности солидарного общества вместе с нами разделяют другие народы Русской цивилизации, находящиеся в этих ценностях созвучие с духовными основами своих религий – ислама, иудаизма, буддизма. Это дает нам основания утверждать, что Русская цивилизация является не только русской и не

только православно-христианской, несмотря на решающий вклад русского народа и Русской Православной Церкви в ее созидание. Она является общим домом и общим достоянием для народов разных религий, вероисповеданий и культур. Прочным фундаментом этого дома стало отрицание превосходства одних народов над другими, уважение к их равенству и достоинству – то есть наследие, утвержденное еще святым Владимиром в его диалоге с Византией.

Необходимость осмысления исторических корней и базовых ценностей нашей цивилизации и их актуализации в перспективе вызовов XXI века – это, как кажется, одна из насущных задач отечественной гуманитарной мысли. Значительный вклад в решение этой задачи может и должен внести Всемирный русский народный собор.

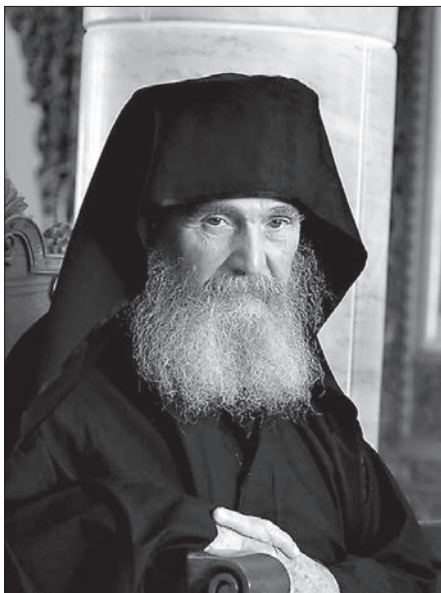
Мы видим, что на рубеже нулевых и десятых годов Собор перерос статус общественного форума, который служил площадкой для обмена идеями, и ныне превращается в организацию, способную формулировать мировоззренческие ориентиры и предлагать ответы на вопросы современности. Так, именно интеллектуальными силами ВРНС предложены концепции гуманитарного и технологического суверенитета России, дан глубокий анализ русской цивилизационной и этнокультурной идентичности, ведется исследование проблематики солидарного общества.

Эта работа имеет принципиально важное значение. Если 90-е годы проходили под знаком разрушения и хаоса, а нулевые – под знаком восстановления разрушенного, то теперь время задуматься о будущем. Возрастают новые поколения, для которых распад СССР – это уже история, и которых не удовлетворишь сравнением с 90-ми годами. Они хотят ясно видеть смысл и цель развития страны, хотят понимать, кто мы, куда идем, к чему стремимся. Вот почему нам необходимо сегодня прочувствовать и осмыслить единый исторический путь, который начался с Крещения Руси, по которому шла наша Родина к победам сквозь все испытания и который открывает нам перспективу будущего.

Эта перспектива – хранение и строительство нашей самобытной цивилизации, опирающейся на универсальный христианский фундамент, учитывающей национальные начала русского народа и гармонично сочетающей их с национальными началами и религиозными традициями близких нам народов – наших соседей и братьев. Таков важнейший для нас урок наследия святого князя Владимира – наследия, которого мы должны быть достойны и которое обязаны сохранить и передать грядущим поколениям. И да поможет нам в этом Бог.

10 ноября 2015 года

«ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ СОВЕРШАЕТСЯ ТАИНСТВО»

Старец Ефрем Филофейский

Сегодня я, как обычно, расскажу вам кое-что из жизни моего блаженного Старца¹ – в основном то, что касается практического образа молитвы, как сам Старец ее творил и как научил нас.

Устав у нас, когда мы пребывали в пустыне², был такой: с заходом солнца мы вставали от сна и приступали к молитве, выпив перед этим по чашечке кофе, для того только, чтобы было удобнее бодрствовать. После этого каждый шел в свою келью, и там мы приступали к молитве и бдению, как учил старец.

Старец говорил: «Когда встаешь от сна, ум у тебя отдохнувший, чистый; и пока ум у тебя чист и спокоен, лучшее делание для него в это время – это поучение в имени Христовом. Сядь на скамеечку и, прежде

чем начать молитву “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя”, посиди несколько минут, подумай о смерти, представь, что это твоя последняя ночь, что через несколько часов, после того, как окончится молитва, ты отойдешь в иной

Печатается по: *Ефрем Святогорец, архимандрит. Искусство спасения* /пер. с новогреч. иерея Антония Данилина. М.: Святая Гора, 2012. Т. 1. 480 с.

¹ Преподобный старец Иосиф – знаменитый афонский подвижник Иосиф Исихаст (1898 – 1959, в миру – Франциск Коттис) родился на о. Парос, в Левках. Придя на Святую Гору, принял постриг в великую схиму от о. Ефрема в Катунаках, в каливе Благовещения. Одна из основных фигур православной духовности XX столетия. Ведя тихое существование, он, тем не менее, имел огромное влияние: был одним из главных возобновителей образа жизни исихастов, в частности, делания Иисусовой молитвы. После его смерти, ученики старца распространили плоды этого влияния на Афоне, а затем и по всей Греции, на Кипре и вплоть до Северной Америки. Канонизирован как местночтимый святой на Афоне.

² Катунaки, Катунaкия (τά Κατουνακία) – пустынная местность на Афоне, где живут подвижники, проводящие особо строгую жизнь; скит в пустынной возвышенной долине между скитом Малая св. Анна и Карулиями. Название происходит от византийского слова котобуа – военный лагерь, узкое, защищенное место. Поселение возникло в нач. XVIII в., возможно на месте более древнего (XVI в.). В настоящее время здесь находится 12 келлий-исихастериев. Общее число монахов, подвизающихся в Катунaкиях, – около тридцати.

мир, и в момент твоего исхода предстанут пред тобой и Ангелы, и бесы. Они представят перед тобой твои дела, совершенные тобой в течение всей жизни, и добрые, и злые. Бесы постараются ввергнуть тебя в отчаяние, говоря, что дела твои таковы, что спасение для тебя невозможно. Ангелы же станут возражать, представят дела, сотворенные по Богу; состоится предварительный Суд, после которого душа станет восходить в сретение Судии. Но прежде чем душа поклонится страшному Судии, она пройдет через воздушные мытарства, на каждом из которых будут стоять демонские полки; на каждом мытарстве будет рассматриваться определенный грех. Душа будет проходить через эти мытарства и, если избегнет бесов, то взойдет к Судии. Если же она не сможет пройти через мытарства, то на том мытарстве, где ее задержат, ей будет произнесен обвинительный приговор и она, по учению отцов, сойдет в ад. Это один образ созерцания».

Прп. Иосиф Исихаст. Икона

Старец советовал, чтобы мы приводили себе на ум такие мысли прежде, чем приступить к сердечной молитве.

Есть и другой образ созерцания. Он касается грехов, Второго Пришествия и других полезных мыслей, которые можно приводить на ум прежде, чем приступить к молитве. Созерцая, не нужно рисовать в уме и воображении разные образы и картины. Такое подготовительное упражнение приведет душу в состояние умиления и приготовит к молитве, чтобы приступить к ней без рассеяния и с охотой. И когда душа придет в состояние умиления и сокрушения, тогда ум обращается в область сердца.

Для большего облегчения ум лучше помещать туда, откуда начинается дыхание человека, туда, где воздух идет к сердцу, – в область легких. Вместе с дыханием к сердцу будет идти и ум. И там, где окончится вздох, утверди свой ум. Найдя таким образом место сердца, дай начаться внутреннему слову молитвы, на вдохе: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», и на выдохе – опять та же молитва. Ум пусть стоит в месте сердца без рассеяния и без образов; не надо представлять в уме ни Христа, ни Божией Матери и вообще ничего другого. Ум пусть следит за тем, чтобы не принимать образов, и пребывает в об-

ласти сердца с любовным расположением ко Христу, Которого поминает в молитве. Это практический метод.

От делания молящийся в уединении восходит к созерцанию. От деятельной молитвы мы восходим и приближаемся к Богу посредством созерцания. Однако, если ум не очистится молитвой по первому образу, то он будет и не в состоянии приблизиться и ощутить Христа в созерцании.

Диавол страшно ненавидит молитву и не дает человеку молиться, как научили отцы, делает все возможное, чтобы помешать молящемуся. Он тщательно готовится и изобретает способы, чтобы разрушить духовные укрепления, которые строит воин Христов. Следовательно, и воину Христову стоит строить укрепление так, чтобы оно выдержало удар.

Итак, все внимание нужно обратить на ум. Ум – это капитан, это очи души и человеческого сердца. Ум Благодатью Божией и старанием человека должен быть чрезвычайно внимательным, чтобы практический образ молитвы осуществился в соответствии со всеми правилами отцов и был достигнут положительный результат.

Внимание необходимо с самого момента пробуждения. Мы говорили, что диавол следит, он знает, что этот человек встает на молитву, и сам бывает уже заранее готов. Только я встану – он станет влагать мне помыслы, представлять изображения разных житейских предметов, чтобы сразу замутить ум образами, лишить чистоты, возможности сесть и приступить к молитве. Поэтому нужно, лишь только откроются глаза, уже во время пробуждения сразу же устами произносить: *«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»*, – очень тихо, чтобы предвратить диавола, чтобы он нам, не дай Бог, не вложил свою молитву, в которой вся его злоба. И так, начав потихоньку и легко молитву *«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»*, сразу идем умывать лицо, ум при этом освежается и пробуждается, что-нибудь глотаем для укрепления сил – немного воды или что-то другое – и сразу со вниманием читаем Трисвятое и Символ веры, славу Православия.

Прежде любого другого дела садимся на скамеечку и размышляем об исходе: что предстоит пережить душе, когда она станет различаться с телом, сколько слез проливает душа в этот момент, помышляя о Суде Божиим, что ожидает ее по исходе, и о том, насколько она готова к Суду. Все эти мысли не должны вызывать в уме представлений и образов; здесь нужны только слова, а ум должен следить за содержанием мыслей. И как только душа в скором времени придет в состояние умиления и сокрушения, тут же нужно входить в практический образ молитвы.

Ум пусть отгоняет всякое размышление, а мысль ведет себя туда, где начинается дыхание, сдержанное дыхание – не обычное естественное, а лишь немного сдержанное. Вдыхая воздух и продвигая его к сердцу, будем произносить молитву один раз на вдохе. Ум пусть при этом пребывает в сердце, и еще раз произнесем молитву на выдохе. Вдыхая и выдыхая имя Христово, ум пусть стоит и внимает! Пусть держит себя в сердце, взирает очами и следит, чтобы вдруг не возник какой-нибудь образ.

Так поупражнявшись в этом методе столько времени, сколько угодно Богу, примем благословение. Если ум удержался в молитве, выдержал первый натиск и удалил от себя образы, значит, молитва пошла в ритме, практическом ритме. Далее ум приобретает чистоту, то есть ощущает мир, тишину, спокойствие, легкость, ощущает, что нечто тянет его вверх. Куда? В сретение Бога! Духовный магнит тянет его вверх, к близкому общению с Богом.

И когда это случится, тогда словно встречаются два человека, которые были в разлуке много лет на разных материках и при встрече от любви друг к другу заливаются слезами, обнаруживают во всех движениях любовь и нежное чувство сердца. Так же точно, когда душа и ум встречаются, соединяются с Богом: льются слезы и ум не может выразить словами, что чувствует в этот момент сердце человека. И это первое сближение с Богом есть плод практического метода молитвы.

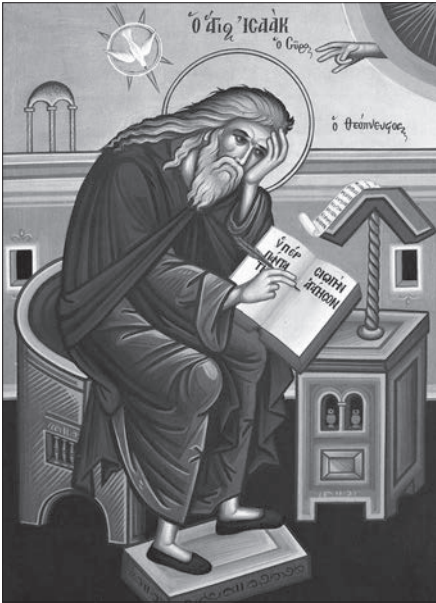
Вернемся же теперь немного назад и посмотрим, что помогает молитве и сближению с Богом. Молитве нужно помогать, для этого человек должен быть вообще внимательным в духовной жизни. Если это послушник, то он обязан хранить послушание во всем до самых мелочей, быть внимательным во всем и исполнять то, чему учит его старец, и не делать ничего, что было бы противно воле, желанию или образу жизни старца.

Все учение нашего Старца есть не что иное, как практическое воплощение, изъяснение, изложение в упрощенном виде заповедей Христовых. Поэтому говорят отцы: «Внимающий заповедям духовного старца, исполняет заповеди Христовы».

Далее. Послушник должен стремиться всегда пребывать в напряжении духовных сил, чтобы не случилось так, что он ночью подвизается в молитве, а днем расточает приобретенное в празднословии, в пустословии, в невнимании и в небрежности к послушанию. Это все равно, как если бы кто подоил корову, а потом по неосторожности задел ведро и вылил все надоенное на землю. Получается, что зря доил.

Если я хочу и стараюсь приобрести молитву, чтобы сделаться духовно преуспевающим монахом, и в то же время днем рассеиваю свое внимание, занимаясь празднословием и загромождая ум тысячами ненужных мыслей, то как потом смогу сесть и сосредоточиться на молитве? За день я столько всего загрузил в себя – о какой ночной молитве можно тогда говорить? Мы даем дьяволу простор, а он представляет нам образы один за другим, и душа, изможденная своим дневным поражением, не может противостоять дьявольским козням. Так молитва остается бесплодной, а душа потом ощущает сухость и пустоту и говорит: «Почему так происходит, почему я не могу найти молитву?» А ничего удивительного, все закономерно.

Во время молитвы совершается некое таинство. Как же молитва может не быть таинством? Мы чувствуем в молитве изливание любви, и душа тайно, таинственно, как-то божественно общается с Богом. Мы слышим слова молитвы и не можем изъяснить, что ощущает сердце духовно преуспевшего в мо-

Прп. Исаак Сирийский. Икона

литве человека. Поэтому к молитве нужно готовиться. Вниманием в духовной жизни помогать уму и сердцу, чтобы время молитвы стало плодотворным.

Святой Исаак Сирийский¹ говорит, что если мы во всем себя приготовим, то Господь просто обязан послать Свою Благодать. Но святой подвижник говорит еще и другое: «Ты, человек, должен приготовиться, но от Бога зависит: даст или не даст Он тебе Свою Благодать. Но как бы то ни было, со своей стороны ты должен приготовиться». Поэтому часто бывает так, что человек хотя и готовится необходимым образом, но не всякий раз находит в молитве особой благодати. Так происходит, как мы сказали, чтобы он познал, что Бог посещает, когда Сам сочтет нужным.

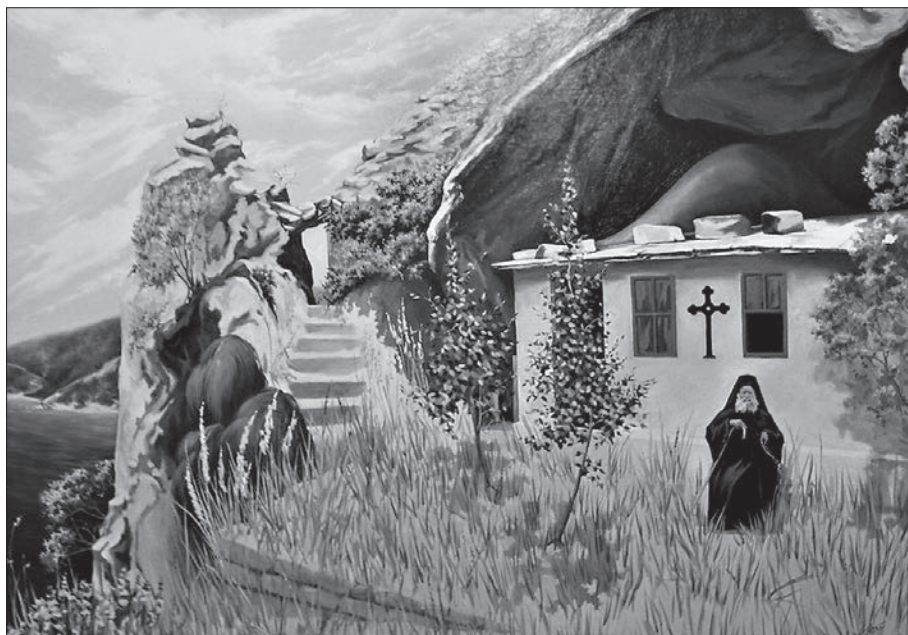
Человек должен быть готов, сосуд его должен быть свободен, чист и открыт; а сам он должен ожидать, когда Благословение Божие придет к нему.

Но если сосуд нечист и закрыт сверху, то куда Богу вложить Свою Благодать? Даже если Он захочет даровать ее, то в какой сосуд можно будет вложить Всенепорочную Благодать? Потому-то и становится человек недостойным. Потому-то и в Святом Евангелии говорится, что должно очистить внутреннее чаши, чтобы и внешнее было чисто². То есть, если сосуд чист, то мы примем Благодать Божию, которая и внешне проявится в теле, а в членах тела отразится чистота души. Эта чистота будет заметна, как заметна она в духовных людях и на лице их, и во всем их существе. Благодать есть явное и осязаемое доказательство того, что человек духовен. Духовный, собственно, и значит – преуспевший в молитве и Благодати Божией.

Всему этому и многому другому учил нас блаженный Старец, вся жизнь которого была не чем иным, как непрерывным самопонуждением в молит-

¹ Исаак Сирийский (Сириянин, Сириянин) Ниневийский – христианский писатель-аскет, жил в Сирии в VII в. Оставил много сочинений, свод которых известен под названием «Монашеское правило». Содержание его поучений – анализ разнообразных состояний праведности и греховности и способов христианского исправления и самоусовершенствования. † 28 января по ст. ст.

² Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты (Мф. 23, 26 – 27).

Келья Иосифа Исихаста. Гора Афон

ве. Когда я был у него келейником и готовил ему кофе на закате солнца, чтобы взбодриться перед бдением, он не разрешал мне даже слова произносить, даже исповедовать помысел, например, то, что меня беспокоило во время пробуждения и т.п. Я готовил кофе молча, а он потом жестом показывал мне: уходи. Так он готовился к молитве! А потом уходил в келью – летом он пил кофе на улице и потом уходил в келью, готовился, молился и размышлял о том, о чем мы говорили. Уходя в свою темную келью, он одновременно сосредотачивался в сердце; входил и пребывал в нем часами. Бог ведает, что там происходило!

Часто я по своей немощи выходил из кельи раньше; тогда я слышал, как старец поет тропари из чина пострижения в великую схиму или из заупокойной службы – так он вводил некоторое разнообразие, давал уму немного отдохнуть, а потом он снова уходил в молитву и сколько времени пребывал в ней – знает только Бог и сам старец! Часто он затворялся на заходе солнца и пребывал в келье до полуночи, а то и дольше. Потом выходил, брал четки и начинал совершать правило, которое обязательно должен совершать каждый монах. Но главные силы ума он отдавал молитве с произнесением имени Христова, непосредственному общению с Богом. А потом совершал уставную часть, чтобы и с этой стороны избежать упрека.

Вот это практическое учение старца должно стать для нас светлым руководством к молитве. Поэтому в первую очередь мы должны позаботиться о

том, чтобы своей жизнью помогать нашей молитве. Если мы тут прегрешаем, то и в молитве не преуспеем. Поэтому в течение дня мы не должны заниматься пустыми вещами. Будем внимательно совершать свое послушание и творить молитву, как учил нас Старец. А так как днем на послушании ум развлекается, потому полезно бывает, особенно новонаначальному, вслух произносить молитву во время работы. Конечно, он не приобретет столько же, сколько приобретает в часы безмолвия и молитвы – свои восемьдесят или сто процентов пользы, но может приобрести хотя бы пятьдесят или тридцать процентов. Молитва во время послушания, призывание вслух имени Божия днем имеет целью помочь главной – ночной молитве. Следовательно, очень важно днем произносить молитву вслух и внимательно следить за своими пятью чувствами, а главное – за языком.

Не будем заниматься пустословием, не будем нарушать заповеди, которые принимаем от старца. Старец наставлял нас: «Не занимайся празднословием, чадо; не вступай в пустые разговоры; не ходи в келью к брату, когда имеешь заповедь не пустословить».

Когда начинаешь празднословить, говорить пустые вещи, тем уничижаешь послушание, нарушаешь заповедь, уничтожаешь приуготовительный труд и саму главную молитву. А потом приходишь и сетуешь: «Я не нахожу молитвы, чувствую внутри пустоту». Правильно, а до молитвы ты чем занимался?!

Итак, если послушник невнимателен к этим вещам, то потом в молитве он не приобретает ничего. Потому мы говорим, чтобы вы следили за помыслами. На тебя нападают разные помыслы, беря начало в страстях, – внимательно произноси вслух молитву и пренебрегай помыслами, не обращай на них внимания, словно бы их и не было. Удерживая молитву и пренебрегая помыслами – вот так мы полагаем доброе начало, крепкий фундамент, даем приуготовительную помощь душе, помогаем дальнейшей молитве и прямо идем к своей цели. Ничего здесь нет трудного, никогда духовный подвиг не требует чрезмерного усилия и напряжения, если мы идем проторенным путем. Небольшое усилие вначале, а потом человек ощущает в душе легкость. Или кто-то может сказать, что не вести ненужных разговоров с братом и произносить молитву вслух – это труд? Да, положим, но как изъяснить то духовное возвышение, что потом испытываешь на молитве, если предварительно будешь хранить от нечистоты язык и все чувства?

Помню, когда мы жили со Старцем, получали от него эти заповеди и старались хранить их в точности. Случалось и следующее: послушливый брат, в точности исполнявший все, что заповедовал Старец, даже во время отправления естественной нужды орошал место вокруг слезами, шел спать – и не мог уснуть из-за слез, только открывал глаза – первой на ум приходила мысль о смерти, что бы ни делал – ум занимался духовным. Вот плод хранения послушания! Что, – этот человек перенапрягался, когда плакал? Нет. Благословение Божие или, лучше сказать, достойный плод делания – вот результат

исполнения заповедей и труда послушания, в котором брат подвизался. Слезы его тогда являлись результатом подвига и, в сущности, были слезами духовной радости.

Следовательно, и днем, когда человек трудится в послушании и по неволе отвлекается, Благодать Божия не перестает его посещать, если только он хранит в уме мысль, как соблюсти послушание. Итак, если послушник соблюдает заповеданное и чувствует плоды своего делания, разве возможно, чтобы он не вкусил богатого плода Благодати и Благословения Божия, не вошел бы в общение с Богом и с душой своего старца, не достиг бы духовного единения! Говоря проще, духовное единение есть не что иное, как Благодать Божия, познаваемая в душе понуждающего себя в подвиге послушника.

Прп. Симеон Новый Богослов. Икона

Святой Симеон Новый Богослов¹

учился богословию не в университете; он обучался ему в монастыре через абсолютное послушание и веру своему духовному отцу. В итоге, как награду, он воспринял все богословие Святого Духа. Поэтому все, чему он учил, было безоговорочно принято учеными-богословами, как богословие подлинное, хотя часто не все могли проникнуть в богословскую суть того, что испытал на опыте этот богослов от Бога. Может, он и выражался богословским языком, но глубина и грандиозность его богословского познания не может вполне вместиться в книги.

Теперь нам остается только понудить себя к исполнению того, что было по Благодати Божией и по молитвам Старца здесь сказано. Это совсем не трудно, но даже очень просто. Замечено, что человек, когда говорит много лишнего, устает. Когда же молчит, то внутри у него происходит духовный процесс. Он духовно отдыхает, потому что поучается в духовном. А поучение в духовном приносит душе отдохновение.

Неужели можно назвать непосильным трудом молчание или хранение послушания, если человек знает, что послушание приведет его в такую ду-

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов (Σιμεών του Νεο Θεολόγου, 949 – 1022) – богослов, автор «Гимнов» – поэтических духовных стихов, ярчайший представитель исихазма. Наряду с великими богословами Церкви – Иоанном Богословом и Григорием Богословом, Симеон был удостоен имени Новый Богослов. † 12 марта по ст. ст.

ховную меру, что даже смерть, придет ли она днем или ночью, найдет его уготованным: он достигнет своей вечной цели – будет сопричтен Ангелам, стоящим пред Престолом Божиим! Он войдет в число Ангельского чина и вместе с Ангелами будет возносить те неизреченные и неизглаголенные песнопения, что они воспевают вечно, стоя кругом Престола Божия!

Человек, который хотя немного потрудится, чтобы достичь в эту меру, делается вне себя и ощущает такую любовь, что вмещает в свое сердце всех людей! Так любящий человек чувствует себя счастливым. Наоборот, не имеющий любви, испытывает внутреннюю скорбь и горечь.

Когда мы удаляемся от исполнения послушания, которое есть средоточие всех вместе заповедей Божиих, то впадаем в ошибки, огорчаемся, лишаемся полноты, останавливаемся на пути вперед, делаемся духовно несчастны. Следовательно, нужно неотступно понуждать себя, подвизаться, и подвиг принесет тогда духовный плод. Ведь цель, для которой мы пришли сюда, есть изменение нашего внутреннего человека.

У нас есть современный святой – наш Старец со своим современным учением, который теперь обитает на Небесах и смотрит, как мы исполняем его слова на деле и как следуем его жизни. Мы, конечно, не можем достичь его меры, но можем в некоторой степени последовать его жизни.

Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки (Евр. 13, 8), – говорит святой апостол Павел. Будем подвизаться и следовать за тем, чтобы и днем творить молитву, кто может – умом, а новоначальный лучше пусть произносит вслух. Каждый пусть исполняет свое послушание так, словно он прямо служит Богу и Ангелам. Ангелы – это наши братья. Думайте о том, что празднословие – вещь нехорошая, оно помрачает ум человека и затрудняет ночную молитву.

Помимо молитвы можно еще заниматься духовным размышлением. В церкви – со вниманием стойте в стасидиях¹ и сходите со своего места только в случае крайней необходимости. Раздается удар в било? Будем все собираться в церкви, как собрались в Ноев ковчег разные животные, когда раздалась призывные удары, чтобы спастись от Потопа. И мы спасаемся от потопа грехов, когда идем в церковь, потому что здесь мы все вместе объединяем свои молитвы и обретаем дерзновение. Если моя молитва слаба, то сильна молитва брата, и вместе с его молитвой к Богу пойдет и моя. Ангел, который помогает ему, своим присутствием поможет и мне, чтобы ко мне не приблизился грех: *Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок* (Притч. 18, 19).

Так, все вместе будем идти и в церковь, и на работу. После трапезы будем спокойно и тихо расходиться на отдых и не будем собираться в разных местах для празднословия. Сразу уединимся в своей келье, приляжем нена-

¹ Стасидия – особое кресло в храме с высокой спинкой, откидным сиденьем и высокими подлокотниками, позволяющее занять положение полустоя-полусидя. На них опираются монахи, выстаивая многочасовые службы.

Монастырь Филофей. Афон

долго и по колоколу встанем, чтобы начать молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» – с умилением и сокрушением, в соответствии с практическим методом. Отдадим Богу себя, все свое произволение, а Он ниспошлет нам Свое Благословение.

Старец Иосиф печется о нас; он теперь в горних обителях и имеет совершенное общение с Богом – общается с Ним иными устами и иными словами, просит Его, чтобы Он послал нам Свою помощь и Благодать. Он невидимо наблюдает за нами, будет наблюдать и в будущем, чтобы мы крепко утвердились в духовной, монашеской жизни, сами бы достигли спасения и по долгу братской любви помогли бы достичь его своему ближнему. Аминь. Да будет!

Монастырь Филофей. 30 ноября 1976 г.

Ефрем Филофейский (Аризонский), Святогорец, родился 24.06.1928 г. в городе Волос (Греция). В 19 лет поступил в послушание к старцу Иосифу Исихасту. Возобновитель монастырей на Святой Горе, старец греческого монастыря Филофей на Афоне. Основал 19 православных монастырей в США и Канаде. С 1995 года удалился в пустыню ради безмолвия и молитвы о всем мире.

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

Мы продолжаем публиковать материалы из архива митр. Мануила (Лемешевского). В 1929 – 1933 годах духовные чада Владыки по его заданию собирали и записывали жизнеописания подвижников и праведников XIX – XX столетий. Для составления жизнеописаний владыка Мануил разработал Вопросник, который помогал его духовным чадам более подробно систематизировать собираемые сведения. Вопросник представляет собой научную историческую ценность. По нему можно судить, насколько глубоко, тонко и бережно относился Владыка ко всем сторонам жизни... Полагаем, что Вопросник будет полезен читателям для самопознания.

ВОПРОСНИК

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Год, месяц и день рождения. Мирское имя и фамилия. Где родился (губерния, уезд и т.д.). Кто были родители (звание) и как их звали. Были ли они благочестивые, верующие. Какое и где получил образование.

Наклонность или перелом к духовной жизни (т. н. благодатный). Проявлялись постепенно или какое-либо событие послужило толчком к сему.

Поступление в монастырь или принятие сана, или тайное пострижение (в мантию или схиму), или подъятие подвига юродства, одним словом, выявленное осуществление ухода от прелестей мира, при каких обстоятельствах совершилось.

Кто был руководителем духовной жизни в период, предшествующий этой жизненной перемене, и в дальнейшем.

Имя старца, духовника или кого-либо другого и более подробные сведения о руководителе.

Домашняя жизнь до ухода на новое духовное поприще (в монастырь или взятие на себя самостоятельного подвижнического жития).

Отношение домашних к проявлениям духовной жизни. Два типа отношений: домашние утеснения (домашние – враги твои) и препятствия; ревнования родных о спасении души избравшего сей путь и осуществление его намерений.

Совершал ли богомолья и куда (с родными, знакомыми или один). Какие места удалось ему посетить, с какими старцами или духовными людьми встретиться и окормиться у них.

Не высказывал ли желания посетить Иерусалим и другие заморские святыни. Отношение к родным и знакомым в этот подготовительный период.

Не замечалось ли в этот период каких-либо благодатных качеств в нем (дар памяти, тяготение к духовному чтению).

Молитвенное, келейное правило. В чем оно состояло и как правилось.

Обстановка его помещения. Одежда. Пища. Сон.

Не проявлялось ли в нем в этот период дара слез, дара прозорливости? Может быть, он получал откровения свыше? (Какие и при каких обстоятельствах; во сне или наяву). Или уже обладал даром исцеления.

Не было ли в его семье или в семье его родителей, среди ближайших родных кого-либо из духовного звания и монашеского и кто именно?

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ

Когда поступил в монастырь и в какой? Где, когда и как пострижен в мантию? Под руководство кого отдан после пострижения?

Когда посвящен в иеродиаконы, во иеромонахи, пострижен в схиму (причины сего пострижения), возведен во игумена, архимандрита?

Какие в монастыре нес послушания и как их выполнял?

Переходил ли из первого монастыря в другие обители (если да, то когда, в какие именно и по какой причине)? Совершал ли богомолья во время монастырского жития?

Кто был духовным руководителем и окормителем его в последующее время пребывания в монастыре?

МОНАШЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Обстановка и образ жизни. Келия (общее описание). Ложе. Одежда, обувь, белье. Хождения в баню.

Пища (трапезная, келейная). Чаепития, сладости и прочие монашеские «утешения».

Отношения взаимные с соседями по келиям.

Когда и какие стали замечаться за ним подвиги, тайные и явные: воздержание в пище, сне, в хождении в баню, в одежде, молчание и другие?

Келейное правило было одно или явное и тайное (скрытое от окружающих)? В чем оно состояло вообще? В чем оно выражалось в последние годы его жизни? Было ли у него умное делание (непрестанное творение Иисусовой молитвы)?

Отношение его к окружающим.

К родным. К настоятелю. К братии. К трудникам. К богомольцам.

В обращении к окружающим имел ли любимые слова или прибаутки?

Обладал ли даром обличения окружающих?

Встречи и знакомства его с разными государственными и общественными деятелями из духовной среды. Встречи и знакомства его с подвижниками и праведниками благочестия и их влияние на него. Особые черты его характера.

Его отношение к благотворительности и вопросы личного нестяжания.

Отношение к больным: посещение больных и больниц и больничная миссия. Отношение к заключенным: посещение тюрем, свидания с заключенными, помощь им и т. д. Отношение к животным и птицам: домашним и хищникам, и к насекомым. Отношение к вопросу о наградах, повышениях и перемещениях с этой целью.

Отношение к нему окружающих. Родных. Настоятеля и братии. Богомольцев. Не наносили ли ему обид и насмешек, как переносил он все эти злоключения?

Отношение его к книгам и к чтению, к хранению книг и к переписке: любил ли он читать Слово Божие и книги духовные и какие более всего; переписывал ли их или делал из них выдержки в тетради (как борьба с праздностью).

Отношение к Церкви (Богослужению и Святым тайнам).

Любил ли он ходить на Богослужения и как часто? Какие службы предпочитал чаще и охотнее? Отношение к требоисправлению. Часто ли сам служил. Часто ли говел и достаточно ли часто приобщался Святых Тайн?

Во время служения литургии не ощущали ли молящиеся какого-либо особенного духовного подъема, озарения по своей сильной молитве?

Совершение проскомидии и поминовение своих личных, церковных и монастырских синодиком. Поминовение безродных и т. д. Литии на могилах. Отношение к покойникам.

ЗАТВОР

Причина ухода в затвор. С благословения кого? Какой срок пробыл в нем? Когда и по какой причине покинул его? Кого принимал в затворе?

ТАЙНОДЕЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Любил ли он рассказывать о явлениях благодати и других дарах милости Божией к нему, и кому именно он сие доверял? (Или оставил все это в посмертных записках).

Какие ему были откровения свыше, благодатные явления, сны и проречения: до поступления в монастырь, о нем самом, о судьбе монастыря, судьбе Родины, судьбе братии монастырской, судьбах окружающих его людей?

Были у окружающих однородные мнения о нем самом и какие именно?

Его молитва носила ли характер дерзновенного вопля его пламенеющей души?

Был ли в нем дар прозорливости? С какого времени и в чем он стал обнаруживаться (случаи). Все ли время он проявлялся или выявлялся периодами?

Была ли у него благодать исцелений при жизни и после смерти (случаи) и в каких именно болезнях более всего это проявлялось?

Дар юродства и другие подвиги, взятые им на себя, и дары духовные как сопричастники их.

Печатались ли заметки о нем или статьи: в газетах, журналах или отдельных статьях.

Борьба его со злой силой. В чем выявлялись нападения ее и его страхования. Чем и как он боролся с нею. Какие были видения и страхования бесовские.

Не обнаруживались ли в нем через это плотская брань, уныние, тоска, охлаждение к монастырской жизни и келейному правилу и другим проявлениям монашеской жизни. Не прорекала ли злая сила ему чего-либо.

Бесноватые и их отношение к нему. Лечение бесноватых (способы: Б. Требник и т. д.).

Наставления. Какие наставления остались после него: в письмах, записках, заметках, сочинениях или в устных (переданных ближним). В исповеди. О молитве. Келейной, общественно-церковной, Иисусовой.

О келии. О послушании. Об обетах монашеских. О молчании. О воздержании. О смирении. Новоначальным. Монашествующим. Общие о монашеской жизни. Мирянам.

Как умирал (имел ли он приготовленный гроб?). Последние дни его жизни. Что было причиною его кончины (болезнь или старость).

Прощание его с братией, окружающими и родными. Предсмертные его слова и наставления. Завещание (что оставил он после себя – деньги и т. д.). Пожелания (о своем теле, гробе и т. д.).

Успел ли приобщиться Святых Тайн в день кончины и как прожил последние дни (с причащением или без него).

Кончину свою предрек заранее или не предчувствовал ее. Последние минуты его жизни. Год, месяц и день кончины. Кто отпевал. Прощание с телом окружающих. Где погребен. При какой погоде состоялось погребение. Надгробие его на могиле (надпись на кресте или на надгробии). Не являлся ли после кончины кому-либо из окружающих (в 9-й, 40-й дни или позже сих).

Наружность. Рост, телосложение, лицо и глаза (их выражение, взгляд), растительность на голове и на лице, голос, движение и походка.

Переписка и сочинения. Не остались ли после него письма, заметки, дневник, рукописи, сочинения и книги с его личными пометками. Вел ли он регулярную переписку со своими духовными детьми и почитателями своими. Не осталось ли на стороне его писем, заметок или рукописей.

АГИОЛОГИЯ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

Владыкой Мануилом и его помощниками собраны сведения о необычных людях, обладающих исключительными способностями духовного постижения мира. По крупицам собирались сведения. Собраны жизнеописания священнослужителей, мирских лиц. Уникальны описания духовных даров этих людей: дара творить Иисусову молитву, дара утешения, слез, исцеления и т. д. Многие обладали даром прозорливости, благодаря которому спасали достойных лю-

дей от гибели, болезней, предохраняли от роковых ошибок. Многих посещали благодатные видения, укрепляющие их в вере для помощи другим людям и спасения собственной души. Дары не зависели ни от звания, ни от возраста человека, которому были ниспосланы. Не зависели они и от здоровья.

Материалы уникальны, как уникально и само время их сбора: 1929 – 1933 годы. Многие из тех людей, сведения о которых так кропотливо собирал владыка Мануил, были духовными детьми или почитателями о. Иоанна Кронштадтского. Именно о. Иоанн Кронштадтский благословлял многих из них, своих духовных чад, на подвиги юродства. Бесценные дополнения к жизнеописаниям о. Иоанна Кронштадтского можно узнать из Агиологии владыки Мануила. Упоминается здесь, и довольно часто, имя Филарета, митрополита Московского. В этом уникальном труде, зафиксированы очевидцами и подробно охарактеризованы особенности монастырской жизни анализируемого периода. В каждом описании указывается время получения информации, люди, которые знали, слышали, помнили и сохраняли бесценные сведения о духовных подвигах воинов Христовых. Как никогда не повторится то время, так уникальны и неповторимы те люди, сведения о которых владыка Мануил и его помощники собирали, записывали, дополняли с великим уважением и чистотой помыслов. Все собранные воедино записи являются бесценным источником огромного духовного опыта, руководства, которое так необходимо каждому человеку в наше сложное время. Время ушло – и ушли люди, оставив свои духовные подвиги, как свет, который во тьме истории человечества светит, и тьма не объела его¹. Агиология владыки Мануила (Лемешевского) – это драгоценный вклад в сокровищницу духовной жизни – яркий, неповторимый: вряд ли такое явление возможно в XXI веке.

«В обществе иногда появляются люди из ряда вон выходящие по своим исключительным способностям к созерцанию и восприятию явлений невидимого мира, по своей живой связи с областью сверхчувственного, духовного, таинственного. Таковы ясновидящие и прозорливые люди, обладающие способностью души во внутренних созерцаниях переступать в той или другой мере границы пространства и времени, видеть духовным взором, что творится вдали от них и что будет совершаться впоследствии, причем и то и другое представляется им в ярких образах и картинах или как бы в отображениях, совершающихся вдали или могущих совершиться в будущем действий или событий».

ГОЛОВИНСКИЙ ЦВЕТНИК

Благослови, Владычица, недостойный труд сей! Помяни рабов Своих, служивших Тебе в обители сей с верою и страхом... Исходатайствуй у престола Сына Твоего покаяние и нам, грешным, дерзающим тревожить святую память их, спящих под Покровом Твоим вечным безмятежным сном... Упокой души их в чертогах райского блаженства и сотвори им всем вечную память! Не оставь и нас Своими всеильными мольбами, научи и вразуми не-

¹ Ин. 1,5.

достойных в смирении исполнять святую волю Твою!.. Твоим святым молитвам вручаю себя до скончания дней моих. Аминь.

*Митрополит Мануил (Лемешевский).
22 сентября 1931 года ст. ст.*

КАЗАНСКИЙ ГОЛОВИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ МОСКОВСКОГО УЕЗДА

Днем открытия монастыря считается 27 июля 1886 года. В иконостасе по левую сторону от Царских врат находится всеми чтимая икона Божией Матери, именуемая Казанскою, во имя Которой был построен первый деревянный храм. Икона эта написана обучавшимся в Академии художеств Александром Васильевичем Васильевым, живущим в городе Скопине на Садовой улице. Писал он ее для И. И. Гулина, когда тот жил еще в хижине села Новый Келец при церкви св. вмч. Георгия. Написана она в 1862 году. Икона эта была келейною иконою И. Гулина как в селе Новый Келец, так и в селе Головино до устройства здесь домовою Спасской церкви. Когда устроили домовую церковь, икону поставили за левым клиросом, а когда выстроили Казанский деревянный храм, она стала здесь местною храмовою иконою. Ей приписывают чудодейственную силу, и многие, многие прибегают к Ея заступлению. «Не мы храним церковь, а Она, Царица Небесная, охраняет нас от всякого зла», – говорят оставшиеся монашки.

*Казанская храмовая икона Божией Матери
Головинского монастыря*

Внутреннюю жизнь сестер, обитавших в Казанском Головинском монастыре Московского уезда, составляло беспрекословное послушание и преданность настоятельнице, труды, молитвы и пост. Почти каждая из сестер в случае каких-либо недоразумений и тревожных волнений откровенно высказывала свои мысли и чувства настоятельнице, которая, как попечительная мать, старалась успокоить их. Трудились сестры с раннего утра до позднего вечера. Сами возделывали огороды, сами жали и молотили, сами ходили за пчелами, которых имелось в монастыре несколько десятков ульев, сами трудились и в скотной, и в поварне, и в хлебной, и в просфорне. Многие из сестер занимались шитьем одежды и белья, вязанием, вышиванием по канве шерстью и шелками, а некоторые писали образа. Трудясь на общую пользу

Казанский Головинский монастырь Московского уезда

по мере своих сил и способностей, каждая из них получала нужное для жизни от монастыря.

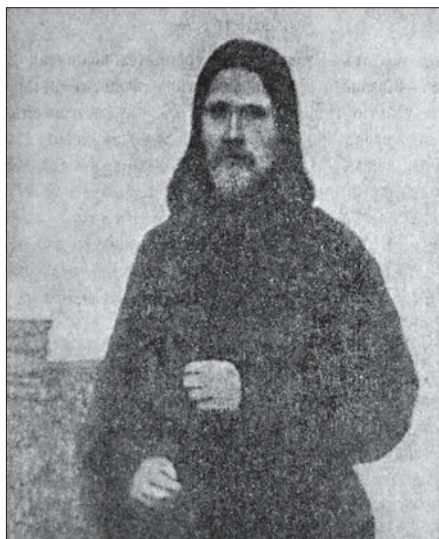
Трапеза была общая, к ней являлась и сама настоятельница. Во время трапезы читались Жития святых. Молитве посвящали сестры начало и конец каждого дня. В праздники же все сходились на церковные службы в храм, а в посты исповедовались перед отцом духовным и причащались Святых Христовых Тайн. Богослужения совершались с полным соблюдением церковного устава. Неспешное, внятное церковное чтение и пение производили трогательное впечатление на сердца молящихся. В летнее время московские дачники часто посещали обитель и отдыхали душой в ее безмятежном тихом покое... Так по милости Божией и под Покровом Царицы Небесной образовалась, устроилась и процветала юная Казанская женская обитель...

Подвижники, помогавшие устроению
Головинского Казанского женского монастыря

**Николай (Иродион Иванович Гулин),
схимонах Головинского монастыря (1820 – 25. 06. 1872)**

Крестьянин села Новый Келец Скопинского уезда Рязанской губернии. Был женат, но детей не имел. По согласию с женой принял на себя

подвиг добровольного разлучения с ней и жил в хижине у церкви св. вмч. Георгия в строгом уединении. По временам принимал на себя подвиг благочестивого странствования по святым местам. Не раз паломничал в Иерусалим, где принял пострижение в монахи с именем Михаил, а затем Иерусалимским архиепископом Никифором пострижен в схиму с именем Николай. Был прозорлив и предсказал устройство Головинского женского монастыря, в основании которого принимал большое участие, став его благодетелем. Похоронен в родном селе при Георгиевской церкви.

Схимонах Николай (Гулин)

Протоиерей Аристарх Израилев

Мария Петровна Киселева, благодетельница монастыря

Мария Петровна Киселева, урожденная Писцова, была женой благодетеля и строителя каменного Троицкого храма в Головинском монастыре, вологодского купца, потомственного почетного гражданина Николая Никитича Киселева. Храм этот был выстроен по обещанию ее за чудесное спасение при крушении поезда. В июне 1882 года ехала она по Курской железной дороге из Москвы в Крым. Недалеко от станции Черни произошло страшное, небывалое крушение. С ужасающей силой разлетались вагоны в мелкие щепки. Ни одного человека не осталось в живых в этой свалке... Одна только Мария Петровна, полумертвая от страха, была чудесно спасена по молитвам к Царице Небесной, образ Которой хранился у нея на груди. Образом этим в 1879 г. благословил ее старец Варнава¹. Когда очнулась она от потрясения, то воскликнула в благодарном порыве к Богу: «Я выстрою за свое избавление храм Божий для неусыпных молитв!».

¹ Прп. Варнава (Меркулов) (1831 – 1906) – духовник братии Гефсиманского скита, стяжал дар прозорливости. Неиссякаемым потоком стекались к старцу Варнаве паломники со всей России. Среди духовных чад его были прп. Серафим (Муравьев) Вырицкий, епископ Трифон (Туркестанов), философ К. Н. Леонтьев. Прп. Варнава предсказал гонения и возрождение Русской Церкви в XX в. По преданию, старца Варнаву посетил в 1905 г. император Николай II, которого старец благословил на принятие мученичества. Патриарх Алексий II 19.07.1995 г. совершил в Троице-Сергиевой Лавре акт его канонизации. Мощи преподобного почивают в храме в честь Черниговской иконы Божией Матери Гефсиманского скита.

Черниговская икона Божией Матери

Старец Варнава Гефсиманский

Вскоре поехала она к старцу отцу Варнаве за советом и благословением на это дело. Он выслушал Марию Петровну и послал в Головинский монастырь, где впоследствии, после ее кончины, Киселевым Н. Н. был в 1885 году построен в благодарную память о чудесном спасении жены Троицкий храм.

В храме устроили два придела: один в честь Черниговской иконы Божией Матери, образ Которой был с Марией Петровной во время железнодорожной катастрофы, а другой во имя св. равноап. Марии Магдалины, именем которой была наречена она при крещении. При кончине своей Мария Петровна Киселева была напутствована Святыми Таинствами покаяния, причащения и соборования.

Погребена она была, согласно завещанию, сначала на восточной стороне деревянного Казанского храма в расстоянии от него двух с половиной сажень. Но когда был достроен каменный Троицкий храм, а под трапезною этого храма, близ северо-западного угла ее, против придела св. Марии Магдалины, – усыпальница, то тело М. П. Киселевой, с разрешения начальства монастыря, перенесли сюда. Над гробом положили мраморную плиту. Вверху на этой плите изображен восьмиконечный крест и над ним в полукружии слова: «Да будет воля Твоя». Ниже креста следующая надпись: «Под сим камнем покоится прах жены строителя храма сего Марии Петровны Киселевой, урожденной Писцовой, родившейся 17 июля 1844 года, умершей 2 июня 1885 года».

Иеросхимонах Антоний

Прп. Иона Киевский (в схиме Петр)

Основатель Головинского Казанского женского монастыря Никита Игнатьевич Сидоров

Никита Игнатьевич Сидоров был из зажиточного купеческого рода. Отец его Игнатий Егорович Сидоров умер 25 сентября 1866 года на восемьдесят шестом году жизни. Мать Параскева Григорьевна Сидорова умерла 14 ноября 1851 года. Но наследника не прельщало богатство и торговое дело его родителей. Хотелось ему уйти от мира и скрыться от людских докучливых взоров за стенами тихой монастырской обители. Он лично был знаком с иеромонахом Антонием¹ и другими киевскими старцами, душа его жаждала иного, духовного мира...

Вот и поехал он на богомолье в Киев. Пришел к о. Ионе² и начал проситься в послушники. Выслушал его старец и назначил ему послушание – качать на братию воду. Семь месяцев он с радостью нес это послушание, как вдруг нежданно-неожиданно умирает прежний хозяин Первушин, и вдова его обратилась лично к о. Ионе с горячей мольбой отпустить к ней назад молодого послушника, иначе погибнут все ее имения и дела... 12000

¹ Иеросхимонах Антоний, старший духовник Киево-Печерской Лавры († 10.10.1880).

² Архимандрит Иона (в схиме Петр) – великий старец Свято-Троицкого Киевского Ионинского монастыря, который основан им во второй половине XIX века после неоднократного явления старцу Пресвятой Богородицы. Настоятель монастыря архимандрит Иона был духовным руководителем братии и множества мирян. Решением Синода Украинской Православной Церкви от 22.11.1995 г. старец Иона причислен к лику святых.

Прп. Иона обладал даром исцеления, к нему обращались бездетные супруги, слепые, страдавшие от зубной боли, пьяницы, бесноватые.

рублей прислала она Никите Игнатьевичу с тем только, чтобы он к ней вернулся. Но не прельщало ничто мирское его сердце, и он наотрез отказался.

Но не так посмотрел на это старец. Призвал его к себе и говорит: «Делатель винограда Христова! Ты потом будешь служить Богу... За послушание от меня иди и управляй имением». И Никита Игнатьевич, покоровшись его воле, пошел. Честно управлял он вверенными ему именьями и торговыми делами так, что увеличил доходы хозяйки вдвое лучше, чем при хозяине, и себе нажил капитал. И на эти деньги было куплено земли 7 десятин и устроена Казанская Головинская женская обитель 21 декабря 1876 года.

Имел он дар слез – глаз не осушал до самой смерти... Особенно когда пели «Достойно есть», он всегда выходил к иконе Царицы Небесной и плакал горькими слезами. Роста он был высокого, полный, красивый. Умер лет семидесяти. Погребен в новом храме.

Елизавета Феодоровна Прибылова

Елизавета Феодоровна Прибылова была родственница преподобного Серафима Саровского. Очень любила Божию Матерь. Всегдашний ее напев был: «Радуйся, Невесто Неневестная!» Читала акафист Царице Небесной. Умерла она в Великий Четверг. Пришла от обедни и тут же скончалась... [Почему не написано, какое отношение имела к Головинскому монастырю? – *Митр. Мануил (Лемешевский)*].

Митрополит Тихон Уральский

Митрополит Тихон Уральский¹ – родной брат игумении Магдалины², – до монашества был известным доктором, профессором. В годы студенчества товарищи сбили его с пути христианской веры, и он бросил в лесу благословение своей матери – Казанскую икону Божией Матери и крест – благословение о. Иоанна Кронштадтского. Только он это сделал, явился сатана, бросился к нему на шею и стал целовать своими адскими губами: «Ты наш друг теперь, ты наш брат». Все тело несчастного покрылось страшными струпьями. Когда притащился он, еле живой от страха, все испугались, глядя на него. Тогда покаялся он в своих безумных поступках. Господь простил его, так что он разыскал и купил свой брошенный крест и нашел под кустом свою икону в том лесу, где он ее бросил.

Когда у С. А. Власовой взяли сына, она очень горевала. Смотрит, ей встречу идет владыка Тихон. Рассказала она ему свою скорбь, а он дает ей яблочко и говорит: «Вот как это яблочко круглое катится, так и твой сын

¹ Митрополит Тихон (Оболенский) (1856 – 1926) – с 1918 г. архиепископ Уральский и Николаевский; с 1924 г. в сане митрополита. † май 1926 г.

² Настоятельница Казанского Головинского монастыря с 1882 по 1887 год игумения Магдалина в 1887 году ушла на покой, приняла схиму с именем Феофания.

домой скоро прикатится, не бойся за него». И стал с ней молиться. И верно, пришла она домой, а сын ее уже там: его взяли, оказалось, по ошибке.

*Записано со слов С. А. Власовой
2 сентября 1931 года*

Епископ Николай Петровский

Когда [владыка]¹ вышел из соседней комнаты, то обратился ко мне приблизительно со следующими словами: «Так верно это? На самом деле врач? А по силам ли вам это, подходит ли к характеру вашему крот... [не договорил]». Потом ввел в комнату, придвинул мне стул и спросил: «Пишете? Писать-то не заставляет все?» Я говорю: «Нет, я не смогла бы, не усидела бы на месте». «Да, не смогла бы... Ведь не всякому это дается». Затем стал говорить, каким должен быть врач: «Врач должен быть верующим до конца своей жизни. Без веры нет жизни. Неверующий подобен человеку, потерявшему рассудок. Нужно быть верующим до конца жизни несмотря ни на какие искушения. Нужно иметь любовь и быть близкой к больным. Оказывать одинаковое внимание всем: как бедному, так и богатому. Деньги брать не у всех, а смотря по обстановке. Если видишь, что человек бедный, то не брать совсем, а сказать: “Нет-нет, я сама вам должна помочь!”. Как вот делает Н. Он придет, посмотрит бедного больного, оставит ему рецепт и деньги на лекарства, да еще как-нибудь деньги незаметно под подушку сунет.

Если видишь, что человек безнадежен, то не нужно его лечить лекарствами и брать деньги, а лечить воздухом и питанием. У одной женщины был рак горла. Ее лечил врач Л. и брал за визиты деньги. Потом эта больная пошла к врачу М. Он посмотрел и увидел, что болезнь неизлечима, и сказал больной: “Ваша болезнь не нуждается в лечении. Вам нужно получше питаться, бывать на воздухе. Это у вас на нервной почве. Вам моя помощь не нужна”. Больная говорит: “А как же вот я ходила к доктору Л.? Ходить мне к нему?” – “Это уж ваше дело. Я со своей стороны ничего опасного у вас не

Архиепископ Тихон Уральский

¹ Епископ Петровский Николай (Коноплев) хиротонисан во епископа в 1918 г.; с 1922 г. на покое.

вижу” – “Ну и какой же врач по-вашему лучше – Л. или М.?”» – спросил меня владыка Николай. – Так он наставлял меня и приводил примеры.

«Делать нужно все доброе тайно, а не явно. И если вот, например, сделала кому-то хорошее, а он за это злом заплатит, то не нужно говорить, что вот, мол, я ему хорошее сделала, а он мне плохое. Чтобы правая рука не знала, что делает левая. Если тайно добро сделаешь, не кичись, если явно, то опять не гордись, а считай, что сделала это, потому что должна была сделать. За явную добродетель – одна награда, за тайную – вдвойне.

Н. лечила одного больного, у которого было повреждение ума. Больной все спрашивал, пойдет ли она за него замуж? Н., чтобы не раздражать его, говорила, что пойдет. И несколько раз она ему во время болезни так говорила. А когда он поправился, то опять стал спрашивать, пойдет ли она за него замуж? Н. ответила, что замуж не собиралась, а говорила так, чтобы не раздражать его во время болезни. Так он в нее потом стрелять стал.

Н. приходилось во время работы сталкиваться с врачом армянином, который предлагал ей выйти за него замуж. Она отказалась. Так он тоже в нее стрелял, но пуля мимо пролетела. Так Господь ее хранил. Да, она все время хранима Господом. Так что лучше быть осторожнее и лишних разговоров не вести.»

Неосторожное слово

Н. увидела одну больную и заподозрила у нее нехорошую болезнь. Дала ей тридцать рублей денег и говорит: «Покупай лекарства и лечись», – а сама прислала еще другого врача, чтобы проверить свой диагноз. Врач подтвердил диагноз. Когда открыто сказали больной, какая у нее болезнь, то она не поверила: «Как? Я девушка, сорок лет в монастыре прожила». Ей объяснили, что она заразилась, стирая белье больных. Так, говорят, она, бедная, пропала, – утопилась, и Н. теперь мучается, что неосторожно сказала.

Дозы лекарств нужно давать самые малые. Малые дозы лучше помогают. Если с верой давать даже самые простые лекарства, то можно помочь так, что все удивляться будут.

Девство любезно в очах Господа, но не всякий его может понести. Нужно подумать, сможешь ли до конца понести девство и есть ли на это благословение. А уж если выходить замуж, то только по церковному закону. Конечно, девство выше и, как говорит ап. Павел, хотел бы я, чтобы все мне последовали, но не всякий может, не всякому дано¹. И еще, как говорит ап. Павел, жена стремится угождать своему мужу, а девица – Господу, Жениху своему².

Из беседы с владыкой Николаем (Коноплевым).

Записано 19 февраля 1932 года

¹ См. 1 Кор. 7, 7: *Ибо желаю, чтобы все люди были как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.*

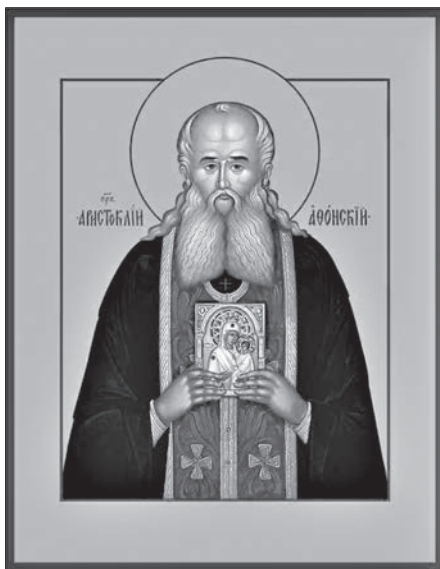
² См. 1 Кор. 7, 33 – 34: *Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угождать Господу, чтобы быть святою и телом и духом, а замужняя заботится о мирском, как угождать мужу.*

Иеросхимонах Аристоклий

Я была больна два года ногами. Доктора совсем мне не помогали: на больных местах образовались раны. Ходила я едва-едва на костылях. Посоветовали мне пойти к бабушке о. Аристоклию¹. Благословил он меня, дал благодатного маслица и велел купить реголю на 20 копеек. «Ты, чадушко, как придешь домой, влей это в раны и терпи до тех пор, пока сил хватит. Тогда только залей благодатным маслицем». Пришла я домой и сделала все так, как он сказал. Влила реголь в раны и такую боль стала испытывать, что не знала, куда деваться, только верила в святые бабушкины слова. Потом влила в раны благодатное маслице и сразу почувствовала облегчение. Стали раны после этого заживать, и через неделю я уже ходила сама, без костылей. Пришла я, здоровая, к бабушке, благодарю, не знаю что и сказать, а он и говорит: «Это тебе Господь послал исцеление по вере твоей».

Служила я портнихой у одного богатого хозяина. Шила драпировки. И вот однажды укоротила нечаянно одну занавеску. Увидал хозяин, рассердился, закричал, прямо чуть с места не гонит. Горячий он был. Прибежала я в слезах к бабушке, спрашиваю: «Что делать?». «А что, укоротила что ли?» – спросил бабушка. Я так и обомлела: откуда он знает? «Сама не уходи, пока он тебе паспорт не отдаст». Прихожу я на следующий день в мастерскую, сажусь, как обычно, на свое место и трепещу: уж очень хозяин лютый у нас был. Только через две недели хозяин подошел ко мне, показал испорченную занавеску, искусно починенную вышивальщицей и сказал: «Смотри, сколько убытка ты мне сделала!». Так все и прошло по молитвам бабушки. Пришла я как-то к бабушке, стала перед ним на колени, а он и говорит мне: «Когда я как-то шел с Крестным ходом, то враги взяли и при-

¹ Прп. Аристоклий Афонский (Амвросиев; 1846 – 1918). В 1876 году прибыл на Афон и поступил в Пантелеимона вмч. русский монастырь под духовное руководство игумена схиархим. Макария (Сушкина) и старца-духовника иеросхим. Иеронима (Соломенцева). В 1880 г. пострижен в мантию с именем в честь вмч. Аристоклия. В 1884 г. рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. В 1886 г. пострижен в схиму. В 1887 г. направлен в Москву в монастырь Афонского подворья. В 1891 – 1894 гг. – настоятель часовни во имя вмч. Пантелеимона на Никольской улице, куда стекалось множество людей со всей России. По благословению свт. Филарета (Дроздова) Аристоклий Афонский приезжал с афонскими святынями в дома больных и служил молебны, после чего происходили чудесные исцеления. Иеросхим. Аристоклий принимал участие в жизни Казанского Головинского женского монастыря. В 1895 г. вернулся на Афон, где в начале 1900-х годов старец Аристоклий был духовником братии. В ноябре 1909 г. был вновь назначен настоятелем Московской Пантелеимоновской часовни и заведующим Московским Афонским подворьем. Главным в деятельности Аристоклия Афонского в этот период стало старчество. Окормлял, невзирая на собственный тяжелый недуг, более тысячи человек в день. Прославился дарами прозорливости, исцеления, изгнания бесов. Был погребен в усыпальнице Афонского подворья (1918), при сносе которого в 1923 г. был перезахоронен духовными чадами на Даниловском кладбище. У могилы, где почивают нетленные останки иеросхим. Аристоклия, до сих совершаются исцеления. Прославлен в лике преподобных как местночтимый святой Московской епархии 6.09.2004 г. за Патриаршим богослужением. Сей час мощи преподобного Аристоклия пребывают в храме вмч. Никиты на Афонском подворье г. Москвы.

Прп. Аристоклий Афонский. Икона

Прп. Алексей Зосимовский

вязали язык колокола, и мне пришлось самому отвязывать его». К чему он мне это сказал? – Не поняла я.

Собралась я ехать на богомолье в Старый Иерусалим. Пришла к батюшке за благословением. «А деньги-то у тебя есть?» – спрашивает он. «На дорогу-то хватит, потом только не будет. Правда, сестра моя бедствует, хотелось бы ей корову купить, но и в Иерусалим очень хочется съездить. Как благословите?» – «Покупай корову сестре. И в Иерусалиме ты будешь», – серьезно сказал батюшка. Потом показал на икону Божией Матери и сказал: «Ты Божию Матьери проси. Она тебе даст госпожу, которая тебя свезет в Иерусалим за свой счет». Прошло несколько лет. Батюшка умер. Поехала я к о. Алексию Зосимовскому¹: хотелось мне узнать у него, попаду я в Иерусалим или нет. Вошел он и сразу дал мне картинку: «Вход Господень в Иерусалим». Я так и обмелела. А он благословил и говорит: «Иди, ведь я благословил тебя, у меня времени нет», – и ушел к другим.

¹ Прп. Алексей (Соловьев) (1846 – 1924), старец, иеросхимонах. Служил диаконом в Николо-Толмачевском храме Москвы и протопресвитером Успенского собора в Кремле. В 1898 г. поступил в Зосимову пустынь, в 1916 г. ушел в затвор. В 1917 г. был избран членом Поместного Собора от монашествующих и принимал участие в избрании Святейшего Патриарха Тихона. Умер в Сергиевом Посаде, где проживал с 1923 г. после закрытия Зосимовой пустыни. 26 июля 1994 года мощи отца Алексия перенесены из Сергиева Посада в возвращенную Церкви родную обитель старца, где и покоятся в Смоленском соборе. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе причислен к лику Святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания. † 19 сентября.

Когда батюшке хотели строить домик, он часто повторял такие слова: «Вот скоро-скоро построю себе домик и всех вот таких-то чадушек соберу к себе, вон там, на низочке!» И вскоре, когда батюшка умер, я поняла значение его слов: все мы стали собираться на его могилке.

До того времени, когда я еще не ходила к батюшке и первое время после того, как начала ходить к нему, я жила очень хорошо. И зарабатывала хорошо, и во всем была удача. Бывало, приду к батюшке и радуюсь: «Батюшка! Как хорошо я живу!» А он мне на это ничего не отвечал. И вдруг все повернулось наоборот. Начались неприятности, неудачи, клеюзы – голова не работает, все порчу, плачу! «Батюшка! Что со мной случилось? Тяжело работать, везде скорби». Батюшка ничего не ответил, благословил и сказал: «Иди с Богом!». И когда я уже выходила в дверь, он как бы про себя сказал: «Это так и надо, ну иди с Богом!» – «Батюшка! Это ты ведь мне говоришь?» – переспросила я, но он ничего мне не ответил. Иду я дорогой и думаю, что же он мне сказал? А скорби все прибавлялись. Отказал от квартиры хозяин, перевели на другую службу, – много мне пришлось проливать слез...

Страдала я очень от зубной боли. Пришла к батюшке. Он мне говорит: «Иди ко врачу в Пантелеймонову часовню¹. Там обедня всегда в десять часов». Потом взял икону священномученика Антипия², благословил меня и говорит: «Вот тебе врач, ты и лечись им!»

Сны

Когда батюшка умер, я не знала. Приехала из деревни и сильно скорбела и плакала. И вот вижу сон, будто сижу я на могилке у батюшки, а рядом стоит скамеечка. Вдруг могилка открывается, и я вижу батюшку. Стала я на колени и приложилась к его туфелькам. А он благословил меня и сел рядом на скамеечку. «Батюшка! Я ведь из деревни приехала! Так скорбела, так плакала!» – жалеюсь я. «Я слышал, слышал!» – ласково сказал он, и я проснулась. На сердце своем ощутила я необыкновенную радость и легкость.

Был у батюшки дворник Павел. Когда батюшка умер, Павел был у жены в деревне. Вдруг видит сон: батюшка, одетый в мантию и епитрахиль, ходит, кадит около иконы Божией Матери «Скоропослушница» и говорит ему: «Поезжай в Москву и вези хлеба к о. Илариону». А тогда время было голодное и хлеба в Москве недоставало. И такое чувство охватило Павла, что собрал он как можно больше хлеба и отправился в Москву. Приехал и спросил первого встреченного монаха: «Все ли у вас бла-

¹ Часовня во имя вмч. Пантелеимона на Никольской улице в Москве.

² Сщмч. Антипа, епископ Пергамский. В греческих синаксах говорится о св. Антипе как о целителе зубных болезней. Из греческих источников представление об Антипе как о святом, молитвы которого помогают при зубных болезнях, перешло в русские богослужебные книги.

гополучно?» Монах сказал ему, что батюшка Аристоклий скончался. А хлеб, привезенный Павлом, как раз послужил поминовением батюшке на его похоронах. Разрезали его на мелкие кусочки и раздали бесчисленным толпам народа, чтобы каждый мог помянуть всеми любимого старца.

Однажды опять вижу сон, будто стою я на берегу глубокой реки, а на другом берегу стоит батюшка в облачении и с крестом и смотрит из-под него по сторонам, как он делал при жизни. «Что же вы молебен-то не служите?» – спрашиваю я его. «Я дожидаюсь, чтобы все мои чадушки собрались!» – ответил батюшка.

Вижу я во сне, будто стою в храме Богоявления, и батюшка стоит на ступеньках с крестом в руках. Потом идет ко мне, огородил меня крестом три раза и сказал: «Радуйся, чадо!» – и я проснулась.

Рассказ Анны Старостиной.

Записано 26 января 1932 года

+++

Рано осталась я сиротой, в двенадцать лет. Жили мы с родителями в Туле. Сначала умер у меня отец, потом мать, и осталась я круглой сиротой. О батюшке Аристоклии я тогда еще и не слыхала. Опекун определил меня вышивальщицей, и от мелкой кропотливой работы я чуть было не ослепла. Я больше не могла работать. Что было делать? Без денег, без крова, одна-одинешенька... Написала я о своем трудном положении тете и получила ответ: «Ты на нас не надейся». Тогда послала я еще одно письмо в Томск крестному отцу моему. А крестный мой оказался очень хорошим человеком. Он постоянно советовался обо всех делах с о. Аристоклием, который был в это время уже схимонахом. Дед же мой был братом Афонского схиархимандрита, духовника батюшки о. Аристоклия, которого он очень любил и уважал. Крестный переслал мое письмо о. Аристоклию, но я об этом ничего не знала. Вдруг я получила ответ на свое письмо от крестного с вложенным листом духовного содержания и печатью Пантелеймонова подворья. Прочитала я этот листочек, он мне очень понравился, но что это и откуда, я тогда еще не знала. В письме крестный прислал мне адрес своих племянников. Люди они оказались очень богатые и хорошие, встретили меня приветливо, и барыня тут же взяла меня к себе в гардеробную. Не знала я, как и благодарить крестного. Мне очень хорошо жилось, и я часто писала об этом крестному, а он, как оказалось, переправлял мои письма о. Аристоклию. Мне присылали листы из Афонского подворья.

Однажды в конторе, где я работала, вдруг раздался звонок. Оказалось, что меня спрашивает монах. Мне было восемнадцать лет, я застеснялась, но вышла посмотреть. Смотрю, стоит монах: благообразный, лицо приятное, с книгами в руках. «Вы Варвара Дмитриевна? А я к вам прислан от о. Аристоклия. Зовут меня о. Кирик. Исполняю я послушание в Пан-

телеймоновом Афонском подворье, записываю людей, желающих принять мощи. Можно мне с вами поговорить?» Позвала я его к себе в комнату. Жила я с экономкой, у нас хорошо, чисто было. Сели мы втроем чай пить. Отец Кирик оглядел все вокруг и говорит: «Все хорошо у вас, только вот лампадки нет. Я в следующий раз вам принесу, и ладану тоже. Потом говорит: «Вас хочет видеть о. Аристоклий» – «Кто это?» – спросила я. Отец Кирик все о нем рассказал и объяснил, как пройти к батюшке.

Пришла я в первый раз, вызвала о. Кирика. Он провел меня на хоры и оставил ждать батюшку. Страшно мне было, думаю: «Какой он?». Но вот отворилась дверь и вышел батюшка, кроткий, смиренный, как ангел. «Здравствуйте, батюшка!» – приветствовала я его по-мирски. «Нужно говорить “Батюшка, благословите!”», – поправил он меня. Сам показал, как надо складывать руки и подходить под благословение, а потом благословил меня и пригласил сесть. «Ну, чадушко, как живешь? Ведь ты сирота?» – спросил он. «Да, батюшка», – ответила я. «Нет, ты не сирота. У тебя отец – Отец Небесный и мать – Матерь Божия... И знай, что ты под Ее особым Покровом находишься. А в монастырь не хочешь идти? Не давала обещания? – Ну так живи, сообразуясь с монашеской жизнью, а придет время – будешь в монастыре». Дал наставления: как жить, как вести себя, назначил молитвенное правило и наставительно говорил о смирении и кротости души. «Чадо, храни чистоту телесную, и да не осквернится душа твоя. Когда горько тебе будет, тоскливо, ты приди к Матери Божией, расскажи Ей все, как живой, и Она услышит тебя... Положи Ей три поклончика – отойдешь утешенная... А когда совет какой понадобится, то приходи ко мне. Езди по святым обителям и присматривайся к их жизни, где у тебя дух расположится, там и оставайся». Потом дал мне много духовных книг и свою фотографическую карточку. Исповедоваться назначил тоже у него. Как какая скорбь – летела я к нему, как к отцу родному. «Чадо! Ты получила мое благословение, и оно пребудет с тобой, пока ты снова ко мне не придешь», – говорил о. Аристоклий. Два года жила я так под его руководством. Потом батюшка на десять лет уехал на Афон. Я об этом ничего не знала. В последний раз пришла к нему летом, он благословил меня иконой и сказал: «Чадо! Живи, как живешь!» – «А в монастырь?» – спросила я. «Ведь брат твой еще солдатчины не отбыл. Если будет угодно Господу Богу, ты в монастырь, как на санках, съедешь». И мы расстались.

Я уехала с господами на дачу и только из газет узнала об отъезде батюшки на Афон. Поспешила в Москву, а батюшка уже уехал... Оставил он о. Кирику для меня адрес и велел писать письма. Десять лет вела я с ним переписку. Приезжал о. Аристоклий в Москву на коронацию Государя в 1896 году, в 1909 году вернулся в Москву, а в 1918 году умер.

«Чадо! Все мои словечки будешь помнить!» – говорил он мне. Как-то пришла я к нему и стояла около старца на коленях. Батюшка что-то рас-

В келье старца Аристоклия

сказывал, а я по рассеянности не слушала. «Ты что – думаешь, я от себя это говорю? Если Матерь Божия не внушит мне, то я ничего не говорю», – сказал вдруг батюшка и умолк.

«Чадушко, чадушко! Если бы у батюшки были крылышки, то я бы всех своих чадушек собрал бы вместе!» – однажды сказал он.

Когда после приезда батюшки с Афона я в первый раз пришла к нему, он сказал мне: «Прости меня, чадо!» – «За что, батюшка?» – спросила я. «Да я тебе подолгу не отвечал на письма...» – «Да, я роптала. И на Вас, и на Матерь Божию, и на Бога, и на святителя Николая». Улыбается батюшка: «Как на меня-то роптала?» – «Говорила, что все оставили меня». «Чадо! Это тебе было испытание и наказание!» А когда батюшка уезжал, то говорил мне: «Чадо, пиши мне, а я буду отвечать, как Матери Божией будет угодно». Положение у меня тогда было очень трудное, а ответа от него я не получала.

Один год я жила без службы. Сахар у меня дома остался, а хлеба не было и денег тоже. Соседка по комнате хоть и богатая, но просить мне у нее не хотелось. Пошла к батюшке. «Ну, чадо, как живешь?» – спрашивает он меня. «Слава Господу! За Вашими святыми молитвами», – отвечаю.

Встал он с места, порылся у себя и выбрал большую просфору, с тарелку величиной. «Вот мне и хлеб!» – подумала я, всю неделю ей питалась и была сыта.

Придет соседка моя, Мария Кузьминична, и зовет: «Пойдем обедать». – «Я после приду», – отвечаю. Не хочу говорить, что денег нет. А сама чай пью с сахаром и кусочком просфоры. И так сыта была! Целую неделю прокормилась. И только кончилась моя просфора, тетка прислала письмо мне, чтобы я пришла помогать работать, – так я получила заработок. Написала ей письмо, а денег на марку нет. Заняла пять копеек у Марии Николаевны, а та скупая была. Когда я отдала ей долг, то подумала: «Господи! Она берет! Ведь у нее и так много...». И что же? Приходит она из лавки, а у нее восемь рублей украли.

Когда жила я на Первой Мещанской улице у Солодовниковых, весь год не было у меня денег. Прохудились башмаки, отдала я их чинить, а выйти не в чем. Пошла моя товарка к батюшке на молебен (он жил тогда на Большой Полянке). Вот стали после молебна все подходить к батюшке под благословение, а он и спрашивает мою товарку: «Ну как там Варвара?» – «Ничего», – ответила та. Вынул он кошелек, отсчитал 85 копеек серебра и сказал: «Отдай ей это!» И что же? Башмаки мои были отданы сапожнику именно за такие деньги.

Другой раз оказалась я без места и собиралась пойти работать на фабрику противогазов. Надо было только спросить у батюшки благословения, а он утром всегда садиком проходил мимо нашего дома к себе, и мы получали от него благословение. Так и на этот раз стала я поджидать батюшкиного прихода. Было это в июле 1914 года. Вот вижу: показался батюшка, а за ним голубочки летят... Подхожу я под благословение. Три раза просила я батюшку благословить идти работать на фабрику. Три раза батюшка ничего мне не ответил. На следующий день повторилось то же самое. И тут я заболела. Встала только 7 июля, под самую Казанскую, и так как очень чту эту икону, пошла ко всенощной. Иду, а по улице народ бежит. Многие кричат: «Что делается-то! Фабрика противогазов горит! Народу сколько погибло!» Тут я только поняла, от какой опасности спас меня батюшка, и горячо возблагодарила Царицу Небесную!

Приехала к батюшке однажды богатая дама. Был у нее взят билет на поезд, а батюшка задерживал ее, как будто не слыша ее просьбы отпустить поскорее. Наконец поехала она на вокзал и опоздала. По дороге тот поезд попал в крушение. Как узнала барыня об этом, поехала благодарить батюшку за свое спасение и заказала на икону Божией Матери «Скоропослушница» богатую ризу.

Батюшка хотел меня взять жить к себе на подворье, он говорил: «Чадю! Я тебя возьму сюда, а тут-то будет храмик. Чадушко пойдет садиком за трапезой, пение будет слышно и вверху, и внизу». И после его смерти, действительно, слышалось пение и в верхнем храме на молебне,

Старец Аристоклий

и в нижней его келье, где служили панихиду о нем самом. Тогда-то я и вспомнила эти его слова...

В 1914 году, во время погрома немецких фирм, о. Аристоклий сказал: «Чадо, чадо! А сегодня туча-то какая шла красная-красная! А батюшка-то все благословлял: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”, – и туча с шумом назад пошла». – «Когда же вы это видели, батюшка?» – спросила я. «Во сне», – ответил о. Аристоклий. В этот же день в шесть часов начались обыски, стали громить немецкие фирмы.

Отец Аристоклий к митрополиту Макарию относился, как к Ангелу Божьему. «Мы встретились с митрополитом Макарием, поклонились друг другу в ноги по-афонски, сделали метание, лежали долго

друг перед другом на земле, – никто не хотел первым подняться», – рассказывал о. Аристоклий.

С отцом Алексеем Зосимовским отец Аристоклий дружил. Последнее свидание их было в день Ангела батюшки Аристоклия. Я пришла его поздравить. Никогда я не видела у батюшки такого сияющего лица. «А, чадушко! Увиделись мы сегодня с о. Алексием, два старика, – и не могли наговориться...».

Отец Аристоклий говорил: «Небо украшено звездами, поля цветами, а мир вдовами и сиротами». «Чадо! Дорожите временем! Ходите, пока Матерь Божия здесь».

«Батюшка! Обыски во всех квартирах!» – «Обыски... ну что же...», – проговорил о. Аристоклий. И к нам в дом не пришли. «Чадо, если встретится у тебя на пути какое искушение, ты приходи ко мне, где бы я ни был: на улице, на лестнице, по дороге шел... И шепни мне на ушко, что тебя смущает, – враг-то и отойдет». Однажды была я по одному делу у монашенки из Никитского монастыря¹. Эта монахиня в разговоре про о. Аристоклия сказала: «Что нам его спрашивать? Мы и сами все знаем. Небось, ряса-то на нем шелковая: так весь и шумит. Знаем мы, как настоятели живут». Прихожу домой, а моя подруга только что вернулась от батюшки отца Аристоклия: «Знаешь, что батюшка-то сегодня говорил? “Чадуш-

¹ Никитский женский монастырь в честь вмч. Никиты на Большой Никитской.

ко, чадушко! Они батюшку-то судят, судят... А вон ряска-то на нем – и та чужая. А скажет настоятель: “Аристоклий! Снимай рясу!”, – я и ответчу: “Благословите!”. Настоятель скажет: “Аристоклий! Ложись в могилу!” – я и скажу: “Благословите!”. «Когда же это было?» – воскликнула я, пораженная. Подруга назвала те самые часы, когда я говорила с монахиней из Никитского монастыря.

«Чадо! Если я буду иметь дерзновение у Господа и крылышки, как у серафимов, – я всех своих чадушек соберу под крылышко!» – говорил мне о. Аристоклий. У о. Прокопия умерла мать. Пошел он за благословением к о. Аристоклию ее хоронить, – тот и говорит: «У монахов нет родных!» – и не пустил его. Отец Прокопий часто, когда заболит, приходил к о. Аристоклию «поврачеваться».

Однажды привезли к о. Аристоклию крестьянина из деревни. Был он настолько слаб, что лежал на телеге. Другой раз вижу, что крестьянин уже сидит на дровнях, а потом он сам своими ногами пошел к батюшке.

Как-то видела я, что какая-то женщина стоит перед батюшкой на коленях и трое детей с ней. «Исцели меня и детей», – просила она о. Аристоклия. «С которых пор заболели?» – спросил батюшка. «Да Бог наказал! С тех пор, как я стала людей портить по черной книге!» Батюшка велел ей хорошенько покаяться, книгу сжечь, а детей окатил святой водой.

При смерти о. Аристоклия были его келейники: о. Исайя, о. Алексей и о. Иларион. Когда батюшка прощался со всеми монахами, то предсказывал им будущую жизнь. Ночью постучался о. Исайя к нам: «Вставайте! Батюшка умер ровно в 12 часов ночи». Пошли все туда. Обрядили батюшку, бородку расчесали. Благоухание от него исходило, лицо сияло. «Се Жених грядет в полунощи», – хотелось сказать, глядя на него.

Старец Алексей Зосимовский

*Сообщено Варварой Дмитриевной.
Октябрь 1932 года*

СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Около 1761 года вдова полковника Агафия Семеновна Мельгунова направилась в город Киев во Фроловский монастырь с целью посвятить свою жизнь Богу. Прибыв во Фроловский монастырь, Агафия Се-

Фроловскій Киевскій монастырь

меновна получила пострижение под именем Александры. Но недолго пришлось ей подвизаться в монастыре в Киеве. Однажды после всеобщего бдения матушка Александра в легкой дремоте удостоилась видения Матери Божией. Царица Небесная, явившаяся м. Александре, сказала: «Это Я, Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься. Я пришла возвестить тебе волю Мою: не здесь ты должна окончить жизнь свою, но так как Я раба Моего Антония вывела из Афонского жребия Моего в Киев, чтобы он создал третий жребий Мой – Киево-Печерскую Лавру, так и тебе ныне глаголю: «Иди на север России и пройди там все обители Мои. Там Я покажу тебе место, где обосную обитель Мою великую, на которую низведу благословения Божии и Мои со всех трех жребиев Моих на земле: с Иверии, Афона и Киева. Иди, раба Моя, и благословения Мои и Сына Моего да будут с тобою». Матушка Александра, проснувшись, сразу пошла к своему духовному отцу и поведала ему видение сие. Духовный отец собрал Лаврский совет, где решили, что м. Александра не может быть в духовной прелести, так как она, удостоенная чести быть основательницею четвертого жребия Божией Матери – преблаженна. Бесы не могут являться в образе Матери Божией, так как Матерь Божия есть «язва бесов». Старцы повелели м. Александре снять монашеское одеяние и отправиться в путь под видом простой вдовы полковника, какой она и приходила в Киев. Какие обители м. Александра посетила – неизвестно. Достоверно, что в один из жарких летних дней м. Александра шла из Муром в Саров, между которыми на-

ходится Дивеево. Дойдя до Дивеева, м. Александра, сильно уставшая, решила отдохнуть у приходской деревянной церкви св. Николая. Против алтаря церкви лежали бревна. Обозрев местность, которая была очень красива, м. Александра села на бревна и, утомленная долгой дорогой, сразу впала в дремоту. И вот ей снова явилась Царица Небесная и рекла: «Вот то самое место, о котором Я тебе говорила. Вот здесь Я обосную великую обитель, равной которой нет и не будет в мире. Это четвертый жребий Мой во вселенной. Живи и угождай Богу и здесь ты окончишь свою жизнь. И как звезды небесные и песок морской, Я умножу здесь служащих Сыну Моему и Меня, Приснодеву и Матерь Его, величающих. И всегда буду посещать место сие Мое возлюбленное и не оскудеют обетования Сына Моего и благодать Святого Духа и благословения Мои всегда пребудут на месте сем». Пробудившись, м. Александра очень обрадовалась. В слезах радости она дошла до Сарова, а в Сарове в это время подвизались такие великие светильники, как отцы Пахомий, Ефрем и другие.

Матушка Александра (Мельгунова)

Промыслом Божиим по указанию Самой Царицы Небесной создавалась великая Серафимо-Дивеевская обитель под непосредственным руководством батюшки Серафима. Еще при земной жизни преподобного Серафима Дивеевская обитель имела до тысячи сестер, прекрасные соборы. По пророчеству преподобного Серафима в конце мира в Дивееве будет женская Лавра. Буквально так в летописи сказано: «Нигде в мире, радость моя, не было женской Лавры, а у меня, убогого Серафима, в Дивееве будет женская Лавра». В кинобии, где проходит канавка, которую выкопали сестры дивеевские по указанию Самой Царицы Небесной, будут жить только девы, так как убогий Серафим был девственником, а у м. Александры будут жить и вдовы, так как она сама вдова. Девы со вдовами будут жить раздельно и на ответственные должности будут назначаться только девы. Канавке батюшка Серафим придавал огромное значение, так как Сама Владычица ее указала и прошла по ней Своими Пречистыми стопами. В период расцвета Лавры Дивеевской много святых уйдет в Дивеево и даже Царь колокол, который так ударит и за-

Серафимо-Дивеевская обитель

гудит, что все удивятся, откуда такое всемирное диво. И многие будут интересоваться историей Дивеева. В Дивеевскую Лавру будут стекаться люди со всех концов вселенной, там будет выстроен прекрасный пятиглавый собор, обязательно с приделом Архистратига Михаила. А Казанская церковь войдет внутрь этого собора и будет усыпальницей мощей. Так говорил сам Преподобный Серафим: «Четыре столба, четверо мощей у нас в Лавре будет». Имелось в виду: сам преподобный Серафим, м. Александра, первоначальница монастыря, м. Марфа, схимница девятнадцатилетняя, духовная дочь батюшки Серафима, высокой жизни была и м. Елена, которая умерла за брата Михаила Васильевича по благословению батюшки Серафима. «Смерть по послушанию – великий плод послушниц. Мать Елена наша – фрейлина у Матери Божией», – говорил батюшка Серафим.

Сейчас эти могилы сравнивали с землей, но верующий народ знает их и глубоко чтит. И сам батюшка Серафим говорил: «А ты, радость моя, никогда не проходи мимо могилки м. Александры, остановись, сделай поклон и так говори: “Госпожа наша м. Александра! Помолись за меня грешную у Престола Божия...”». Так он учил своих духовных дочерей. А если какая-то монахиня загрустит и подумает о поездке или еще что, то батюшка Серафим сразу вызывал такую на беседу к себе и говорил умиленные, сладкие слова: «А ты, радость моя, не грусти, не сетуй на меня, убо-

гого! Ведь тебя Сама Владычица избрала сюда, а я, убогий, только позаботился. Возьми четочки да пройди по канавке и прочитай полтора-ста раз Богородицу. Вот и побудешь в Иверии, на Афоне и Киеве. Кто у меня, убогого Серафима, живет в Дивееве, тому никуда не надо ехать. Все тут». «Я бы золу превратил в золото, но это вам не нужно: у вас малое не умалится и многое не убудет». «А земелька-то с канавки у нас вместо золота будет, радость моя». «У нас будет всего изобилие, нам ничего не нужно будет. Будут деньги нам в огород бросать. И Царская Фамилия приедет к нам, и одна из царского рода жить будет у нас. Дивеево – шуба, а Саров – только рукав! Вот радость-то нам будет!» – так говорил батюшка Серафим.

Свв. прп. Дивеевские Марфа, Александра, Елена

«Россия непобедимая, Россия неделимая, Россия православная»

Однажды сияющее лицо батюшки Серафима помрачилось, и он горько заплакал и сказал: «Будет такая скорбь, какой никогда не было! Пойдет антихрист по земле и везде, везде пройдет этот беззаконник, а подойдет к Дивееву – канавка станет от земли до неба и не пустит антихриста. В Дивееве он не побудет. Соборы будут подниматься на небо: люди будут бежать в них, цепляться, а недостойные будут падать назад. Трех только замучает антихрист. Не то диво, что мои кости поднимут в Сарове, а то диво, что я живым явлюсь в Дивееве и скажу три слова: Россия непобедимая, Россия неделимая, Россия православная – и потом всему конец», – так говорил пророчески о будущем великий молитвенник земли Русской. Еще батюшка Серафим так сказал: «За сохранение частички Православия Господь не допустит до конца разгромить Россию. Ее будут делить, и вот тогда-то батюшка Серафим встанет на защиту родной Русской земли, ударит жезлом по земле и скажет три своих пророческих слова. Еще батюшка Серафим говорил: «Счастлив тот человек, кто в Дивееве побудет хотя бы сутки, так как Матерь Божия каждые сутки посещает Дивеев, а кто моему убожеству поклонится, того трижды награжу».

В настоящее время в Дивееве проживает несколько матушек. Самая главная из них – м. Агафия (улица Лесная в Вертьянове, через речку от Дивеева). У м. Агафии находится много святынь от батюшки Серафима:

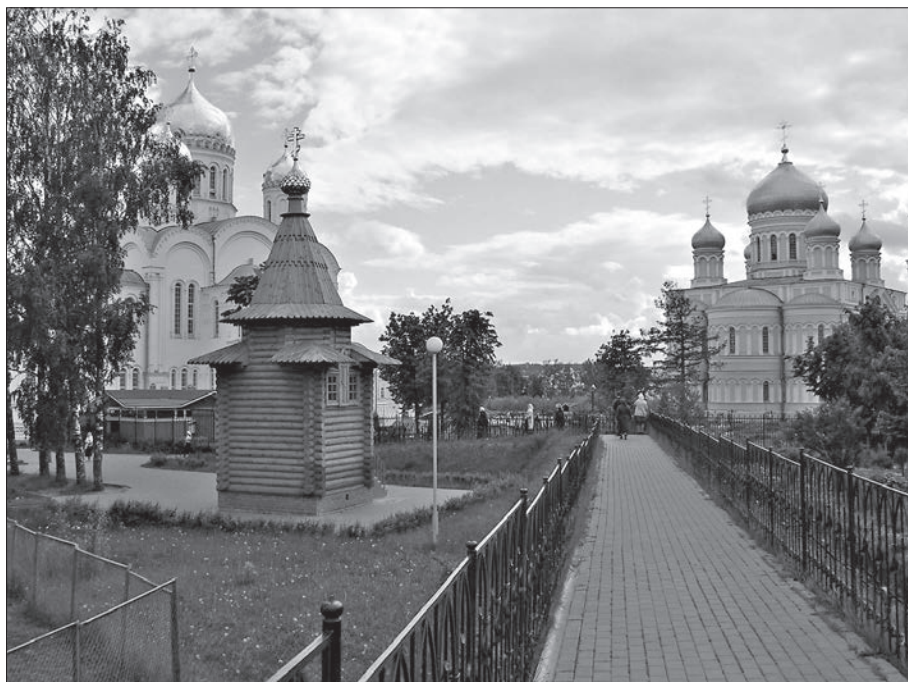
Прп. Серафим Саровский

Прп. Серафим (Звездинский)

икона «Умиление» и дивный образ во весь рост батюшки Серафима, крест, чугуночек для угольков, полотенчик (уже не полный, так как материал от него обрезают и дают кое-кому), лесенка и пенечек, на котором сидел батюшка вместо стула, мотыжка (сейчас ее передали еще одной матушке в Арзамас), свеча. В Арзамасе у м. Елизаветы хранятся лапоточки батюшки. В Арзамасе есть прекрасный Воскресенский собор, в нем тоже бывал батюшка, когда приходил к арзамасским купцам за хлебом для обители.

Можно спросить певчую Нину. Она сейчас, по-моему, помощница старосты, а лучше Коргаленкову Зою (ул. Володарского, 32) и с нею Марию, они отведут к матушке, у которой хранится лапоточек. От Дивеева до Арзамаса 3 – 4 раза в день ходит автобус. Цена билета 95 копеек. Ехать полтора часа. Можно посетить могилки блаженных: Паши Саровской, Н. А. Мотовилова и других подвижников Серафимо-Дивеевской обители. Там есть братское кладбище, где много покоится великих подвижников. Соборы хотя и закрыты, но когда проходишь канавку и смотришь вокруг, то в них как будто служба идет. Такое радостное и глубокое в душе чувство остается после посещения этого места. Какая-то невидимая сила наполняет душу и тело, и так тянет снова побывать там. И матушки какие-то особенные в той обители. Недавно сама Владычица изрекла: «Кто

Дивеево. Канавка Пресвятой Богородицы. Современный вид

Моих дев обидит, того Я не пощажу, а кто им поможет или даже посочувствует, того Я награжу». «Ты, любимче, не оставь Моих сирот», – приказывала Царица Небесная батюшке Серафиму. Нам ли не посетить это дивное место? Нам ли не знать о такой великой святине и ей не поклоняться?

*Врач-гомеопат Мария Ефимова.
1967 год, июнь*

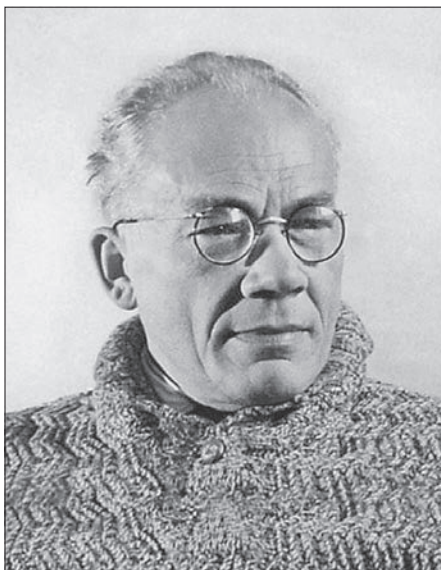
Епископ Серафим

Епископ Серафим¹ из Дивеевского монастыря считался прозорливым. Ему было лет пятьдесят. Когда Матреша была у него, он благословил ее иконкой преподобного Серафима Саровского и написал на обороте следующее: «2 августа 1927 года. Радость моя! Хочешь Богу петь, надобно и скорбь терпеть. Никогда не унывай, на Божие милосердие уповай! Молиться не забывай. И Господь с тобой пребудет, и хорошо тебе с Господом будет». Епископ Серафим.

*Записано со слов Матрешы.
17 октября 1931 года*

¹ Епископ Серафим (Звездинский) (1883 – 1937) – с июля 1926 года по сентябрь 1927 года пребывал в Дивеевской обители, откуда его 9 сентября вывезли под арестом в Арзамас.

ХРОНИКЕР ВЕЛИЧАЙШЕЙ ТРАГЕДИИ

Общественно-политическая позиция Ивана Лукьяновича Солоневича сформировалась задолго до трагического в истории России семнадцатого года. Даже среди сотрудников консервативного суворинского «Нового Времени» он слыл крайне правым. И вместе с тем ни один из его материалов не был опровергнут ни в леворадикальной прессе, ни в лагере либералов. Копья ломались вокруг да около, ибо мастерски подобранные и точно выверенные факты лишали его оппонентов каких-либо убедительных аргументов. Все сводилось к «реакционной» позиции «Нового Времени» «к журналистской изворотливости автора», у которого острие пера было направлено, как ни странно, не против социалистических экстремистов, а по адресу «свободомыслящей» интеллигенции, своим прекраснодушным прожектором

ством бездумно распатывавшей устои тысячелетнего государства.

Оказавшись в эмиграции, Иван Солоневич имел полную возможность убедить себя в верности своих старорежимных прогнозов и по отношению к социальному переустройству России, и по поводу вольных и невольных исполнителей этой трагедии, либо вышвырнутых за пределы горячо любимой ими родины, либо нещадно уничтоженных большевиками. Ведь одна и та же участь постигла как разномастных борцов за народное дело – от октябристов и кадетов до эсеров и анархистов, так и лукавых царедворцев, предательским шепотом сеявших смуту куда более гнусную и зловредную, чем вся леворадикальная оппозиция вместе взятая.

В изгнании Иван Солоневич продолжал свою неутомимую борьбу словом и, насколько это было возможно, делом. Он пишет статьи, книги, издает газеты, формирует в русском зарубежье имевшее большой общественный резонанс и существующее поныне Народно-Монархическое движение. В 30-е годы в Болгарии он издает одну за другой газеты «Голос России» (1936 – 1938), «Наша газета» (1938 – 1940), «Родина» (1940) – надо полагать, периодически закрывавшиеся по каким-то неведомым нам причинам. В 1948 году он основывает в Аргентине выходящую до сих пор газету «Наша Страна», на базе которой выпускается довольно обширная, содержательная и целенаправленная литература, связанная главным образом с детищем Солоневича Народно-Монархическим движением. Здесь вышли его книги «Народная Монархия», «Диктатура импотентов», «Диктатура слоя», «Роман во Дворце Труда», «Хозяева», «Что говорит Иван Солоневич о Царе и монархии, о большевизме, о русской эмиграции, о «штабс-капитанском» (Народно-Монархическом) движении», «Великая

Печатается по: Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля. Аргентина, 1992.

фальшивки Февраля и другие статьи» и пр., а также работы его сподвижников – Б. Башилова, М. Спасовского, Н. Потоцкого, проф. М. Зазыкина, проф. Б. Ширяева, Н. Былова и др.

Суть жидущегося на славянофильских идеях Народно-Монархического движения сводится к двум основным постулатам: «Народу – сила мнения. Царю – сила власти» (Иван Аксаков) и «Русская монархия это есть не произвол одного лица, а система учреждений» (Лев Тихомиров). На обширном фактическом материале Иван Солоневич убедительно доказывает природную естественность и историческую гармоничность царского самодержавия в России, его органическую связь с народным миропониманием. Анализируя три формы государственной власти – Монархию, Республику, Диктатуру, – Солоневич приходит к безоговорочному выводу в пользу первой из них, – особенно в такой глубоко православной стране, как Россия. «Православие есть самая оптимистическая религия мира. Православие исходит из того предположения, что человек по своей природе добр, а если и делает зло, то потому, что “соблазны”. Если мы удалим “соблазны”, то останется, так сказать, химически чистое добро. По крайней мере, в земном смысле этого слова. Наследник Престола, потом обладатель Престола ставится в такие условия, при которых соблазны сводятся если не к нулю, то к минимуму. Он заранее обеспечен всем. При рождении он получает ордена, которых заслужить, конечно, не успел, и соблазн тщеславия ликвидируется в зародыше. Он абсолютно обеспечен материально – соблазн стяжания ликвидируется в зародыше. Он есть Единственный, имеющий Право, – отпадает конкуренция, и все то, что с ней связано. Все организовано так, чтобы личная судьба индивидуальности была бы спаяна в одно целое с судьбой нации. Все то, что хотела бы для себя иметь личность, все уже дано. И личность автоматически сливается с общим благом». Причем «самодержавие в России принципиально отличается от западного абсолютизма, введенного у нас Петром I. Западный абсолютизм – это диктатура закона, русское самодержавие, по определению Вл. Соловьева, “диктатура совести”». Этот тезис подробно развивает в своих исторических работах другой видный представитель Народно-Монархического движения – Борис Башилов: «Самодержавие отличается от европейского просвещенного или непросвещенного абсолютизма тем, что сочетает железную дисциплину центральной государственной власти с широчайшей свободой органов местного самоуправления. Это гениальное сочетание твердой власти и широчайшей свободы, которыми всегда обладала Россия до Петра I и в последние царствования после ликвидации царями крепостного права, и позволило русскому народу не только отстоять свою национальную независимость, но и создать величайшее государство в мире»¹.

Однако, сколь ни значительна была общественная деятельность Ивана Солоневича, сам он, предвидя грядущее возрождение Родины, воспринимал себя прежде всего хроникером величайшей в ее истории трагедии: «...Мои газетные писания являются “человеческим документом”, – документом боли, гнева и негодования. И документом гораздо более ценным для будущего России, чем мои книги».

Воспроизводим на страницах нашего журнала² две связанные между собою статьи Ивана Солоневича, опубликованные в октябре 1951 – июле 1952 г. в газете «Наша страна». Нам кажется, что они представляют интерес не только с точки зрения оценки событий 75-летней давности, но и потому, что чем-то очень перекликаются с нашим раздираемым внутренними противоречиями временем.

Александр Анасов

¹ Башилов Б. Монархия. Республика. Диктатура. Буэнос Айрес, 1954.

² Бегин луг. 1992. № 1.

ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас, когда керенское сборище, организованное на социальной базе случайных долларов, – никакой иной социальной базы у этого сборища *нет*, – начинает что-то пищать от имени России, – нам нужно, наконец, развезать великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции. Эта ложь культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП(б) говорит: «Народ сделал революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям. Новая эмиграция не имеет почти никакой возможности отличить заведомую чушь от реальных исторических фактов и строительство легенд – от реальных социальных отношений в довоенной России. Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов¹, собирают горы цитат и показаний и, как и полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса. Не видят того, что дворцовый переворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории.

Лично я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 гг. – политическим репортером крупнейшей газеты России – суворинского «Нового Времени». Даже и для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Но о личных своих воспоминаниях я говорить не буду. Я постараюсь дать анализ социальной обстановки 1916 года и уже после этого приведу документальные данные о Феврале и его авторах.

По чисто техническим условиям я могу дать только очень схематический обзор событий. Для этой темы нужна бы книга – небольшая, но документированная бесспорными данными, книга, которую можно было бы дать в руки любому человеку России и показать, – здесь нечего даже и «доказывать», – как Россию губили и справа и слева, и как фактически обстояли дела. Но до сих пор, за тридцать лет эмиграции, такой книги нет. Не было времени. Не было денег. И уж конечно, не было никакого желания.

Это *очень* тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Фев-

¹ Мельгунов Сергей Петрович (1879 – 1956) – русский историк и политический деятель, известен своими исследованиями, посвященными истории русской революции и Гражданской войны в России.

раля, и Марта, и так далее, до Октября включительно. С той только разницей, что керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий будет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба – нет, жилищ – нет, одежды – нет, страна придавлена и чудовищным аппаратом ВКП(б), и чудовищной промышленностью для войны за мировой коммунизм, и чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь в виду, что «наследники Февраля», собравшиеся в Штутгарте, готовят если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли и условия и доллары.

Правда о Феврале будет *тяжелой* правдой – легких правд у нас *нет*. Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их *личные* преступления теряются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый *факт*.

В числе прочих объяснений Февраля есть и еще одно, вероятно, самое глупое и самое позорное из всех имеющихся в распоряжении эмигрантской публики: английские интриги. Надо-де было изъять Россию из числа *будущих* победителей для того, чтобы не выполнить договора о проливах. Изъятие России ставило, прежде всего, под самую непосредственную угрозу всю судьбу войны, во-вторых, перемена режима никак не влекла за собою аннулирование международных договоров и, наконец, в-третьих, у английского посольства в Петрограде не было *никакой* возможности оказать заговору какую бы то ни было техническую помощь, а в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков¹ и М. Родзянко² были богатейшими людьми России – никакие деньги им не были нужны. М. Алексеев³ богатым человеком не был. Но, как бы ни расценивать его личность, – нельзя же все-таки предположить, чтобы он

¹ Гучков Александр Иванович (1862 – 1936) – российский полит. деятель, лидер партии «Союз 17 октября», председатель III Гос. Думы, член Гос. совета Российской империи (1907 и 1915 – 1917), Военный и морской министр Временного правительства России (1917).

² Родзянко Михаил Владимирович (1859 – 1924) – русский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября», председатель Гос. Думы 3-го и 4-го созывов, один из лидеров Февральской революции 1917 года, в ходе которой возглавил Временный комитет Гос. Думы.

³ Алексеев Михаил Васильевич (1857 – 1918) – русский военачальник, участник Русско-турецкой и Русско-японской войн, в годы Первой мировой войны главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Ген. штаба генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1916 г.). Во время февральских событий выступил за отречение Николая II от престола, своими действиями вынуждая Императора к принятию этого решения.

продал своего Государя за деньги. Сэр Д. Бьюкенен¹ и его дочь в своих мемуарах категорически отрицают какое бы то ни было английское участие в Февральском перевороте. Сторонники теории английской интриги не приводят *никаких* фактов, которые могли бы ее подтвердить. И единственное, на что они указывают, это на то, что совещания участников заговора происходили в английском посольстве. С совершенно такой же степенью безопасности они могли собираться и у Гучкова, и у Родзянки, и в штабе Алексева, и вообще где угодно – сыскной машины ВЧК – МВД тогда ведь не существовало. О нашем правящем – или правившем – слое можно быть очень низкого мнения. Сторонники теории английской интриги, сами не сознавая этого, пропагандируют самое низкое мнение, какое только может быть: наш правивший слой дошел-де до такой степени разложения, что достаточно было показать ему пачку фунтов стерлингов, чтобы толкнуть его на любое предательство. Такого мнения не придерживаюсь даже и я.

О СИМВОЛИКЕ ВООБЩЕ

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью – получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр Первый был сделан Великим, Екатерина II – Великой, Павел I – безумцем, Николай Первый – Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен² писал свою знаменитую римскую историю, и проф. Виппер³, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, в виду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: «Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: «Хайль Гитлер!»».

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что «великие люди» появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот этаких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен *символ*. Что-то простое, явное, осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, – слой сплачивается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации – как утеше-

¹ Бьюкенен Джордж Уильям (1854 – 1924) – британский дипломат, посол Великобритании в России в годы Первой мировой войны. (*Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата.* Лондон, 1923. *Buchanan G. W. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* I – II. – L., 1923.)

² Моммзен Теодор (1817 – 1903) – немецкий историк, филолог-классик и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история».

³ Виппер Роберт Юрьевич (1859 – 1954) – русский и советский историк, действительный член АН СССР.

ние. Таким символом стало для Франции 14-е Июля, день взятия Бастилии. А казалось бы, чего тут праздновать? Ведь как-никак взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на – трудно сказать на какое именно место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот, празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек, Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожектерство... И – все-таки: гений. Другой, тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Проф. С. Ф. Платонов посвятил целую книгу реабилитации петровской гениальности¹ – в Советской России это предприятие *абсолютно* безнадежное – и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из-под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию. И Нарва и Гродно объясняются стандартно: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин², у которого в Полтаве было четыре тысячи «гарнизонной команды» и четыре тысячи «вооруженных обывателей» и который был, по-видимому, совершенно непроницаем ни для какого «престижа». Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую «гарнизуну» и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась – по Ключевскому, «голодная и оборванная толпа», и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два факта: а) дезертирство при Нарве при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно *очевидно*, что от стратегического гения Петра Первого не останется абсолютно ничего. Но этот «гений» был необходим *социально* для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр Первый был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось вокруг него и от его имени. Екатерина Вторая отдавала себе совершенно ясный отчет: она то

¹ Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926.

² Келин Алексей Степанович – русский военачальник, генерал-майор армии Петра I, комендант крепости Полтава во время ее обороны в ходе Северной войны (1709 г.).

взывала к Сенату, то писала указы, то плакала – но сделать она не могла ничего: ее убили бы еще проще, чем убили Императора Павла Первого.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история – или, точнее, историография Февральской революции с изумительной степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра и обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован:

а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии – тут главную роль сыграл М. Родзянко;

б) денежной знатью – А. Гучков и

в) военной знатью – генерал М. Алексеев.

У каждой из этих групп были совершенно определенные *интересы*. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы – но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность – вызвали на Сенатскую площадь *массу*. Большевицкий историк проф. М. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии и от «массы», что и проделал генерал М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был генерал М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Миллюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин – по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже – в апреле-мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа¹ или «Лиги»², «помещиками, фабрикантами и генералами». Так что, если члены СБОНРа или «Лиги», или всяких таких малопочтенных предприятий клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами «помещиков, фабрикантов и генералов». По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа или «Лиги», или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

¹ СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России – проамериканская антисоветская эмигрантская организация, созданная в 1947 – 1948 гг. в Западной Германии из числа бывших участников Власовского движения РОА (Русской освободительной армии).

² Лига борьбы за народную свободу («Лига») – антисоветская политическая эмигрантская организация, которую составляли умеренные меньшевики и эсеры (Б. И. Николаевский, Б. М. Зензинов).

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что «темными силами» были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые – ибо что тогда останется от *народной* революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к *их* среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя.

Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые – на народ, «обманутый левыми».

Как будет *показано* дальше, никакой «народ» *никакого* участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в «углублении Февраля» – а что им оставалось делать? Веками и веками привычная власть пала. Кому было верить? Массы не верили *никому*.

Прежде чем перейти к изложению фактической стороны событий конца 1916 года, когда заговор назревал, и начала 17-го, когда он был реализован, попробуем поставить вопрос: кому это было нужно? – *qui prodest?* [Кому выгодно (*лат.*) – *Ред.*] Нельзя же, в самом деле, предполагать, чтобы люди по пустякам пошли бы на такое предприятие, которое при неудаче грозило виселицей. Чтобы такие факторы, как болезненная застенчивость Государыни Императрицы, могли бы толкнуть людей на государственный переворот. Или чтобы даже и легенда о Распутине, созданная верхами аристократии, могла играть какую-то реальную роль. Ведь вот никого в свое время не возмущали ни Орловы, ни Зубовы – при всей фактической стороне их «плодотворной» деятельности. Почему *вымышленное* «влияние» Распутина могло вызвать негодование? И именно в тех слоях, которые по ежедневной своей практике не могли не знать, что никакого влияния не было? Никакой роли не могло играть и положение армии, ибо если кто-либо в мире знал, что армия наконец вооружена до зубов, то в первую голову этого не могли не знать генерал Алексеев, как начальник штаба Верховного Главнокомандующего, и А. Гучков, как председатель Военно-Промышленного Комитета. Впоследствии М. Родзянко – самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора – писал о том, что с революцией или без революции Россия все равно была бы разбита. Как мы уже знаем, некоторые, несколько более умные люди, чем М. Родзянко – У. Черчилль и А. Гитлер – придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Таким образом, все эти соображения отпадают начисто. Остаются другие.

Если мы *честно* продумаем нашу внутреннюю историю петербургского периода, то мы увидим, что красной и *кровавой* нитью проходит через нее царевубийство. Говоря несколько символически – от Царевича Алексея Петровича до Царевича Алексея Николаевича. Все царевубийства, кроме царевубийства 1 марта 1881 года, были организованы *знатью*. И даже убийство Царя-Освободителя находится под некоторым вопросом: в самом деле, почему не смогли охранить? Может быть, не очень хотели? Жалкая кучка изуверов организует *семь* покушений, и весь аппарат Империи никак не может с этой кучкой справиться.

В самом деле – почему? Как бы то там ни было, место, занимавшееся русскими государями, было *самым опасным* местом в мире. И если Алексей Петрович, Иоанн Антонович, Петр Третий, Павел Первый, Александр Второй и Николай Второй погибли от руки убийц, то ведь Николай Первый и Александр Третий спаслись только случайно. Восшествие на Российский Престол почти равнялось самоубийству. Дело заключалось в том, что Петербургская Империя строилась как Империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в плену, изолировав ее от страны, от нации, от *массы* и непрерывно держа носителей Верховной Власти под дулом царевубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен *именно для этого*.

Русская знать стояла накануне полной экономической *катастрофы*, точно так же, как перед Петром Первым она стояла накануне политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса [около двугривенного в России тогда и около доллара в САСШ (САСШ – США. – Ред.) сейчас], то она будет равняться 12 – 15 миллиардам долларов. Два или три «плана Маршалла»¹ вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело *никакой* возможности – оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбою. Оно, по существу, возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно выполняло администрацию, армию, свободные профессии, в очень слабой степени шло и в промышленность. Если, по словам алдановского профессора Муравьева², Александр Второй отнял у дворянства половину его состояния, – то стольпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской *массы* это уже не было угрозой: она служила, работала, а ее «поместья» были только или «подсобным предприятием», или – еще проще – дачей. Для нашего «вельможества» стольпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони или Л. Толстой, Д. Менделеев или даже А. Керенский, шли в «профессию», которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла

¹ План Маршалла – американская программа восстановления и развития экономики Европы после Второй мировой войны.

² Герой исторического романа М. А. Алданова «Истоки».

Могила П. А. Столыпина в Киево-Печерской Лавре

оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхт-клуба в Петербурге. Это было *катастрофой*, отсюда и та травля, которой подвергался П. А. Столыпин со стороны Совета Объединенного Дворянства. Супругу министра Его Величества П. А. Столыпина в «салонах» не принимали, как не принимали и супругу С. Ю. Витте.

П. А. Столыпин был убит. Государь продолжал то дело, которое не совсем уж правильно называется столыпинской реформой, – правильнее было бы назвать его николаевской реформой, как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно. Для дворцов, яхт, вилл и прочего отстранение Государя Императора было *единственным* выходом из положения – точно так же, как в свое время убийство Павла Первого.

Особенно трагическая черточка всего этого заговора заключается в том, что и часть Династии приняла в нем активное участие. Династия – чем дальше от Престола, тем больше сливалась с земельной аристократией, с ее политическими и социальными интересами. В начале января 1917 года повелением Государя Императора четыре Великих Князя были высланы из Петербурга¹ – и, конечно, у Государя Императора были для этого достаточные основания, при Его антипатии ко всякого рода крутым мерам. Династически-аристократическая груп-

¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 2. С. 232.

па строила свои расчеты на Великом Князе Николае Николаевиче, который, кажется, не без основания считался крайним реакционером и отношение которого к Царской Семье было чрезвычайно плохим. Тот факт, что о заговоре Великий Князь Николай Николаевич *знал*, не может, по-видимому, вызывать никакого сомнения. Дальнейшее пока не ясно. Но, во всяком случае, именно эти круги обеспечили заговору его технического исполнителя генерала Алексеева.

Основной пружиной заговора был, однако, А. И. Гучков. Для этого у него имелись свои основания, и эти основания категорически и непримиримо расходились с мотивами аристократической группы.

После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, *самым крупным* человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь «патриотами» были и французские якобинцы, «патриотами» называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П. А. Столыпин, А. И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П. А. Столыпина, и правительство вообще. Со смертью П. А. Столыпина А. И. Гучков перешел в оппозицию, имевшую две разновидности¹.

Публицистика правой эмиграции очень любит идеализировать положение, существовавшее в России в предвоенные годы. Нет, положение никак не было блестящим. Не забудем того, что в 1902 – 1908 годах по Высочайшему повелению была создана комиссия по исследованию причин «оскудения центра России», под председательством В. Н. Коковцова. Так что факт «оскудения» был признан официально. И была найдена его причина – главным образом община. Не забудем того, что писал такой правоверный монархист, каким, конечно, является Л. Тихомиров: «Господство бюрократической системы... довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже *боевые* качества русской армии. Оно, наконец, так подорвало уровень самой бюрократии, что стало уже невозможным находить способных и дельных работников администрации»².

На ту же тему можно было бы привести еще более резкие мнения и барона Н. Врангеля, и князя С. С. Волконского, и А. С. Суворина, и многих других – *правых* людей. Русская бюрократия *действительно* была очень плоха, – для 1912 года, конечно. Для 1951 года она показала бы общим собранием ангелов, – ничего не поделаешь, мы прогрессируем... П. А. Столыпин кое-как привел эту бюрократию в кое-какой порядок. После его гибели начались штюрмеры³: людей в *данном* слое не было, как на это не раз жаловался и Государь Император. Но

¹ Либерально-буржуазная и демократическая оппозиции, к первой из них принадлежал А. И. Гучков.

² Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905.

³ Штюрмер Борис Владимирович (1848 – 1917) – русский гос. деятель, премьер-министр, крупный помещик. Ярый противник реформ и лично П. А. Столыпина. Оставил о себе память как о человеке необязательном, ни одно из его начинаний не было доведено до конца, работа правительства замедлилась, а сменяемость министров ускорилась.

в России вообще людей было сколько угодно, и конечно, одним из них, может быть первым из них, был А. И. Гучков – и лично, и *социально*.

А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом *праве* придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал: «У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то *сброд*»¹.

Этот «сброд», проживавший свои последние, самые последние закладные, стал поперек дороги Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым – людям, которые *делали* русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые *умели работать* и которые знали Россию. От *их* имени А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае, Высочайший прием А. Гучкова как председателя Государственной Думы был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отменяя претензии А. Гучкова на министерский пост, Государь Император, якобы, сказал: «Ну еще и этот купчишка лезет». Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но – фраза, очень точно передающая настроения «правлящих сфер» – если уж и П. А. Столыпин был неприемлем как «мелкопоместный» – то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром, Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было, в частности, и Смутное время.

Предреволюционная Россия находилась в *социальном* тупике, – не хозяйственном, и даже не политическом, а социальном. Новые слои – энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные – пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом.

Сейчас, треть века спустя после катастрофы Февраля 1917 года, мы можем сказать, что объективно внутреннее положение России было почти трагическим. Сейчас, после Февральской и Октябрьской революций, мы обязаны наконец констатировать тот факт, что вся наша история Петербургского периода была до крайности дисгармонична: если половина носителей Верховной Власти гибла от руки убийц, и из всех Императоров России только Петр Первый и Александр Первый не находились в состоянии непрерывной и смертельной опасности со стороны *правлящих* слоев страны, то о внутренней гармонии в стране могут говорить только «Часовые»² и иже с ними. Но «Часовые» и иже с ними не могут, не смеют констатировать тот факт, что из всех слабых пунктов Рос-

¹ Суворин А. С. Дневник / Под ред. М. Кричевского. М., Пг.: Изд. Л. Д. Френкель, 1923. С. 25.

² «Часовой» (фр. La Sentinelle) – ежемесячный журнал, основанный в 1929 году в Париже офицерами-белозэмигрантами В. В. Ореховым и Е. Тарусским.

сийской Государственной конструкции верхи армии представляли *самый* слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии, точнее, не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев, – последний «из стаи славных». Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая Первого солдат называл своего офицера по имени и отчеству, и где солдат и офицер были боевыми товарищами – младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первейшей величины и дала их *во всех* областях человеческого творчества, то самый важный участок – армия – был обнажен. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подбирать таких людей, как С. Витте, В. Коковцов, Н. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была дыра. После каждых крупных маневров производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но – делать было нечего, людей не было, и после страшной генеральской чистки, произведенной Великим Князем Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место «вычищенных» поставить некого. Чистка подняла популярность Великого Князя в армии – точнее, в ее солдатском составе, но шла война, и делать было нечего.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Другой генерал – А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о ставке так: «Окружение Царя в ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешенной примиренности с возможными катастрофами». И тут же прибавляет поистине *страшный* штрих: «Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Таков подбор «кадров», сделанный генералом М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота? Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные классовые мотивы. Какие мотивы могли быть у генерала М. Алексеева? Об этом можно только гадать. Самая вероятная догадка сводится к тому, что Государь Император на тот момент брал командование армией в свои собственные руки, а переворот мог поставить Великого Князя Николая Николаевича в качестве регента Империи, а генерала М. Алексеева в качестве верховного главнокомандующего армией, – армией, которая стояла на пороге, казалось бы, совершенно гарантированной победы. Поче-

му бы М. Алексею не стать вторым М. Кутузовым? Это – самое вероятное объяснение. А может быть, и единственное.

ЧТО ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин – неясен и неточен. Само собою разумеется, что «революция в науке» или «революция в технике» не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли Пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание североамериканских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так, – революция есть широкое народное насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая Французская революция и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы *обязаны* оценить со всей доступной нам степенью объективности, – совершенно независимо от того, нравится она нам или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой и была насильственной. Как и во всякой революции, ее участники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем и одни и те же вещи – разными именами. Такова судьба всех революций. Крестьянские восстания («беспорядки») охватили почти всю европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания – бунт на броненосце «Потемкин», захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный «герой» – лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком. Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились *десять* дней), вооруженное восстание в Горловке, Новороссийске, Туркестане, на Кавказе и пр., и наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, – все это проходило под лозунгом «Долой самодержавие!». Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали *разные* вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет «буржуазным демократом», что эквивалентно эмигрантскому термину «разлагатель».

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция – массовая, народная и насильственная. Вину за эту революцию не следует сваливать ни на чьи частноблагочестивые плечи: это было *историческое* явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со всякой революцией в мире и истории. Революции

1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якоба Шиффа¹ в САСШ, и после революции Якоб Шифф и Павел Милюков обменялись восторженными телеграммами. Якоб Шифф, как и всякий еврей того времени, был, конечно, настроен против самодержавия – однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным², действительно ли Якоб Шифф «финансировал» революцию 1917 года и если да, то кому он давал деньги. Но если он их и давал, то – в конечном или еще не конечном счете – для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что деньги если и были вложены, то были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса – есть ведь и еврейский шовинизм, как есть русский и другие – предала дом Ротшильда анафеме, что не помешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было *лоскутным*, – как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство, и пролетариат действовали *бесцельно*, – ибо то же самое «самодержавие», которое они якобы пытались «свергать», делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий для того, чтобы удовлетворить законные требования и крестьянства, и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция – главным образом, во имя собственной власти или, по крайней мере, участия во власти. Причем в 1905, как и в 1917 году, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы: Милюков, с одной стороны, и Ленин – с другой. Однако разница между событиями 1905 года и «революцией» 1917-го была *огромной*. По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией *патриотической* – при всем безобразии ее внешних форм. Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя – строя, который самодержавие медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой оставались преvarительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный

¹ Шифф Якоб Генри (1847 – 1920) – американский банкир, происходил из именитой равнинской семьи, связанной с домом Ротшильдов, один из лидеров еврейской общины в США.

² По данным французской разведки через Шиффа российские революционеры в 1915 – 1917 гг. получали средства на подрывную работу. Сам Шифф перед смертью утверждал, что внес немалый капитал, чтобы низвергнуть русского царя. [См. об этом: *Свободная русская энциклопедия «Традиция»*. (Электронный ресурс) // tradition.wiki / Якоб Шифф; *Мультипули П.* Екатеринбургское злодеяние 1918: новое расследование / «Москва – Третий Рим». (Электронный ресурс) // www.ic-xc-nika/ru/texts/2008/jul/n236.html]

строй России был отсталым *строем*. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархи, как и генералы, «бывают разные». Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, чем она кончится – еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, «ограниченная царубийством» и *сдавленная* пережитками крепостничества. Государь Император Николай Второй был несомненно лично *выдающимся* человеком, но «самодержавным» Он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов, «в тюрьме» – так же, как и Его предок Император Павел Первый. Его возможности были весьма ограниченными – несмотря на Его «неограниченную» власть. И если при Императоре Николае Первом Россией правили «сто тысяч столоначальников», то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. *Правили нацией*, по существу, *они*. По существу, страна боролась против *них*. Но против них же, правда, в других формах, боролась и самодержавие. Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что «общественное движение» времен этой войны началось со *студенческой* демонстрации к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни»¹. Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация исключительно талантливая, энергичная и боеспособная начала искать виновников. И если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие первоклассные европейские государства, как Франция и Англия, плюс еще и Турция; если Турецкая война оставила в нации все-таки очень горький осадок, то Японская война стала страшным ударом по национальному самолюбию. В самом деле: даже с «япошками» – и с теми не можем справиться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой – гибелью *всего* русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и – первый раз в новой истории мира – разгром европейского государства азиатским противником.

Если бы неудачу Японской войны персонифицировать в лице генерала А. Куропаткина, по той же схеме, как развал 1917 года персонифицирован в лице А. Керенского, то можно бы сказать так: генерал А. Куропаткин был до войны русским военным атташе в Японии: о степени японской военной подготовленности *он обязан* был знать. Он не знал. Потом он был нашим военным министром, и в качестве военного министра *он обязан* был подготовить армию. Он не подготовил. Потом в качестве главнокомандующего армией он обязан был вести ее к победам. Он не привел ни к одной. Советская историческая литература, и художественная и научная, всячески подчеркивает героизм офицеров и причины поражения объясняет исключительно одним – бездарностью коман-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 233.

дования. Объяснение неудовлетворительное, ибо неполное: генерал А. Куропаткин был результатом данного социального слоя. Да, интендантство, поставляя армии валенки на картонных подошвах, стесняло маневренные возможности генерала Куропаткина, но генерал Куропаткин в качестве военного министра был ответствен и за интендантство. Да, русское вооружение *отставало* от японского, как оно отставало от турецкого в войну 1877 года и от союзного в Крымскую войну. Может быть, не хватило денег на артиллерию. Но почему не хватило знания о закрытых позициях артиллерии? Да, радиотелеграф был изобретен в России. Но почему он был на японском флоте, а на русском его не было? Таких вопросов можно было бы поставить бесконечное количество. Сумма ответов на все эти вопросы была до очевидности проста: устарелый правящий слой страны, базирующийся на ее устаревшем социальном строе, не годился никуда. Из установления этого – совершенно *бесспорного* – факта был сделан, по меньшей мере, спорный вывод: «долгой самодержавие». Спорный потому, что «самодержавие» или «монархия» не связаны ни со строем, ни со строем: монархия может быть и крепостнической, и социалистической, а «самодержавие» в старой Москве означало – в переводе на нынешний язык – национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге XVIII века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в XIX столетии оно обозначало центральную единоличную власть, «ограниченную цареубийством» и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти. Кое-что из всего этого мы начинаем понимать только сейчас. Но в 1905 – 1906 гг. вопроса о понимании даже и не ставилось: страна, я бы сказал, пришла в разъяренное состояние. И не нашлось никакого агитпропа, который разъяснил бы: так в чем же, в сущности, дело? Дело, конечно, было в социальном тупике, настоящего выхода из которого не нашел и манифест 17 октября 1905 года. Двенадцать лет спустя оказалось, что тупик так и остался тупиком.

Банальное объяснение провала революции 1905 года говорит о том, что революция была ликвидирована «уступками» манифеста 17 октября¹. Люди вообще склонны к самым банальным объяснениям, – вот вроде немецкого «дольхштосса», в очень вольном русском переводе: «нож в спину революции». Германия 1930-х годов была твердо убеждена в том, что в Первую мировую войну ее армии оставались непобедимыми и что победу сорвала революция, давшая в спину армии – «дольхштосс». Любая хронологическая справка указывает на тот печальный факт, что революция пришла приблизительно через месяц после полного военного разгрома, – после Салоникского прорыва, капитуляции Болгарии, Австрии и Турции, после истощенных телеграмм Гинденбурга и Людендорфа, требовавших от Вильгельма «капитуляции в двадцать четыре часа».

¹ Манифест Николая II, опубликованный 17 октября 1905 г., был подготовлен С. Ю. Витте и направлен на усовершенствование государственного порядка в России. Манифест даровал Высочайшее разрешение на свободу совести, слова, союзов и собраний; допуск к выборам различных слоев населения, независимо от сословной принадлежности и материального состояния; обязательное утверждение Гос. Думой различных законов, издаваемых в государстве, что, по сути, ограничивало императорскую власть.

Высочайший Манифест был дан семнадцатого октября. Московское вооруженное восстание началось второго декабря, а всеобщая забастовка – седьмого декабря, то есть, самая высокая волна революции поднялась приблизительно через *полтора месяца* после Высочайшего Манифеста. Можно, конечно, сказать: уступки только раззадорили революцию – но и это будет банальным ответом: правящий слой всех наших белых армий ничего «уступать» не захотел и, как нам совершенно точно известно, «не уступает» и до сих пор. Потерял *абсолютно* все шансы на возвращение хоть чего бы то ни было, – бежит, бежит, бежит – и не уступает.

Революция 1905 – 1906 годов не была «замазана уступками», а подавлена *вооруженным путем*. Если бы в эти годы риманы и мины, свердловы и дубасовы действовали так же, как в 1917 году действовали алексеевы и брусилковы, рузские и хабаловы, то тысяча девятьсот семнадцатый год мы имели бы в тысяча девятьсот пятом. Но в 1905 году правящий слой еще не имел в своем прошлом столыпинской реформы, а перед его будущим еще не стояла перспектива полного банкротства. Поэтому в 1905 году правящий слой поддержал Монархию, а в 1917 году – изменил ей. В феврале 1917 года *никакой* революции не было: был бабий хлебный бунт, и генерал С. Хабалов¹, вопреки прямому повелению Государя, отказался его подавить. Генерал Хабалов, видите ли, боялся пролития крови. Это, так сказать, биологическое чудо: генерал, боящийся пролития крови. Революция началась в марте и стала «углубляться» решительно по той же схеме, по какой углублялась Великая Французская революция. С той только разницей, что наши якобинцы оказались гораздо серьезнее французских.

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Итак, *настоящая* революция 1905 – 1906 годов была подавлена. Не замазана уступками, а подавлена вооруженной силой, 1905 год дал России конституцию. Но ни революция, ни конституция не решили ничего, почти ничего не улучшили, и весь исторический ход дальнейшей русской жизни привел, собственно говоря, только к одному: к предельному обнажению ее «трагических противоречий».

Формулировка о «трагических противоречиях» принадлежит не мне. С. Ольденбург пишет о Государе Императоре: «Новый порядок вещей во многом не соответствовал Его идеалам, но Государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном искании выхода из *трагических противоречий* русской жизни»².

Основное из этих трагических противоречий заключалось в том, что в начале XX века в стране продолжал существовать совершенно ясно выраженный сословный строй. Что в это же время крестьянство – основная масса населения страны – было неполноправным ни экономически, ни политически, ни в быто-

¹ Хабалов Сергей Семенович (1858 – 1924) – генерал-лейтенант, последний командующий войсками Петроградского военного округа.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 10.

вом, ни, тем более, в административном отношении. Законопроект о крестьянском равноправии был внесен в Законодательные Палаты еще П. А. Столыпиным. Государственный Совет кромсал и откладывал этот законопроект, как только мог, и только осенью 1916 года, то есть совсем уже накануне революции, этот проект попал на рассмотрение Государственной Думы – да так и остался нерассмотренным... и до сих пор¹. Это положение я сформулировал почти четырнадцать лет тому назад в «Тезисах штабс-капитанского движения»: «Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества и тех его пережитков, которые существовали до 1917 года»². Имейте в виду: это было написано почти четырнадцать лет тому назад.

«Пережитки крепостничества» в той форме, в какой они сохранились до 1917 года, сводились в самом основном к тому, что дворянство сохранило за собой почти полную монополию управления государством – и не только на верхах, но и на низах. Министрами могли быть и были только дворяне, губернаторами – тоже, земскими начальниками – тоже. Земскими самоуправлениями по закону и «по должности» заведовали уездные и губернские предводители дворянства. Крестьянская масса, не равноправная ни экономически, ни политически, ни даже в области гражданского права, была целиком отдана под дворянскую опеку. Эта масса рассматривала дворянство как своего наследственного противника, с которым она вела то партизанскую войну за выгоны, перегоны, угодыя, аренды и прочее, то подымалась пугачевщиной или «беспорядками». Земство эта масса рассматривала как дворянское предприятие, и только в северных губерниях, где дворянства почти не было, земство попало в крестьянские руки и дало блестящие результаты, например, Вятское земство. Словом, дворянство держало свою опеку над всей страной.

Можно спорить о том, была ли эта опека благодетельна или губительна. Было и так и так. Русский суд – собственно, исключительно дворянский, был, вне всякого сомнения, лучшим в мире, причем между «лучшим в мире» русским судом и «вторым местом» в этой области был *зияющий* прорыв: уже «второе место» в сравнении с этим чисто дворянским судом не выдерживало *никакого* сравнения. Командный состав армии – откуда дворянство ушло прежде всего – или начало уходить – был совершеннейшей *катастрофой*. Правительство – исключительно дворянское – при всех своих недостатках было *абсолютно неподкупным*. Знать, вращавшаяся около правительства и «сфер», старалась воровать как только можно. Барон Дельвиг в своих воспоминаниях о железнодорожных концессиях, которые получили представители знати, сейчас же перепродавшие эти концессии иностранцам, в результате каковых операций «чистый доход» и без всякого приложения каких бы то ни было усилий составлял десятки миллионов тогдашних золотых рублей. Если вы удосужитесь перечитать воспоминания генерала А. Мосолова или Д. Бьюкенена, или М. Палеолога,

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 180.

² Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения. София, 1940. С. 9.

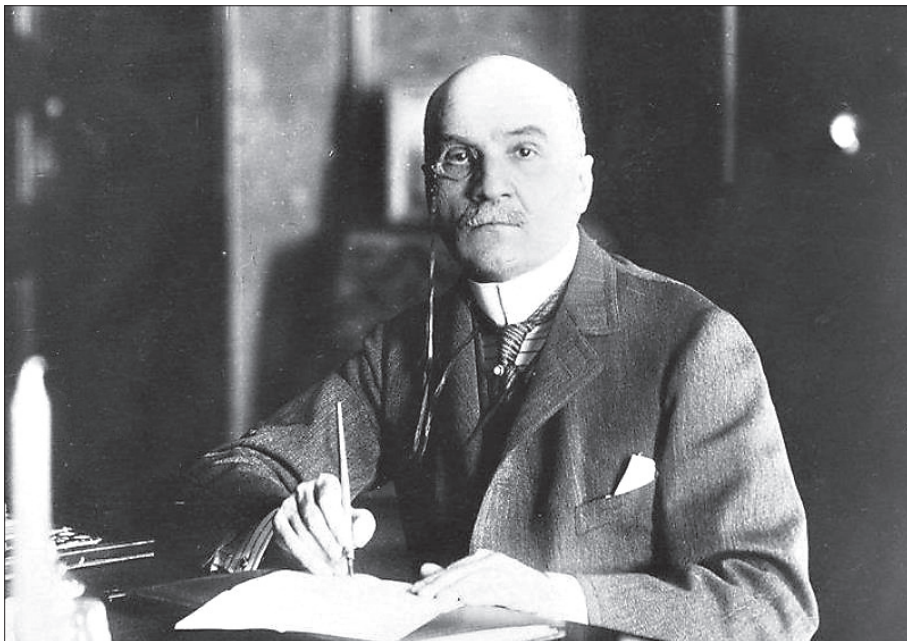
то вас, вероятно, поразит то ощущение безмерных богатств, которые водопадами бриллиантов и жемчугов сверкали на петербургских приемах и балах, – но это было призрачное богатство, – его экономическая база уже не существовала. И наряду с этими водопадами рядовой русский офицер, по словам генерала П. Краснова, «если не всегда голодал, то недоедал всегда», а ведь это было в довоенной России! Быт этого офицерства я лично знал потому, что вырос в таких гарнизонных городах, как Гродно, Вильно, Минск, – быт был *ужасающий*. Но в пределах этого быта шли «противоречия». Русская артиллерия была, конечно, лучшая в мире. Русские артиллерийские офицеры ставили русские казенные заводы так, как по тем временам не был поставлен ни один завод в мире, может быть, за исключением Цейсовского¹ *кооперативного* предприятия (заводы Цейса были построены на наследственно-кооперативных началах). Так что и тут получается чрезвычайно странное противоречие: на человеческой базе вот этих самых артиллерийских офицеров можно было бы построить «настоящий социализм». То есть и в самом деле полное огосударствление средств производства. В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Причем воровство это шло – как в Японскую войну – «на счет русской крови».

Морис Палеолог, французский посол в Петербурге в предреволюционные годы, был очень внимательным наблюдателем. Не обходится, конечно, и без некоторой клюквы, касающейся главным образом двух вещей – Государыни Императрицы и «охранки». Государыня Императрица, по мнению, почерпнутому послом из «салонов», была «мистически предана» Распутину, а о гемофилии Наследника Цесаревича и о гипнотическом лечении Распутина в воспоминаниях не сказано ни слова. Что же касается «этой ужасной охранки», то в представлении М. Палеолога она была чем-то вроде ГПУ – могла расстреливать любого гражданина страны, да так, что и родные ничего об этом не знали. Что делать, без клюквы не обходится ни один иностранный наблюдатель, да и очень многие русские наблюдатели.

М. Палеолог пишет еще об одном противоречии: «Общем невежестве русского народа» с одной стороны и его «элите» – с другой. Он пишет о некультурной и отсталой массе и об элите «блестящей, активной, плодотворной и сильной». – «Нигде больше в мире экспериментальные и положительные науки не представлены так достойно, как в России». «И я даже рискую сказать, что Павлов и Менделеев – это такие же величины, как Клод Бернар и Лавуазье»², – со стороны француза это, конечно, высший комплимент. Список имен русской элиты занимает у Палеолога *две страницы*, – причем часть этих людей он знал лично. На свои приемы он приглашал не только представителей династии, правительства и дипломатии, но также и представителей промышленности и нау-

¹ Carl Zeiss – германская компания, специализирующаяся в области оптики. Основана как мастерская по производству точной оптики немецким изобретателем Карлом Цейсом (1846 – 1945).

² Клод Бернар (1813 – 1878) и Антуан Лоран Лавуазье (1743 – 1794) – французские ученые, естествоиспытатели.

Морис Палеолог, посол Франции в России

ки. Палеолог, как посол Франции, смертельно боялся русской революции, ибо революция в России означала бы переброску всех или почти всех германских сил на Западный фронт, – что впоследствии и случилось. Он уже в то время отменил и Стравинского, и Прокофьева, но «мужик» в его представлении очень недалеко ушел от троглодита.

Итак: с одной стороны – Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель, а с другой – «мужики», которые ставят свечки, то ли перед образом святого Григория – в память убитого Распутина, то ли перед образом святого Димитрия – в память убийц Распутина. Но само собой разумеется, что при всей своей наблюдательности русского мужика М. Палеолог просто видеть не мог.

Сословный строй был дан России *исторически*, и очень немного в мире стран, которые без этого строя обошлись. Строй умирал, но еще не умер. Я как-то иронически писал, что русское дворянство разделилось на две части: дворянство кающееся и дворянство секущее. *Политически* это точно. Но вне политики существовала еще и третья разновидность дворянства – дворянство *работающее*. На судьбы России оно, к сожалению, не оказало *никакого* влияния. Ф. Кони – в области суда, Л. Толстой – в области литературы, С. Дягилев – в балете, К. Станиславский – в театре, В. Ипатьев – в химии и прочие и прочие, каждый в своей области, ставили *мировой* рекорд, и рекорд в большинстве случаев неоспоримый. О русском народе М. Горький сказал: «Народ талантливых чудачков», – о «чудаках» можно спорить, о талантливости, пожалуй, не стоит. Русское

дворянство было по-русски талантливо, и, кроме того, оно имело, так сказать, экономический досуг для того, чтобы «овладеть всей современной культурой», по крайней мере, та часть дворянства, которая этого хотела.

И если мне, например, пришлось зубрить иностранные языки по Туссену и Лангеншейдту¹ – отчего я и до сих пор, зная три иностранных языка, ни на одном из них не могу говорить совершенно свободно, то Герцены и прочие получали это *автоматически* – от гувернанток. Они не знали заботы о завтрашнем дне и могли заниматься Гегелем сколько угодно – жаль, что они занимались именно Гегелем. Как бы то ни было, были накоплены огромные культурные ценности, которые и потеряны сейчас почти бесповоротно. Радоваться этим потерям было бы совершеннейшей бессмыслицей. Так что правящее сословие страны разделилось на три части: одна – аполитичная – пошла на работу, она, конечно, составляла ничтожное меньшинство, как и всякая умственная элита в мире. Остальное дворянство разделилось на кающееся и секущее – на революцию и реакцию, – почти без всякого промежуточного звена. Само собою разумеется, что ни в каких симпатиях к анархизму меня обвинить никак нельзя, хотя один раз ОГПУ меня арестовало именно за анархизм. Это был самый короткий арест: часа на два. Я был до того изумлен, что даже чекисты поняли свою ошибку. Но как бы ни относиться к анархизму вообще, следует все-таки признать, что князь П. Кропоткин² был человеком совершенно исключительной моральной высоты. И как бы ни расценивать идею монархии, необходимо все-таки констатировать тот факт, что для подавляющей массы «монархического дворянства» монархия, взятая как идея, не значит абсолютно ничего – это только вывеска.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и *автоматических* противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, – это будет точка зрения русского монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность масс и культурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль – совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию – значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет «свергать». Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, – как это и случилось на самом

¹ Издаваемые в Германии двуязычные словари с фонетической транскрипцией Г. Лангеншейдта и Ш. Туссена.

² Кропоткин Петр Алексеевич (1842 – 1921) – русский теоретик анархизма, географ историк, литератор.

деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения *не было* вообще. По крайней мере, государственного разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 году в Государственной Думе еще рассматривался закон о *равноправии* русских в Финляндии – хороши «завоеватели». Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления, и было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации – не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты, – но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота – а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей – была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир И. П. Манус – личность, в лучшем случае, весьма подозрительная – имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой *porte-parole*¹ (на русском языке *нет* нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру *клевету* о Распутине.

Династия стояла в оппозиции Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы, и генерал А. Мосолов констатировал: «Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая *каста* имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда – это интеллигенция. Эти две силы построили вокруг Государя истинную стену – настоящую *тюрьму*...»² А «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны». Генерал А. Мосолов в качестве начальника канцелярии Министерства Двора был, конечно, вполне в курсе дела: «истинная стена» и «настоящая тюрьма». Государю приходилось действовать более или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана, по крайней мере, такая служба информации, какую имеют большевики. Так, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть *все*, – без пессимизма и без оптимизма, – совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской Монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка, – ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от «влияния». А «влияние» достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если генерал Мосолов выражается очень корректно: «бли-

¹ Порт-пароль (*porte-parole*) (*фр.*) – в переносном смысле: глашатай, рупор.

² Мосолов А. А. При Дворе Императора. Рига: Филин, 1938. С. 99.

жайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями» и что «честные люди уходили», то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: «Государь окружен или глупцами или прохвостами». Эта запись сделана в 1904 году¹. Тринадцать лет спустя Государь Император повторяет формулировку А. Суворина: «Кругом измена, трусость и обман» (запись в дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 года)². Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину.

* * *

«Трагические противоречия русской жизни» иногда принимали характер форменной нелепости. Польша наконец разгромлена и побеждена. В Государственной Думе польское «коло» держится спаянно и особняком. При относительном равенстве сил между правым и левым блоком польское «коло» получает решающее значение и может определять судьбу Империи. Затевается нелепый процесс Бейлиса³, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скандальное впечатление. Государственный Совет, из чистого желания насолить П. А. Столыпину, проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневидами. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и «сеledки» – так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городовые. Единственная «реформа», которая удается П. Столыпину – это реформа Государственной Думы – закон 3 июня. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как-то может работать. Организовано оно отвратительно – и технически и политически. Саша Черный писал: «Середина мая – и деревья голы, точно Третья Дума делала весну...» Никакой весны не сделали ни Первая, ни Вторая, ни Третья. Весну сделала Четвертая – под «мудрым» водительством В. Пуришкевича, В. Шульгина, П. Милокова и А. Керенского. Все четверо делали одно и то же дело. «Бороться надо, правительство – дрянь», – говорил В. Шульгин⁴. Во время войны его речи почти ничем не отличались от речей П. Милокова, и в печати они были запрещены военной цензурой. В. Пуришкевич говорит с трибуны Думы истерический вздор, и ему принадлежит «первый выстрел русской революции» – убийство Распутина. Но это было уже во время войны.

До войны почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме «третьеиюньской» Думы, почти никаких реформ

¹ Суворин А. С. Указ. соч. С. 175.

² Якобий И. П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 27.

³ Судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года.

⁴ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 211.

не было: основная реформа – закон о «стольпинском мужике» – была только началом: до войны на отруб и прочее перешло только восемь процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П. А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный *принципиальный* интерес представляет проект о выборах в Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В западных девяти губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний с их 2 – 3% польского населения, в Государственный Совет попали исключительно поляки. П. А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения, – это-де «создает нежелательный прецедент для остальных губерний», то есть поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть поставили национальный принцип выше классового, но *не русский* национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. Столыпина – отставке, которая все равно уже была предрешена, – П. А. Столыпин выступал и против правых, и против левых, и Государю Императору оставалось: или распустить *обе* законодательные Палаты, или отказать от П. А. Столыпина. Пуля Д. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос, но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И вот в этом трагическом положении, в переплете «трагических противоречий», невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией.

ВОЙНА

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но «трагические противоречия» – оставались. В Первую мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разложившемся правящем слое, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разладе между Монархией и верхами, при разладе в среде Династии, при наличии парламента, который только и ждал подходящего момента для захвата власти – при пуришкевичах, шульгиных, милюковых и керенских, которые делали *одно и то же дело*, и при совершенно архаическом административном аппарате.

Статс-секретарь С. Крыжановский, ближайший помощник П. А. Столыпина, пишет: «Основная язва нашего старого бюрократического строя – засилие на верхах власти старцев... Расслабленный старец Гр. Сельский... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штюрмер, кн. Голицын. Усталые и телесно и духовно, люди эти жили далеким прошлым, неспособные ни к какому творчеству и порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя»¹.

¹ Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской Империи. Берлин: Петрополис, 1938. С. 46.

И дальше: «Министры подкапывали друг друга у Престола, поносили в обществе... Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно неприспособленным к новым требованиям жизни, и государству пришлось поплатиться за это, когда настали трудные времена»¹.

Барон Н. Врангель, – отец главнокомандующего, – пишет, собственно, то же самое: «Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утерялась всякая связь. “Мы” – правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. “Они” – вся остальная Россия... Мы все могли быть непогрешимы... Результатом этого ослепления было то, что часть “их” действительно стала подкапываться под правительство, остальная часть, – прибавлю, самая лучшая – отошла в сторону от общественных дел и была заменена людьми, желающими не блага страны, а преследующими лишь свои собственные интересы»².

Князь С. Волконский – бывший директор Императорских театров – пишет решительно то же самое: «Россию губили с двух сторон. Сейчас мы склонны делать ответственными только людей революции. Да, они ответственны за свои дела. Но за свой приход? Разве они не нашли себе подходящей почвы? А где длинный путь, по которому мы шли к тому, к чему пришли? Вот это не все понимают из числа наших соотечественников, которых я встречал после моего бегства из советского ада. Все скошено – понимаете ли вы? Все. Нужна новая стройка, новое здание из нового материала и с новыми работниками»³.

Это все отзывы *правых* людей, людей привилегированного слоя. Не керенских и не лениных. Самый правый из русских историков – И. Якобий – дает еще более *жуткую* картину: «Помойными ямами были столичные салоны, от которых, по словам государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, как слабомысленный больной, умирающий на собственном гноище»⁴. Государыня Императрица пишет Своему Супругу о «ненависти со стороны прогнившего высшего общества»⁵.

Тот же И. Якобий пишет: «Любопытно и поучительно сравнивать рассказы дипломатов о настроениях столичного общества (в начале XIX века. – И. С.) с тем, что другие дипломаты, тот же М. Палеолог, например, писали о том же во время Великой Войны. Те же пересуды, та же эгоистическая близорукость, та же злоба к Монарху, то же предательство. За сто лет высшее русское общество не изменилось».

¹ Крыжановский С. Е. Указ. соч. С. 205.

² Врангель Н. Е., барон. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924. С. 63, 77.

³ Волконский С. М., кн. Мои воспоминания. Ч. 3. Родина. Берлин: Медный всадник, 1923.

⁴ Якобий И. П. Указ. соч. С. 77.

⁵ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 23.

Генерал А. Мосолов сообщает: «Думали, что переворот приведет к диктатуре Вел[икого] Кн[язя] Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях и к его восшествию на Престол. Переворот считался возможным ввиду распрей в Императорской Фамилии...». «...Легкомысленные представители общества думали исключительно о своем собственном благополучии... Ища виновников неудач России, они обрушились на Государя и, в особенности, на Государыню. Видя невозможность отделить Императрицу от Царя, они начали мечтать о дворцовом перевороте»¹. И свои впечатления суммирует так: «Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием»². Как видите, все это выражено очень туманно. Никаких имен не названо и никаких фактов не приведено.

С. Ольденбург пишет еще осторожнее: «Измена бродила вокруг Престола...». И потом не без некоторой наивности добавляет: «Но, к чести высшего общества, можно сказать, что эта измена так и не воплотилась в жизнь»³.

Вся эмиграция, в том числе и С. Ольденбург, является именно следствием «воплощения измены», но всю эту тему автор пытается обойти как-то сторонкой, как, впрочем, И. Якобий и А. Мосолов. Кстати, на этой же странице С. Ольденбург приводит чрезвычайно симпатичный факт: «Дошло до того, что представитель Союза городов⁴, городской голова Хатисов, ездил на Кавказ предлагать Вел. Кн. Николаю Николаевичу произвести переворот и провозгласить себя царем»⁵.

Вел[икий] Кн[язь] Николай Николаевич отклоняет это предложение под предлогом «монархических чувств армии», но оставляет этот преступный разговор без всяких последствий и даже не докладывает о нем Государю Императору. Председатель Центрального Комитета Кадетской (*милюковской*) партии, князь П. Д. Долгоруков, возражая кому-то, пишет в январе 1917 года: «Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее гибелен для России. Дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на Русском Престоле».

Значит, даже кадетская партия возражает против переворота. Кому она возражала? Сам С. Ольденбург констатирует: «Настроение общества, не говоря уже о широких массах, не благоприятствовало перевороту».

Под «обществом» генерал А. Мосолов понимал его привилегированные верхи. С. Ольденбург понимал его массу. Но это мало меняет дело. Дальше С. Ольденбург говорит: «В конце концов та группа, которая заранее поставила себе целью свержение Императора Николая Второго, продолжала разрабатывать планы *дворцового переворота или военного переворота*».

¹ Мосолов А. А. Указ. соч. 60.

² Там же. С. 49.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 232.

⁴ Союз городов – общероссийская организация либеральных помещиков и буржуазии. Создана в августе 1914 г. для оказания помощи царскому правительству в ведении войны 1914 – 1918 гг.

⁵ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 232.

Из *кого* состояла эта группа? С. Ольденбург называет только одно имя – А. Гучкова, который действительно был главным стратегом «февраля». Но кто были остальные? На этот вопрос дает ответ французский посол в Петрограде М. Палеолог. Нужно иметь в виду, что М. Палеолог стоял за русскую монархию и любил слегка пофилософствовать.

Так, он утверждает, что основная разница между латинской и англосаксонской революционной психологией, с одной стороны, и славянской, с другой, заключается в том, что у одних воображение логично и конструктивно, у других исключительно разрушительно...

Восемь десятых русского населения не умеют ни читать, ни писать...

Болезнь воли – это туземное заболевание России...

Анархия, соединенная с ленью и воображением, – это страстное желание России.

И наконец, огромные пространства страны делают всякую провинцию центром сепаратизма¹.

Пока что русская революция сконструировала власть, которая претендует на мировое господство и рискует бросать вызов всему остальному миру. Болезнь воли сказалась в наших гражданских войнах. Ни из какого сепаратизма ничего не вышло. О восьмидесяти процентах неграмотных не стоит, конечно, и говорить. Некоторые клоквенные заросли совершенно неизбежны в мемуарах каждого иностранного наблюдателя. Тем не менее, М. Палеолог стоял за русскую монархию – а никак не против нее. Он, иностранец, республиканский посол в монархической стране, пытался доказать Родзянке, что «царизм есть основной стержень России, внутренняя скрепка всего русского общества и, наконец, единственная связь, объединяющая народы Империи». И зывал: «Если царизм падет, поверьте мне, что он увлечет за собою в гибель все здание России!»

Так вот этот М. Палеолог ставит некоторые точки над некоторыми «i». И он же с полным недоумением рассказывает о том, что князя «просто» и Великие Князья, представители финансовой и земельной знати, на своих приемах совершенно открыто говорили о свержении Государя и о том, как они уже ведут пропаганду в частях гвардии – в первую очередь в Павловском полку, который и в самом деле первым начал «революцию». М. Палеолог ни на какие слухи не ссылается: на этих приемах он присутствовал лично и сам все это слышал².

Его изумляла откровенность заговорщиков, которые под хмельком все это выбалтывали в присутствии посторонних лиц, в том числе и посла союзной державы. Он называет имена, которых я здесь повторять не буду. Говорит, что эта аристократическая агитация велась даже среди личного конвоя Его Величества. И провозглашались тосты такого рода: «За умного (“intelligent”) царя, исполненного чувства долга и достойного своего народа». И тут же приводится

¹ Палеолог М. Россия накануне революции. М. – П., 1923. С. 282.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 137 – 138.

«план» – принудить Государя Императора к отречению, заключить Государыню Императрицу в монастырь, возвести на престол Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Николая Николаевича.

* * *

И вот с такими «трагическими противоречиями» и с таким правящим словом Россия вступила в Первую мировую войну. Первая мировая война оказалась намного *страшнее* войны 1812 года. Тогда, в 1812 году, не стоял вопрос ни о расчленении, ни о колонизации России. Украинский чернозем и прочее в этом роде Наполеона вовсе не интересовало: ему, по существу, требовалось только насильственное включение России в его систему континентальной блокады Англии. Планы Вильгельма были безмерно шире – и расчленение, и порабощение, и колонизация. Впоследствии Адольф Гитлер эти планы значительно «углубил». В 1812 году мы воевали почти против «всей Европы». В 1914-м – в союзе с почти «всей Европой». Но в 1812 году наш правящий слой еще не был «слабоумным больным, умирающим на собственном гноище». В 1914-м он уже стал истинно слабоумным. Таким он остался и сейчас. И сейчас, вот только что, так сказать, исторически позавчера, наша реакция нанесла такой удар по русскому монархизму, какого за все тридцать лет изгнания еще не было нанесено. Методы – не изменились. И они не изменятся. Поэтому историческая справка о великой фальшивке Февраля имеет совершенно конкретное практическое «судьбоносное» значение для всей нашей будущей работы.

ЛЕВЫЕ О ФЕВРАЛЕ

Когда мы ищем виновника революции, мы должны по мере возможности четко разграничить два вопроса. Первый: кто делал революцию? Второй: кто *делал* революцию?

Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов – никто из русских людей *первого* сорта, при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта – вроде М. Горького, историки третьего сорта – вроде П. Миллюкова, адвокаты четвертого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала в русское сознание мысль о том, что с *научной* точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник «неизвестному профессору». Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак, – и вот почему Фев-

раль свалился ей как манна небесная в пустыне. М. Палеолог подытоживает: «В 1917 году русские социалисты испытали такую же неожиданность, как французские республиканцы в 1848 году. На докладе в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 10 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна. Через два дня после этого царизм был свергнут»¹.

Об этом же собрании сообщает С. Ольденбург, хотя и в несколько иной редакции: «Собравшиеся на квартире Керенского представители крайних левых групп приходили к заключению, что “правительство победило”».

...Но в тот же день, – в день “победы правительства”, 26-го – около четырех часов дня, произошло весьма серьезное событие: 4-я рота запасного батальона Павловского полка (в ней было 1500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. (М. Палеолог также подчеркивает, что агитация верхов шла именно в Павловском полку. – И. С.). Были спешно вызваны несколько рот соседних полков... Прибыл командир полка, а также полковой священник, чтобы урезонить солдат. Те, отчасти под влиянием увещания, отчасти потому, что были окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость...»².

До этого – 25 февраля – Государь Император телеграфировал генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны».

На эту телеграмму утром 26 февраля Хабалов отвечал, что «в столице наблюдается успокоение». На другой день после отречения Государя М. Палеолог спросил Горького и Чхеидзе³: «Значит, эта революция была внезапной (sponiante)?» – «Да, совершенно внезапной».

Эту внезапность сам А. Керенский в своей книге передает так: «Вечером 26 февраля (то есть после провала восстания Павловского полка. – И. С.) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции».

Эсер В. Зензинов писал: «Революция ударила как гром с ясного неба и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров».

Левый эсер С. Мстиславский писал еще красочнее:

«Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев – спящими».

¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 298.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 243.

³ Чхеидзе Николай Семенович (1864 – 1926) – политический деятель России и Грузии, один из лидеров партии меньшевиков.

С. Мельгунов суммирует все это так: «Как бы ни расценивать роль революционных партий, все же остается *несомненным*, что до первого официального дня революции никто не думал о близкой возможности революции»¹.

Большевистская история СССР излагает все это самым схематическим образом: «Заговор царизма сводился к тому, чтобы заключить сепаратный мир (??? – И. С.) и, распустив Думу, направить главный удар против пролетариата. Заговор царизма против революции встретился с другим заговором, созревшим в кругах империалистической буржуазии и генералитета»².

Таким образом, *все* историки, и правые и левые, и большевистские и иностранные, сходятся, по крайней мере, на одном пункте: *начало* революции было положено *справа*, а никак не слева. Именно оттуда и зензиновский «гром среди ясного неба». О заговоре «империалистической буржуазии и генералитета» левые, по совершенно понятным соображениям, знать не могли и не знали. А именно этот заговор был *началом* революции. Потом, в марте, апреле и т. д., революция двинулась вперед по путям «углубления», с исключительной степенью точности повторяя ход французской революции. И если августейшие салоны и сам М. Палеолог, передающий их планы и вождения, выражал свое сожаление о том, что в России не нашлось Мирабо³, то это сожаление мне кажется совершенно непонятным, – ибо ведь и во Франции даже и Мирабо решительно ничему не помог. М. Палеолог, посол страны, имеющей весьма большой опыт в революциях, все время проводит параллели между 1789 и 1848 гг. во Франции и 1917 годом в России. Параллели получаются действительно потрясающими. Что, впрочем, никак не мешает М. Палеологу задумываться над таинственной славянской душой, – почему бы не подумать и о таинственной французской?

Правые или даже крайне правые историки – И. Якобий, С. Ольденбург, А. Мосолов – глухо, но неоднократно упоминают о «заговоре». О нем же говорят и большевики. О нем же рассказывает – уже более подробно – французский посол. *Конечно*, заговор был. Подробности его мы, если и узнаем, то очень не скоро. Правые историки стесняются называть вещи своими именами – и людей тоже, левые были не в курсе дела, архивы, попавшие в руки большевиков, подверглись, конечно, весьма основательной чистке. Нет *никакого* сомнения в том, что в *дальнейшем* развитии революции огромную роль сыграли те 90 миллионов золотых марок, которые Германия Вильгельма отвалила Ленину и Троцкому. Но об этом постараются промолчать и наследники Ленина и преемники Вильгельма. Однако: при наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из Февраля, ни из Октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого *позорного* года, и мемуаристы и историки как-то совершенно пускают из виду самую основную

¹ Независимая мысль. № 7. С. 6.

² История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1952. С. 135.

³ Оноре Габриэль Рикетти де Мирабо (1749 – 1791) – граф, деятель Великой французской революции, публицист, оратор. Обличал абсолютизм, по мере развития революции сторонник конституционной монархии. Мирабо стал лидером крупной буржуазии.

нить событий: борьбу против Монарха и справа и слева, борьбу, которая велась и революцией и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке повторил историю П. А. Столыпина. П. А. Столыпин был, конечно, человеком исключительного калибра. Но и он обессилел в борьбе с реакцией и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца в ее роковой форме.

Двадцать шестого февраля 1917 года Государь Император пишет Государыне: «Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрылся каплями пота».

Убийство П. А. Столыпина по самому существу дела не расследовано до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как-то забыли поставить простой, *самый простой* вопрос.

Д. Богров, убийца П. А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось «осведомителем», на языке общественности – «провокатором», на сегодняшнем языке – «сексотом». Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только политической, но и уголовной. Это *всегда* подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему Богрова допустили к *охране* и П. А. Столыпина, и Государя Императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор и сексот? Или – при убийстве Царя-Освободителя: как могли люди допустить *семь* покушений со стороны изуверов? Весь аппарат Империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном дело *совершенно* ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовали, были, или казались себе, чрезвычайно дальновидными. По-видимому, первым шагом к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в пороховой погреб.

ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ

Теперь позвольте мне все-таки обратиться к личным воспоминаниям. Я знаю: это не «документ». «Документом» воспоминания становятся только после того, как их процитирует какой-либо автор. Однако мои личные воспоминания будут, как мне кажется, очень ценным объяснением к настоящему историческому документу: к повелению Государя Императора генералу В. Гурко¹.

В начале августа 1916 года я был наконец призван в армию и зачислен рядовым в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Принимая во внимание мои глаза – одна двадцатая нормального зрения, – в полку не нашли для меня никакого иного места, как швейная мастерская. Швейная мастерская меня вовсе не устраивала. И так как для сотрудника «Нового Времени» не все уставы были писаны,

¹ Гурко Василий Иосифович (1864 – 1937) – российский генерал от кавалерии, автор ряда книг о Первой мировой войне и революции в России.

*Рядовые лейб-гвардии Кексгольмского полка
в походной форме 1914 – 1917 гг.*

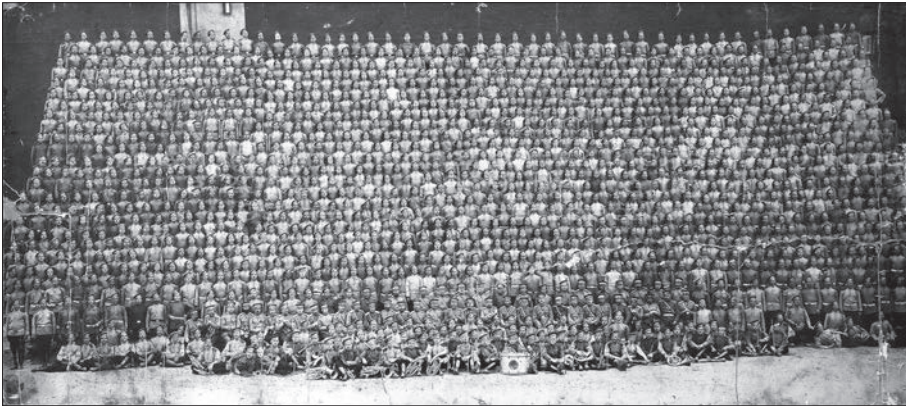
ние людские резервы России, – резервы, которые командование мобилизовало совершенно *бессмысленно*. Особое Совещание по Обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы переполнены – нары в три этажа, делать совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военное обучение производить не разрешалось. Людей кормили как на убой – такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав оказался очень пестрым – весьма значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался «чухной». Настроение этой массы никак не назовешь революционным, скорее, оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: «Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы – голыми руками», «и чего это начальство смотрело». Обстановка на фронте хорошо известна из рассказов раненых. Эти рассказы вполне соответствовали описанию генерала Н. Головина¹: «Подползая, как огромный зверь, германская армия придвигала свои передовые части к русским окопам... Затем гигантский зверь подтягивал свой хвост – тяжелую артиллерию... Она занимала позиции, находящиеся за пределами досягаемости для русской полевой артиллерии, и тя-

то скоро и совершенно безболезненно был найден разумный компромисс – я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня. Мои добрые отношения с солдатской массой наладились не сразу: близость к начальству эта масса всегда рассматривала как нечто предосудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон в составе что-то около трех тысяч человек. Из них – очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные – белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей – послед-

¹ Головин Николай Николаевич (1875 – 1944) – русский военачальник, генерал-лейтенант, профессор, военный ученый, историк и исследователь военного дела.

Лейб-гвардии Кексгольмский Императора Австрийского полк

железные орудия начинали осыпать русские окопы градом снарядов... пока ничего не оставалось ни от окопов, ни от их защитников...»¹.

В 1916 году раненные рассказывали решительно то же самое, что в эмиграции писал генерал Н. Головин. И даже не преувеличивали. Роль незащитной жертвы не улыбалась никому. Тем более, что в основном батальон состоял из бородачей, отцов семейства, людей, у которых дома не оставалось уже никаких работников.

«Быт» этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им запрещалось посещение кино или театра, чайных или кафе и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня имелось разрешение комендатуры на проезд в трамвае. Зачем было нужно это запрещение — я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров, заперли с одной из рот в каком-то дворе Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно.

Фронтовики говорили: «И на фронте пешком, и по Питеру пешком — вот тебе и герой отечества!» Это было мелочью, но это было оскорбительной мелочью — одной из тех мелочей, которые потом дали повод к декларации «о правах солдата». Для этой «декларации» были свои основания: правовое положение русского солдата было хуже положения любого солдата тех времен. Так что в числе тех «прав», которые «завоевала революция», для солдатской массы были право езды в трамвае, посещения театров, а также и право защиты личности от физических методов воздействия. Кроме того, революция «завоевала» право на торговлю семечками, на выборы и на отказ идти на фронт: масса, лишенная разумных прав, получила неразумные. Все это было «социальными отношениями», унаследованными от крепостнического прошлого. Но уже и перед

¹ Цит. по: *Ольденбург* С. С. Царствование императора Николая II.

войной, в связи с огромным, я бы сказал «ураганным», подъемом культуры в России, в связи со всякого рода заочными и незаочными курсами, тягой к образованию, появилось множество людей, для которых пережитки крепостничества были морально неприемлемы.

Итак: от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных в столице хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и... пропаганду.

Пропаганда велась с трибуны Государственной Думы. И велась не столько левыми, сколько правыми. Речи Керенского не производили никакого впечатления – на то он и социалист. Но когда бездарная военная цензура запрещала печатать речи В. В. Шульгина или В. М. Пуришкевича, и когда вместо этих речей в газетах появлялись белые полосы, то, по совершенно понятным соображениям, любопытство массы доходило до степени белого каления. В ответ на этот «спрос» русский рынок заполнялся всякого рода гектографированными и литографированными изданиями этих речей. И тут уж каждый «издатель» редактировал их по-своему. Я до сих пор очень ясно помню одну из совершенно истерических речей В. М. Пуришкевича – о ней очень коротко упоминается у Ольденбурга. Я ее слышал, я о ней писал (цензура выкинула), потом я ее перечитывал в стенограмме. Речь откровенно глупа даже и в стенограмме. Это был призыв «пасть к ногам Государя Императора» и умолять его спасти Россию и Династию от влияния темных сил. Гектографированные издания внесли в эту речь и кое-что новое: в этих изданиях речь заключала в себе требование заточения в монастырь Государыни Императрицы как «немки, работающей на гибель России и армии».

Речи социалистов не производили на массу *никакого* впечатления: «ну, это мы слышали сто раз». Но когда с революционными речами выступают *монархисты*, то впечатление получается убийственное: «ну, если уж и Пуришкевич так говорит, значит, наше дело совсем дрянь».

Я буду просить моих читателей из числа бывших подполковников и даже генералов оставить в покое ведомственные суеверия и оценить положение с точки зрения самого простого, самого человеческого здравого смысла тех – от двухсот до трехсот тысяч «бородачей» – позади у них небурные хлеба, впереди – беззащитный против немецкой мясорубки фронт, сейчас – теснота, тоска, обильное питание и слухи, слухи, слухи... Царица. Распутин. Штурмер. Темные силы. Шпионаж. Предательство. Неспособность. В конце октября история дала «первый звонок»: на Выборгской стороне, на автомобильном заводе «Рено» вспыхнули рабочие беспорядки¹, и гвардия стреляла в полицию. «Гвардию» обезоружили казаchie части. Сделали это очень неохотно. 150 человек было расстреляно: «на Шипке» все снова стало спокойно.

...Цензура имеет технический смысл только тогда, когда она организована *тотально*, как у Гитлера или Сталина. В противном случае она оказывается по меньшей мере *бессмысленной*: белые полосы в газетах компенсировались гек-

¹ См.: Палеолог М. Указ. соч. С. 66.

тографированными изданиями, на которые, по цензурным правилам, нельзя было отвечать публично. Потом цензуре пришла в голову истинно гениальная идея: запретить и белые полосы. Вместо них в газетах появились выцарапанные в стереотипе строчки. Ничего не было опубликовано о беспорядках на Выборгской стороне, но были и прокламации, и слухи, и выцарапанные строчки: «Вчера на Выборгской стороне...» и дальше шла выцарапанная строчка. Что случилось? Как случилось? Ответ давала нелегальная печать или обывательские слухи. Опровергать этот ответ было нельзя, ибо, по мнению гениальной нашей военной цензуры, раз она выкинула информацию о событии, то об этом событии никто не знал, никто ни о чем не слышал. И если военный цензор выкинул из газеты сообщение о «беспорядках», значит, ни Россия, ни немцы ничего ни о чем знать не будут. Но немцы обо всем этом знали совершенно *точно*, а Россия была переполнена слухами, раздувавшимися до полного безобразия.

Слухи, во всем их разнообразии и великолепии, проникали, конечно, и в казармы Кексгольмского полка. В этих казармах были, конечно, и революционные агитаторы. Лично я не мог отметить их присутствия – само собою разумеется, что при мне они никакой пропаганды не вели. Но влияние этой пропаганды совершенно ясно чувствовалось из тех вопросов, которые ставили солдаты: и о беспорядках на Выборгской стороне, и о «распутинском влиянии», и о генеральской измене, и о том, что Царица «все-таки немка, вот нам – Россию жалко, а ей, может быть, жалко Германию...».

Моим командиром был барон Тизенгаузен – я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить – в меру своих возможностей – прекрасные отношения с солдатской массой, и может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: «Так что же это такое – пороховой погреб?» – «...Совершенно верно: пороховой погреб. И кто-то подвозит все новый и новый порох. Нас – шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет – сидим и ждем катастрофы».

В общем выяснилось, что барон Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось ничего. Пытался действовать по «светской» линии – тот же результат. Он посоветовал мне пустить в ход «новременскую» линию. Я попробовал. Доложил М. А. и Б. А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бароном Тизенгаузеном. По существу, все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, М. А. и Б. А. Суворины пришли в действие: к кому-то ездили, с кем-то говорили – во всяком случае, с Военным Министерством и генералом Хабаловым. Ничего не вышло. М. А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б. А. выражался с крайней степенью нелитературности. М. Палеолог в записи от 5 ноября 1916 г. повествует о своем разговоре с каким-то генералом В. – фамилии его он не называет.

Генерал В. говорил французскому послу: «Петроградский гарнизон ненадежен... Неделю тому назад было восстание на Выборгской стороне... Но я не вижу никакого намерения вывести этот гарнизон из Петрограда и заменить его надежными частями. По моему мнению, уже давно нужно было расчистить петроградский гарнизон... Знаете ли вы, что в нем по меньшей мере 170.000? Они не обучаются, у них плохое командование, они скучают, и они разлагаются... Это – готовые кадры для анархии... Нужно было бы оставить в Петрограде тысяч сорок из лучшего элемента гвардии и тысяч двадцать казаков. При такой элите можно было бы справиться с любыми событиями. А если нет...» Его губы дрожали – продолжает М. Палеолог. – Я дружески просил его продолжать. Он продолжал: «Если Господь Бог не спасет нас от революции, то эту революцию сделает не народ, а армия»¹.

Генерал В. был не совсем прав: конечно, не «народ» сделал революцию, но и «армия» была в ней ни при чем: петроградский гарнизон армией, конечно, не был. Несколько спорен вопрос, были ли армией те генералы, которые устраивали из столицы Империи пороховой погреб?

Приблизительно в то же время Государь Император сместил с должности генерала Безобразова² за истинно безобразные потери в боях у Ковеля и Владимира-Волынского³. Совсем недавно генерал Б. Хольмстон писал в «Суворовце» о том, как гвардию *бессмысленно* губили на Стоходе. Итак, для бессмысленных потерь – гвардия была, а для охраны Монархии и, следовательно, России – ее не было. Информация об этих боях и о смещении генерала Безобразова в прессе не появилась – все та же военная цензура. Но само собой разумеется, что об этом знал «весь Петроград» и об этом знали и все казармы. Информационные ходы были очень просты: германская разведка и германская пропаганда. Были, конечно, и иные ходы, но в казармы, по-видимому, попадала главным образом германская пропаганда: «Вот-де ваши генералы продались немцам и шлют вас на верный убой». По моим наблюдениям, германская информация имела довольно неожиданный результат: престиж Государя Императора, который и до того в солдатской массе находился вне каких бы то ни было сомнений, поднялся на небывалую до этого высоту. Правда, с комментариями: «Вот только Царь и заботится и о нас, и о России...» Комментарии о генералах приводить не стоит.

«ВETERАНЫ»

Настроение армии – в особенности ее тыловых формирований – было до чрезвычайности осложнено одним фактором, о котором во всей литературе, посвященной революции, я не нашел ни одного слова. Дело заключалось в

¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 75.

² Безобразов Владимир Михайлович (1857 – 1932) – русский военачальник, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1915 – 1916 гг. командующий войсками гвардии. Отстранен от командования 14 августа 1916 г.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 20.

том, что последние предреволюционные призывы включили в армию «ветеранов» Русско-японской войны. Вся солдатская масса не могла не проявить самого острого интереса к боевому опыту этих ветеранов. Опыт был очень пессимистическим. Да, армия дралась героически, да, армия пролила ни с чем не сообразное количество крови, но война все-таки была проиграна. Та декламация о доблести и прочем, которая так принята в наших военных кругах, совершенно естественно, не имела никакого хождения в солдатской массе. Ветераны Русско-японской войны стояли, в общем, на той точке зрения, что «начальство» не годится никуда, – даже по сравнению с японцами, – а что уж там говорить о немцах. Ветераны были правы. И если генералу В. Н. Ипатьеву в его политических соображениях не стоит верить, то его профессиональные наблюдения интереса не лишены. В своей книге он пишет о том, как еще молодым офицером, окончив Михайловское артиллерийское училище, он был выпущен в стоявшую в Серпухове, то есть под Москвой, артиллерийскую бригаду: «Усовершенствованиями, которые разрабатывала наука для повышения боевой способности артиллерии, наши офицеры *не интересовались*, и о них никто не знал... Командир моей батареи, *совершенно не имевший представления* о правилах стрельбы... С командирами других батарей выходили прямо анекдоты, и нам, молодым офицерам, было положительно совестно перед солдатами за незнание ими артиллерийского дела... В таком состоянии наша полевая артиллерия оставалась до Русско-японской войны... *Полное незнание* тактических приемов вело к тому, что наша артиллерия была бессильна бороться против японской, которая быстро приводила ее к молчанию»¹.

Отзывы генерала В. Ипатьева – профессиональные отзывы о высшем командовании армией – *убийственны*, и они соответствуют действительности. Он пишет о «невежестве», о «полной несостоятельности», о «неспособности командовать армией», об «ошибках, за которые офицер был бы немедленно исключен из военной академии»²...

Это пишет генерал и профессор, наблюдавший события, так сказать, сверху. Ветераны в свое время наблюдали их *снизу*. Ипатьев мирно получал свои ордена, а солдатская масса платила своей кровью. Ипатьев констатирует «невежество» высшего командования, солдатская масса ощущала это невежество на своих костях. Выводы были приблизительно одинаковы: «Все равно начальство и нас погубит, и Россию погубит». Это не было *революционным* настроением. Даже и петроградский пролетариат в своем подавляющем большинстве никак не стоял за «долгой самодержавие». *Но вся страна* была совершенно единодушна: «начальство это пора менять, – как сказал мне один из бородачей, – и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать».

Я не думаю, что наиболее острые «комментарии» такого стиля делались в моем присутствии. Лично я старался «агитировать» за начальство: шла война,

¹ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. В 2-х т. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 45.

² Ипатьев В. Н. Указ. соч. С. 285.

и «менять начальство» было не время. Я говорил бородачам: «Да, допустим, что наше начальство знает свое дело хуже немецкого, так ведь и ты, Иван Митрич, знаешь свое дело хуже немца». – «А это почему?» – «Да вот потому, что немец снимает с десятины по двести пудов, а ты, пожалуй, и пятидесяти не снимаешь». На то бородачи отвечали: «Да ведь только вчера из крепостных выпустили, машин у нас нет, подати», – словом, куренка выпустить некуда.

Моя агитация действовала плохо или не действовала совсем. Мнение о начальстве было всеобщим – в особенности в военном начальстве. И военный министр А. Редигер¹, и редакция «Нового Времени», и солдатская масса, – о левых я уже не говорю, – все придерживались одного и того же мнения. Того же мнения, если верить генералу Мосолову, придерживался и Государь Император. В редакции «Нового Времени» была довольно туманная информация о том, что Государь Император планировал – после окончания войны – заняться полной реорганизацией военного и административного аппарата страны. Но об этом, конечно, никто ничего конкретного не знал – были только слухи. Но, может быть, эти слухи тоже послужили толчком к дворцовому перевороту? Одно из «трагических противоречий русской жизни» заключалось именно в том, что «начальство» устарело до полного неприличия, а заменить его в те времена было еще некем. Это есть *основной* фактор и наших военных неудач, и наших революций. Стоя на тротуарной точке зрения, можно, конечно, вешать всех собак на Милюкова или все ордена на Деникина – или наоборот. Но если попытаться подняться над этой точкой зрения, то общая картина будет в достаточной степени ясна: правящий слой устарел и модернизироваться то ли не хотел, то ли не мог. Офицерский состав армии выслуживал свои лета, но не рассматривал себя в качестве профессионалов войны – он был «военным *сословием*». Он считал себя «доблестным» – прилагательное, которое не говорит решительно ничего. Генерал должен быть волевым человеком, должен быть *умным* человеком, должен быть *культурным* человеком, должен *знать* свою профессию, – а до его доблести никому никакого дела нет. И если говорить о доблестном генерале, то это значит только то, что ничего более лестного о нем сказать нельзя.

НА ПЕРЕЛОМЕ

С конца Русско-японской до начала Русско-германской войны русская армия совершила гигантский скачок вперед. И если в Японскую войну русский артиллерийский офицер был хуже даже и японского, то в германскую он был лучше даже германского, – кажется, стал вообще лучшим артиллерийским офицером мира. Но если в 1904 году у него не было *знаний*, то в 1915 у него не было снарядов, – так что практически получилось то же самое. И с точки зрения «бородачей» виновато было «начальство»: «а начальство чего же смотрело?» Дальше:

¹ Редигер Александр Федорович (1853 – 1920) – российский генерал, участник Русско-турецкой войны, в 1905 – 1909 гг. военный министр Российской Империи, военный писатель. Его «История моей жизни» охватывает период от 50-х годов XIX в. до 1918 года включительно.

если для «модернизации» низшего командного состава было достаточно пяти-семи лет, то для модернизации среднего нужно было лет десять-пятнадцать. Для модернизации высшего – лет двадцать-тридцать. Получалась *диспропорция*: чем выше по «табели о рангах», тем все хуже и хуже. Диспропорция была дана *исторически*: генерал А. Деникин в «Старой Армии» пишет, что его сверстники по чину жили еще психологией крепостного права, – а эта психология означает не только «социальную», но и *техническую* отсталость. Взяв на себя роль Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Империи, Государь Император никак не ограничивался «ролью». Он командовал и в самом деле, оставив генералу М. Алексееву только техническое проведение Его военных планов. А Государь Император был все-таки самым образованным человеком России. Может быть, и самым образованным человеком мира.

Конечно, что есть образование? Если считать им запас цитат, накопленных в любой профессорской голове, то самым образованным человеком России был проф. П. Н. Милюков: он, если верить его биографам, писавшим, правда, в его же собственной газете, знал все: от истории мидян до теории контрапункта. Что никак не помешало П. Милюкову – в 1916 году говорить о «глупости или измене», в 1917-м звать к *завоевательной* войне, в 1919-м вести кампанию против Белой Армии и в 1936-м звать эмигрантскую молодежь к возвращению в Россию: «бог бестактности». Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы – и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял, так сказать, на самой верхушке уровня современности – вот посещал же лабораторию В. Ипатьева и подымался на самолете И. Сикорского, был в курсе бездымных порохов и ясно видел роль авиации – по тем временам авиация считалась или делом очень отдаленного будущего, или, еще проще, – прожектерской затеей. Государь Император сконцентрировал свои силы на победе – довел армию до полной боевой готовности – дело только в том, что об Его усилиях и о Его квалификации *никто ничего не знал*.

Я не хочу рисовать старую Россию ни в черных тонах, как это делают левые, ни в белых, как это делают правые: нужно дать не черно-белую, а *цветную* фотографию, – цвета же были очень пестрыми. С одной стороны Д. Менделев с периодической системой элементов, И. Сикорский с «Ильей Муромцем», К. Циолковский, сейчас забытый, с его ракетными двигателями; с другой стороны – Царь, который верил в Народ. И Народ, который верил в Царя. И посредине «средостение», которое, за очень редкими исключениями, не годилось никому. Думаю, что самым идиотским учреждением этих лет была все-таки цензура.

До войны в России существовала полная свобода печати, – я бы сейчас сказал, гипертрофированная свобода печати. Во время войны, как и во всех воюющих странах мира, была введена военная цензура. Туда была запихана всякая заваль из всего того, что имелось в военном ведомстве. Эта цензура не только цензурировала, она, кроме того, и *давила*, – и официально и неофициально. Редакция посылает свой материал в цензуру, и цензор может вернуть его через

час, но может вернуть и через три часа, – то есть когда материал уже запоздал для ротационной машины. Давить на правую печать было трудно. На левую намного легче. Поэтому получался еще один парадокс – правое «Новое Время» было весьма сдержанно в своих военных обзорах и корреспонденциях, – левая печать захлебывалась от военного патриотизма. В левом «Русском Слове» редактор Г. Петров стал военным корреспондентом и обозревателем и сам, единолично, побил и в полон забрал в три раза больше немецких солдат, чем их существовало в реальности. Мой подсчет по этому поводу цензура все-таки разрешила. Блестящий рождественский рассказ А. М. Ренникова в «Новом Времени» в 1916 году был посвящен раскаявшемуся военному корреспонденту. Словом, в печати установился тон, которому уж решительно никто не верил, примерно тот тон, какой ныне принят в некоторых органах печати по адресу белых армий: доблести хватило бы на весь мир, а война, извините, все-таки проиграна. К осени 1916 года русская армия была наконец вооружена. Генерал В. Ипатьев пишет: «Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ»¹.

Кстати, этот подъем русской химической промышленности – из почти ничего до миллионов пудов – был сделан усилиями *частной* промышленности, а не казенной. В 1915 году частные заводы повысили свою продукцию с 1,4 тыс. пудов в феврале до 74 тысяч в октябре. Казенные за то же время – с пяти до одиннадцати с половиной².

Это еще одна иллюстрация к вопросу о государственном «общественном» хозяйстве и о частной «капиталистической» инициативе. Отсутствие частной инициативы – и во время мира, и во время войны – оплачивается миллионами человеческих жизней и голодом для остающихся миллионов.

Государь Император относился с величайшим вниманием к мобилизации или, точнее, к стройке русской военной промышленности – отдавая этому делу и массу внимания, и громадные средства, но главная техническая заслуга лежит все-таки на А. Гучкове и В. Ипатьеве. Если А. И. Гучков был, конечно, душой и мозгом февральского переворота, если генерал В. Ипатьев сейчас повторяет клевету на Царскую Семью, – то это *никак* не исключает огромной организационной работы и А. Гучкова и В. Ипатьева для вооружения русской армии. Черно-белую фотографию – даже еще и на контрастной бумаге – я предоставляю прессе, предназначенной для тротуарного уровня.

Во всяком случае, к зиме 1916 года и тем более к весне 1917-го русская армия была наконец вооружена до зубов. И об этом *нельзя* было писать. *Нельзя* было сказать и стране, и армии, и петроградским «бородачам», что теперь уж русский артиллерист имеет достаточное количество артиллерии, и что он уж не подве-

¹ Ипатьев В. Н. Указ. соч. С. 554.

² Там же. С. 454.

дет, что это есть все-таки лучший артиллерист в мире и что за ним где-то лежат «миллионы снарядов». В цензуре сидели, конечно, «гениальнейшие» генералы старого времени, – и они предполагали, что обо всем этом немецкая разведка, которая пронизывала весь Петроград, не имела никакого представления. Как документально выяснилось впоследствии, немецкая разведка имела не только общее представление, но и точные цифры. А вот ни страна, ни армия, ни «бородачи» ничего этого не знали. Предыдущая же «ура-патриотическая» пропаганда подорвала всякое доверие и к тем намекам, которые все-таки просачивались в печать.

Словом, сидели набитые, как сельди в бочке, «бородачи», и среди них вели пропаганду и «великосветские салоны», и пуришкевичи, и керенские, и большевики, и, конечно, через большевиков, немцы. И никакого противодействия этой пропаганде не было. Весь Петербург галдычил об «усталости от войны». Совершеннейший вздор: Великую Северную войну Россия вела 21 год, Вторую мировую Советские ввели почти четыре года. – Карл XII дошел до Полтавы, Гитлер дошел до Волги, и никакая «усталость» не помешала – ни Полтаве, ни Берлину. В феврале 1917 года чисто *русской* территории немцы не занимали, – если не считать небольших клочков в Белоруссии и на Волыни. Еды в России было сколько угодно, – продовольственный экспорт был прекращен, – и только в Петрограде были некоторые перебои. Но был правящий слой, который хотел победы, но который хотел победы *для себя*, а не для России, и который подорвал Россию с обеих сторон. И слева, и еще больше – справа. Вот почему моя *цветная* фотография не нравится никому.

* * *

В общем, все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении «бородачи», и вся Россия тонула *в слухах*: «слабовольный Царь, истеричная Царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж...». И вот на этом психологическом фоне прозвучал *первый выстрел русской революции* – убийство Распутина. Оно подтвердило самые худшие слухи: если уж такие монархисты, каким был В. М. Пуришкевич, и такие великие князья, каким был Дмитрий Павлович, берутся за огнестрельные доводы, – *значит*, дело дрянь. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!

Так наш правящий слой реализовал стратегическую доктрину Клаузевица-Ганнибала: охват с левого фланга, охват с правого фланга, прорыв центра, и – *самоубийство*.

Это было – *справа*. Слева шла, в частности, травля министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Если вы дадите себе труд просмотреть литературу того времени или литературу о том времени, то, вероятно, вы отметите странную черту: вся атака левых – против А. Д. Протопопова¹. Никаких мало-мальски конкретных обвинений ему не предъявлялось. Кроме одного: он-де был «распу-

¹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866 – 1918) – российский политик, крупный помещик и промышленник. Последний министр внутренних дел Российской империи.

Демонстрация солдат в Петрограде 23 февраля 1917 г.

тинским ставленником». До его назначения министром он был избран товарищем председателя Государственной Думы. Что ж, и Государственная Дума избирала его под распутинским влиянием? Его считали «изменником своему лагерю», – на этот раз левому. Дело же заключалось в том, что А. Протопопов был, может быть, единственным свежим человеком среди рухляди правящего слоя, и именно он докладывал Государю Императору о настроениях петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде «является угрожающим». На основании этой информации, Государь Император *повелел* генералу В. Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. С. Ольденбург пишет: «Ни градоначальник, ген[ерал]-майор Балк, ни командующий войсками Округа, ген[ерал]-лейтенант Хабалов, не считали положение дел угрожающим. Ни ген[ерал] Гурко, ни ген[ерал] Балк¹, ни ген[ерал] Хабалов повеления Государя Императора *не выполнили*, сославшись на то, что в казармах совершенно нет места, а запасные батальоны некуда вывести»².

Итак: об «угрожающем положении» докладывал Государю Его министр. Об этом положении французскому послу говорил генерал В. Об этом положении практически говорил весь Петроград. И три генерала не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев.

Это, конечно, можно объяснить и глупостью. Это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, – даже и человеческая глупость. Это была *измена*. Заранее задуманная и заранее спланированная. Марше-

¹ Балк Александр Павлович (1866 – 1957) – русский гос. деятель, генерал-майор. До Февральской революции – Петроградский градоначальник.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 240.

вые батальоны из столицы выведены не были, – им, видите ли, не хватало места во всей России, гвардейские части в столицу переброшены не были, – им, видите ли, не хватало места в столице. Полиция, почти безоружная, и учебные команды насчитывали в своем составе 10 000 человек – против, по меньшей мере, двухсот тысяч ненадежного гарнизона, – *не считая* «вооруженного пролетариата».

Петроградские заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для Действующей армии. Это оружие практически находилось в руках «пролетариата». Советская история СССР несколько туманно указывает на то, что «рабочим удалось захватить 40 000 винтовок». Хотел бы еще и еще раз повторить: петроградский пролетариат, несмотря на всю его «революционную традицию», *никакого* участия в Февральских днях не принимал. К сожалению, в данный момент я не могу это доказать. На поверхность революционных дней выплыл какой-то *нерусский* сброд, который уже *после* отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса. По всей вероятности, всего этого мы не узнаем *никогда*: и немцы, которые финансировали большевиков, и большевики, которые получали деньги от немцев, сделали или еще сделают все, что только возможно, чтобы следы этой позорной коммерческой сделки уничтожить начисто. Но тысяч пять такого сброда в столице все-таки нашлось.

Полиция была, в сущности, совершенно *безоружна* – револьверы и шашки. О гарнизоне я уже говорил. Оставались «учебные команды», да и те были под командованием генералов, которые повелений Государя Императора *не выполняли*.

Государь Император был перегружен сверх всякой человеческой возможности. И помощников – верных и культурных помощников – у него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите против еще более ядовитых «салонов». На Нем лежало и командование Армией, и дипломатические отношения, и тяжкая борьба с нашим недоношенным парламентом, и Бог его знает что еще. И вот тут-то Государь Император допустил *роковой* недосмотр: *поверил* генералам Балку, Гурко и Хабалову.

Именно этот *роковой недосмотр* и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота.

А этот дворцовый переворот стал, в свою очередь, исходным пунктом не для одной и воображаемой Февральской революции, а для всего того революционного *процесса*, который, начавшись свержением Царя, сейчас привел нас всех к порогу Третьей мировой войны.

О поведении генерала Хабалова могут быть, конечно, разные мнения: наиболее лестное сводится к тому, что в февральские дни он «растерялся». Академик В. Н. Ипатьев приводит другой, на этот раз истинно классический, случай генеральской растерянности¹, рассказывая о заседании, на котором присутство-

¹ Ипатьев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

вал он сам. Заседание происходило у военного министра генерала М. А. Беляева 22 февраля и было посвящено вопросу о надвигающихся «беспорядках». Для предотвращения распространения этих беспорядков на весь город «растерявшийся ген[ерал] Беляев не нашел предложить ничего более умного, как... развести мосты через Неву», – это в феврале, когда по Неве не только люди, а и трамваи ходят. Чем же все это было? Растерянностью или *планом*?

Попробуйте соединить все отдельные точки этого плана в одну линию: срывается вооружение полиции, в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей, НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уводе, НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии, НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта. И в качестве исходной идеологической базы этого «плана» стоит легенда о Распутине, вышедшая из *тех же* кругов.

Легенда – исключительно живучее «существо». Легенда о распутинском влиянии живет и до сих пор, хотя советские данные не оставляют *абсолютно никакого* сомнения в том, что никакой политической роли Распутин не играл¹. Легенда выросла, как писал крайне правый историк русской армии А. Керсновский, «из августейших салонов». Тот же академик В. Ипатьев повторяет ее в своих мемуарах, и повторяет ее как не подлежащий никакому сомнению факт. Итак: академик, царский генерал, один из крупнейших химиков современности, сообщает *американской* аудитории о слабости и бездарности Царя, о влиянии Царицы на Царя, и Распутину – на Царицу и о том, что в общем и целом русскую политику определял Распутин. Кто из американцев не поверит академику Ипатьеву и кто поверит И. Солоневичу и С. Ольденбургу? В. Ипатьев рекомендует себя как человека, стоящего вне политики, как химика и философа. И в качестве доказательства распутинского влияния приводит такой факт: «супруга одного “почтенного генерала” просила отправить ее мужа в Крым на казенный счет в поезде для раненых. Получив от Красного Креста отказ, она, вместе со своей сестрой, очень милостивой женщиной, вдовой тоже генерала, отправляется к Распутину и устраивает своему мужу бесплатный проезд»². Есть маленький намек на то, что протекция была оказана не вполне бесплатно. Итак, вот вам «влияние». Проезд из Петербурга в Крым стоил первым классом, вероятно, рублей пятьдесят, и за пятьдесят рублей жена и вдова генерала («обе состоятельные женщины»), отмечает генерал Ипатьев) идут к «старцу». Других примеров у академика Ипатьева *нет*. Едва ли кто-либо из его американских читателей уловит полную несообразность этого примера. А легенда укреплена еще больше: выдающийся ученый, царский генерал, беспристрастный человек, стоящий вне партий и вне политики... И вот *даже он...* Повторяю еще раз: выпуская книгу, проф. В. Ипатьев мог и был *обязан* навести кое-какие справки,

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 193.

² Ипатьев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 411.

мог проверить слухи по материалам послереволюционной Следственной комиссии. Убийство Распутина превратило легенду в факт: не из-за прихоти же, в самом деле, люди пошли на убийство! Очень вероятно, что та историческая наука, которая когда-то наконец появится у нас, очень многое объяснит общественной *истерикой*. Очень может быть, что какие-то данные мы узнаем еще и о немецких махинациях в России. Всех их, по-видимому, мы не узнаем никогда, – по крайней мере, достаточно подробно и документально. В 1921 году П. Струве, тогда уже законченный монархист, писал в «Русской Мысли»: «Германия, которой в русской революции принадлежала роль устроителя и финансирующей силы, создала целую литературу о ней, в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которое во время Мировой войны Германия взялась практически».

Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой «теоретические проекты разрушения России» приняли окончательно *звериный* характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находятся русские и даже «национальные» публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам, строят совершенно *детские* легенды об «английском заговоре» и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне¹, то ли о партайгеноссе² Кохе³. «Кого Бог захочет погубить – отнимет разум». Кого Бог продолжает губить – разума не возвращает.

Лично я думаю, что в подготовке Февраля немецкие деньги никакой роли не играли. Эту подготовку вели люди, которые, как и царевубийцы 11 марта 1801 года, не нуждались ни в каких деньгах: богатейшие люди России. Но подпольный мир Обводного канала, ночлежек, притонов, отчасти и случайных новых рабочих петроградской промышленности, был использован немецкими деньгами до конца. Однако все это было уже *после* Февраля. Сейчас я говорю *только* о Феврале. В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички или детонатора, или «случая» – называйте, как хотите – пришлась на долю чухонских баб. Так что при добром желании историю Февраля можно средактировать так: в Февральской революции виноват А. Керенский. Но можно средактировать и иначе: Февральскую революцию сделали чухонские бабы Выборгской стороны.

¹ Герман фон Эйхгорн (1848 – 1918) – германский государственный и военный деятель, прусский генерал-фельдмаршал. После Октябрьской революции в России и заключения Брестского мира руководил оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России.

² Партайгеноссе (*нем.* Parteigenosse) – принятое в обиходе обращение к членам нацистской партии.

³ Кох Эрх (1896 – 1986) – видный деятель НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии) и Третьего рейха, обер-президент и комиссар имперской обороны Восточной Пруссии, с 1 августа 1941 года начальник гражданского управления округа Белосток; рейхскомиссар Украины с 1 сентября 1941 года до конца Великой Отечественной войны.

ДЕТОНАТОР ПРИ ПОГРЕБЕ

Итак: концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников и бытовой обстановкой, в которую эти белобилетники были поставлены, в этой столице был создан пороховой погреб. Ни левые вообще, ни Государственная Дума в частности, – *никто* кроме «военного ведомства» этого погреба создать не мог, хотя бы уже просто технически. Было ли это демонстрацией «тлупости» или подготовкой «измены» – каждый может решать по-своему, – но *третьего* объяснения нет. И вот при этом погребе, на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и «детонатор»: чухонское бабье Выборгской стороны.

На эту тему ни в одной «истории революции» я не нашел никаких указаний и никакой статистики. Дело же заключалось в том, что призывы в армию оставляли в петроградской промышленности огромный людской пробел: никаких льгот по призывам военная промышленность не получила, а Петроград был, главным образом, центром металлургической промышленности. Нехватка вооружения *отчасти* объясняется нехваткой рабочих. В Петрограде эту нехватку кое-как восполнял приток женских рабочих рук из окрестностей Петрограда. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Санкт-Петербург» – в подстрочном примечании сказано, что из ста жителей окрестностей Санкт-Петербурга в 1897 году 96 показали своим родным языком не русский язык (привожу по памяти, но *точно*). Именно этот элемент несколько позже, в марте и апреле 1917 года, тащился с санками и салазками в заводууправления получить «недополученную» заработную плату за все время работы, – в представлении чухонек эту заработную плату можно было вывезти только на санках – никаких карманов или даже корзин для нее не хватило бы. Двадцать третьего февраля 1917 года был «Международный женский день», кое-как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики и из всех звеньев русской революции выбрать одно – по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье.

Мсье Талейран, сидя в эмиграции, говаривал: «Во французской революции виноваты все – то есть никто». Этот афоризм можно, конечно, оспаривать, но нет никакого сомнения, что князь С. Волконский прав: Россию губили *с обеих сторон*. И можно было бы добавить: и из центра.

Знаменитый Клаузевиц¹ всю свою жизнь анализировал Канны². Стратегическая идея Канн была очень проста: охват обоих флангов и прорыв центра. В результате этого стратегического маневра римская армия была почти поголовно ис-

¹ Карл фон Клаузевиц (1780 – 1831) – прусский генерал, немецкий военный теоретик и историк, автор книги «О войне».

² Битва при Каннах – крупнейшее сражение Второй Пунической войны, произошедшее 2 августа 216 года до н. э. около города Канны в Апулии на юго-востоке Италии. Карфагенская армия Ганнибала нанесла тогда сокрушительное поражение римской, значительно превосходящей её по численности, что стало одним из наиболее ярких примеров тактического мастерства в военной истории.

треблена. Канны не помешали тому, что Ганнибалу¹ пришлось искать спасения в бегстве и потом покончить жизнь самоубийством. Сейчас можно с достаточной степенью обоснованности предполагать, что у Ганнибала охват флангов и прорыв центра просто вышел сам по себе – ни до, ни после Канн этот маневр не удастся ни одному полководцу истории. Но в 1916 – 1917 годах наш *обезумевший* правящий класс (см. А. Мосолова)², сам не отдавая себе *никакого* отчета в том, что именно он делает, повторил ганнибальский маневр с тем, чтобы потом разделить и судьбу Ганнибала: охват русской государственности с обоих флангов – и слева, и справа, и прорыв ее центра – дворцовый переворот. Маневр, как мы уже знаем, удался блестяще: сидим мы все, уцелевшие, в эмиграции и решительно не знаем, где именно мы будем сидеть завтра. И всякий из уцелевших – по собственному благоусмотрению своему – ищет виновников там, где ему угодно. Левые – в Государе Императоре, правые – в А. Керенском. Впрочем, некоторые правые, вот вроде Ипатьева, не щадят и памяти Государя Императора, а некоторые левые, вот вроде П. Сорокина³ или Р. Абрамовича⁴ не очень стесняются и с А. Керенским. Историки революции занимаются бирюльками – «повестью о том, как поссорился Иван Иванович Милюков с Иваном Никифоровичем Маклаковым»⁵. Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две *несовместимые* линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла. Разные люди играли в этом вопросе разную роль. Сейчас, когда процесс завершен, нам он кажется «исторически предопределенным», но это древний спор между детерминизмом и индетерминизмом, – спор, для которого на страницах газеты места нет. Разные люди играли разную роль. Основной пружиной революции был, конечно, А. И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А. И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб.

¹ Ганнибал Барка (247 – 183 до н. э.) – карфагенский полководец, во время II Пунической войны против Рима совершивший переход через Альпы и одержавший знаменитую победу в Каннах. Из-за близорукой политики карфагенского правительства армия Ганнибала не получила своевременного мощного подкрепления, и в итоге война была проиграна. Дальнейшая борьба Ганнибала против Рима привела к его вынужденному бегству. Чтобы избежать постыдного плена, Ганнибал принял яд.

² Мосолов А. А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. С. 232.

³ Сорокин Питирим Александрович (1889 – 1968) – выдающийся социолог, основоположник русской и американской социологических школ. В молодые годы состоял в партии эсеров, но Октябрьскую революцию осудил. В октябре 1918 г. отказался от своего членства в партии эсеров и отошел от полит. деятельности.

⁴ Абрамович Рафаил Абрамович (настоящая фамилия Рейн, 1880 – 1963) – общественный и политический деятель, публицист, член Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России), делегат 5-го съезда РСДРП, представитель меньшевиков.

⁵ Лидер Конституционно-демократической партии Павел Николаевич Милюков и российский адвокат, политический деятель Василий Алексеевич Маклаков.

«КАННЫ» А. И. ГУЧКОВА

Итак, все фигуры на шахматной доске заговора – самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве, – клевета, которую даже и В. М. Пуришкевич самоотверженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы – и ее «бессмысленно губили на Стоходе», как писал генерал Б. Хольмстон¹. Действительно, губили – совершенно бессмысленно. Ибо отход русских армий вызывался не нехваткой бойцов и, еще меньше, нехваткой у них мужества, а просто недостатком вооружения: этот недостаток никакая гвардия, конечно, восполнить не могла. Гвардия была заменена «маршевыми батальонами», для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России. Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили.

Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти «слухов» и в распоряжении маршевых батальонов. Не хватало одного: повода. Так в 1914 году Германия Вильгельма Второго довела свою боевую готовность до последнего предела и войны откладывать не могла. Раздался «сараевский выстрел». Если бы не было его, нашлось бы что-то другое. Если бы не нашлось чего-то другого, было бы спровоцировано что-то третье: времени терять было нельзя.

В феврале 1917 года в Петербурге – и не только в нем одном – действительно начались хлебные «перебои». Их обострили все те же слухи: хлеба скоро вовсе не будет. Обыватель бросился закупать и сушить хлеб в запас. В литературе были указания на сознательную подготовку этих перебоев. Указания эти проверить невозможно. М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале – 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях, – это больше пяти миллионов пудов хлеба. Революционная пресса – уже после Февраля – сообщала, что Калашниковские склады оказались переполнены зерном, – это очень мало вероятно, так как после «перебоев» Февраля в 1917 году дальнейшие месяцы, и каждый месяц все хуже и хуже, – приносили с собой переход от «перебоев» к просто голоду. Самое вероятное объяснение сводится все к той же предусмотрительности, на основании которой генерал М. А. Беляев предлагал развести мосты на покрытой саженным слоем льда Неве. Но, во всяком случае, хлебный бунт был наилучшим поводом к Февралю: хлебные перебои дискредитировали власть в самой гуще населения, а даже и маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело – социалисты и революционеры, другое дело – бабы,

¹ Хольмстон-Смысловский Борис Алексеевич (1897 – 1988) – генерал-майор вермахта, один из самых известных русских коллаборационистов, боровшихся с большевизмом любым способом. Автор мемуарных и теоретических трудов «Первая национальная армия против СССР» и «Война и политика», опубликованных им в конце 1940-х – нач. 1950-х гг. XX века на страницах газеты «Суворовец».

Хлебный бунт. Февраль 1917 г.

которым, может быть, дома детишек кормить нечем. И вот на этом общем фоне А. И. Гучков разыграл то ли свои, то ли не свои «канны». О заключительном плане этих «канн» рассказывает почти с полной ясностью сам А. И. Гучков: «Я ведь не только сочувствовал этим действиям, но и принимал активное участие. План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство»¹.

Это было заключительной частью гучковского стратегического плана. Как мы уже знаем, эта часть была выполнена на сто процентов: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы и от армии. Государь Император оказался в буквальном тупике, и никакого выхода у Него не было. С. Ольденбург пишет: «Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали ген[ерал] Алексеев и ген[ерал] Рузский², возможность сопротивления исключалась: приказы Государя *не передавались*»³.

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В 7 т. Л.: Гос. изд-во, 1924 – 1927. Т. 4. С. 277 – 278.

² Рузский Николай Владимирович (1854 – 1918) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного и Государственного советов. Участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн, кавалер трех Георгиевских орденов. Активный участник Февральского переворота, один из главных заговорщиков, вынудивших императора Николая II отречься от власти в пользу брата, Великого Князя Михаила Александровича.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 257.

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались – они отменялись.

Получив наконец достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим Он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков – из самых надежных, – плюс пулеметные команды. (На фронте «надежных частей» было сколько угодно.) Генерал Алексеев был против отправки этих частей, считая, что «при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение». По словам того же генерала Алексеева, Государь не «захотел разговаривать с ним»¹. И этот приказ Государя Императора был *сорван*: генерал Н. В. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь генералу Н. И. Иванову², но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт от имени Государя предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных – не грузить.

Что касается войск Юго-Западного фронта (*гвардии*), то *Ставка* еще днем 1 марта сообщила генералу А. Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления!.. «Меры противодействия революции – отправка войск в восставший Петроград – были отменены *именем* Государя, но помимо Его воли».

Между тем пресловутый А. Бубликов³ сам признавал, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено.

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где «восстание» наткалось на какое-то сопротивление, оно таяло, как дым: на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась, бросив и знамена и лозунги. Так что, может быть, хватило бы и семисот Георгиевских кавалеров генерала Иванова. Но не пустили и их. В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта – и тогда что?

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд – и направился в заранее подготовленный для Него тупик. Поезд застрял на станции Малая Вишера – в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал генерал Рузский.

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 248.

² Иванов Николай Иудович (1851 – 1919) – русский военный, генерал-адъютант, генерал от артиллерии. В заговоре против императора Николая II не состоял. После Октябрьского переворота присоединился к Белому движению.

³ Бубликов Александр Александрович (1875 – 1941) – инженер путей сообщения. В качестве комиссара Временного комитета Гос. Думы принимал активное участие в заговоре против императора Николая II и его последующем аресте.

Там, в Пскове, вечером 1 марта произошла поистине историческая беседа между Государем Императором и генералом Рузским. Нужно иметь в виду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку генерала Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же Он получил телеграмму от генерала Алексеева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, по-видимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и генералом Рузским. Часть этой беседы передает С. Ольденбург по записи князя И. С. Васильчикова¹, со слов генерала Рузского – так что за точность передачи ручаться никак нельзя. До этой беседы генерал Рузский сказал свите Государя Императора: «Нужно сдаваться на милость победителей». И по-видимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

«Генерал Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится... Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Моих рук дело...»

Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... и высказал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»².

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное «необыкновенной ясности» Государя Императора: «деятели» действительно не справились. Но, во всяком случае, со стороны Государя Императора, – если верить этой записи, – это был категорический отказ от «ответственного министерства».

Император Николай II в вагоне царского поезда. Фото 1917 г.

¹ Васильчиков Иларион Сергеевич (1881 – 1969), князь – русский государственный деятель, мемуарист. Член IV Гос. Думы, участник Первой мировой войны. После Февральского переворота член Особого временного комитета Гос. Думы.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 271.

С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими соображениями: бунт усмирится не уступками, а вооруженной силой. Однако было уже сделано *все*, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

На следующее же утро генерал М. Алексеев, получив от генерала Н. Рузского телеграмму с изложением этой исторической беседы, поставил вопрос ребром: уже не ответственное министерство, а отречение от Престола. В 10 часов 15 минут 2 марта генерал Алексеев разослал всем командующим фронтами телеграмму следующего содержания: «Его Величество находится во Пскове, где изъявил Свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив Председателю Государственной Думы образовать Кабинет. По сообщению этого решения Главнокомандующим Северного Фронта председателю Государственной Думы последний, в разговоре по аппарату в три с половиной часа 2-го... марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля. В настоящее же время этот акт является запоздалым, потому что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные массы трудно, войска деморализованы, председателю Гос. Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдерживать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти Действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главнокомандующего Северного Фронта, известив меня. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мысли и цели и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев».

Одновременно с этой телеграммой генерал Рузский посылает в Ставку телеграмму, в которой сказано, что «при существующей обстановке он не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие же их может лишь только осложнить обстановку». Этим отрезывается для Императорского поезда возможность прорваться в Петроград.

Итак: фронтовые дивизии и полки оставлены. Железнодорожные батальоны оставлены. Генерал М. Алексеев сколачивает единый фронт генералитета

уже не для ответственного министерства, а с требованием *отречения*, ссылаясь при этом на данные, полученные от Родзянки. В распоряжении генерала Алексева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контрразведки, которая была подчинена Ставке и работала действительно скандально плохо, но которая все-таки могла уловить положение в Петрограде, – уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится.

Главкомандующие фронтами и флотами – за единственным исключением генерала Хана Нахичеванского¹, поддержали «единый фронт». В телеграммах Государю Императору была вся та фразеология, которую вы еще и сейчас можете найти на страницах крайне правой прессы: и коленопреклонение, и рыдание, и «помощь Божию», и все, что хотите, – но во всех них стояло категорическое требование отречения. Государь Император оказался начисто изолированным от армии и от столицы, – как это и планировал А. Гучков. Телеграммы главнокомандующих, во всяком случае, означали одно: отказ от повинования и от поддержки. Оставалась вооруженная охрана Императорских поездов. Что было делать?

План А. И. Гучкова удался на сто процентов. Дальнейшие проценты он стал приносить впоследствии – вплоть до сегодняшнего дня. А. И. Гучков в сопровождении В. В. Шульгина приехал в Псков диктовать Императору условия отречения. Этой диктовки Император не принял, – текст отречения написал Он сам.

Так был *завершен* «династический переворот», который, если верить С. Ольденбургу, стал вчерне намечаться еще в столыпинские времена.

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, «ФАЛЬШИВКА»

В течение более чем трех десятков лет склоняется во всех мыслимых и немыслимых падежах «народная Февральская революция». Я, опираясь почти на *правые* источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916 – 1917 гг., пытался *показать*, что к Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. И А. Мосолов, и И. Якобий, и С. Ольденбург – люди правые, оперируют все время терминами «дворцовый заговор», «военно-дворцовый заговор», «измена *бродила* вокруг престола». Конечно, и сто тысяч чухонских баб входят все-таки в состав «народа». Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой *одного* процента всего населения страны. Остальных 99%... никто ни о чем не спрашивал.

¹ Нахичеванский Гусейн Хан (1863 – 1919) – единственный за всю историю генерал-адъютант мусульманин в русской императорской армии, отличался исключительной преданностью Императору. Получив сообщение из Ставки об отречении Николая II, он отправил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву телеграмму следующего содержания: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. 2370. 3 марта. 14 ч. 45 м. Генерал-адъютант Хан Нахичеванский». (*Красный архив. Исторический журнал*. 1927. Т. 3. С. 47 – 48.)

объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал) и в том, что «вся страна» настроена против Монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение, но все-таки наименее нелестное, какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об «английской интриге». С. Ольденбург этому варианту не верит: «Весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определился, отважилась бы на *страшный риск* крушения великой союзной державы»¹. М. Палеолог отрицает «английскую интригу» самым категорическим образом и в качестве иллюстрации ссылается на совершенно такую же *легенду* о той же английской интриге, связанную с царевубийством 11 марта 1801 г. Легенду об интриге лорда Уитворта² М. Палеолог обрывает самым простым образом – указанием на то, что лорд Уитворт покинул Россию почти за год до убийства Императора Павла Первого. В отношении к Февралю такой способ исключается – сэр Бьюкенен оставался в России очень долгое время и после революции. Однако все указания на «английскую интригу», в том числе и указание генерала А. Спиридовича³, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно ссылаться на йогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. *Ни одного* конкретного факта я нигде в литературе не нашел. И кроме того, если даже и была «интрига», то «интрига» распоряжалась русскими генералами, как пешками. Теория политической ошибки может дать «смягчающее вину обстоятельство». Теория «английской интриги» не дает *никакого*. Люди, оперирующие этой последней теорией, просто не дают себе труда *додумать* дело до конца: английская интрига – это значит английское золото. О царевубийстве 11 марта так и говорилось: английское золото. О перевороте Февраля говорится туманнее: просто «интрига». Каким именно способом могла «английская интрига» подчинить себе русский генералитет – об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать наизнанку роковые события Февраля, но, – если придерживаться точки зрения «английской интриги», это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет намного хуже политической неграмотности.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

Нам, народным монархистам, – не «цензовым» и прочим, необходимо установить ту *правду*, что между Царем и Народом если и было «средостение», то не было антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для Народа все, что только было в человеческих силах, – то и Народ отвечал Ему своим

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч.

² Уитворт Чарльз (1752 – 1825) – английский дипломат конца XVIII в., исполнявший обязанности посланника Великобритании в России с 1788 по 1800 гг.

³ Спиридович Александр Иванович (1873 – 1952) – генерал-майор российского Отдельного корпуса жандармов, начальник императорской дворцовой охраны. Автор трудов по истории русского общественного движения, воспоминаний о Первой мировой войне и Февральском перевороте и других статей, публиковавшихся в эмигрантской печати.

доверием. Что революция – обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

Всякий разумный монархист, как, впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюцинациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода НЕ БЫЛА гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным «фронтом». Будущая Российская Монархия *не может* быть восстановлена не только без «народного голосования», но и без всенародной помощи. Отстраивая эту Монархию в очень тяжелых условиях, – легких условий не видать, – мы *обязаны* учесть все тяжкие уроки нашего прошлого и заранее обеспечить будущую Российскую Монархию от ее самого страшного врага – внутреннего. И в его самом страшном варианте – коленопреклоненном.

ЕЩЕ О ФЕВРАЛЕ

Генерал А. Спиридович, бывший начальник секретной охраны Императора Николая Второго, сделал в Нью-Йорке доклад на тему о Февральской революции. В «Новом русском слове»¹ помещен отчет об этом докладе – привожу его полностью.

«Государя докладчик считает личностью с высокими моральными качествами. Александра Феодоровна была женщиной неуравновешенной и больной. Распутинство было нездоровое явление, насквозь пропитавшее своим тлетворным духом атмосферу двора. Большинство министров того времени являло собою скопище бездарностей и карьеристов. Революцию вызвали три фактора: заговор Александра Гучкова, английские интриги и германский шпионаж.

Александр Коновалов², Михаил Челноков³, князь Львов⁴, Александр Бубликов и Александр Гучков подготовили дворцовый переворот. Душою заговора

¹ Газета, выходившая в Нью-Йорке на русском языке в 1910 – 2010 гг.

² Коновалов Александр Иванович (1875 – 1948) – русский фабрикант, полит. деятель, один из учредителей банка Рябушинских, депутат IV Гос. Думы. В годы Первой мировой войны товарищ председателя Центрального Военно-Промышленного комитета и один из организаторов думского Прогрессивного блока, который объединял оппозиционные фракции под лозунгом создания «Кабинета национальной обороны». 9 – 10 декабря 1916 года участвовал в собрании представителей Союза городов, которое проходило в его московской квартире, где была принята резолюция о необходимости отречения от власти Николая II.

³ Челноков Михаил Васильевич (1863 – 1935) – купец, потомственный почетный гражданин, владелец кирпичных заводов под Москвой. В сентябре 1914 – марте 1917 – московский городской голова. Участник заседаний Прогрессивного блока. Входил в группу либеральной оппозиции, готовившую дворцовый переворот.

⁴ Львов Георгий Евгеньевич (1861 – 1925) – русский общественный и политический деятель. С 1915 по 1917 гг. возглавлял объединенный комитет Земского союза и Союза городов. После Февральского переворота назначен министром-председателем и министром внутренних дел первого Временного правительства.

был А. И. Гучков, шедший в своих планах до царевубийства. Переворот должен был совершиться в ноябре 1916 года. Речь П. Н. Милюкова 1 ноября в Государственной Думе должна была послужить сигналом к действиям. Исторические слова Милюкова “глупость или измена”, произнесенные с думской трибуны по адресу Двора, потрясли страну. В. Пуришкевич кипами развозил в своем поезде эту речь и распространял на фронте. Речь эта послужила также и основным мотивом, побудившим князя Ф. Юсупова, в сообществе с Великим Князем Дмитрием Павловичем и Пуришкевичем покончить с Распутиным. Заговор не был секретом ни для царя, ни для его ближайшего окружения.

Первого января 1917 года А. И. Хатисов, бывший городской голова Тифлиса, предложил от имени заговорщиков трон Великому Князю Николаю Николаевичу. Великий Князь, тогда главнокомандующий на Кавказе, после нескольких дней раздумья отказался.

Английский посол Бьюкенен был осведомлен о планах “московской пятерки заговорщиков” и всемерно ей содействовал. Немцы планомерно и систематически разлагали тыл. Клевета, ложь и легенда по адресу монарха и государыни – служили действенным орудием в руках врагов династии. Только профессиональные революционеры не принимали участия в этой кампании наветов и интриг.

Безвластие, растерянность и преступное равнодушие определяют настроение власти. Позорная, хотя и кратковременная, эпопея протопоповщины окончательно расшатывает устои насквозь прогнившего режима. Только армия хранит еще верность монарху и былую мощь.

Двадцать второго февраля Государь уезжает в Ставку. Его приказ ввести для охраны столицы два конно-гвардейских полка не может быть выполнен. Генералу С. Хабалову, командующему Петроградским округом, некуда эти части разместить.

Двадцать четвертого февраля начались беспорядки в Кронштадте, во время которых был убит адмирал Вирен¹ – по указанию немцев. У убийц находят списки лиц, которых нужно ликвидировать. Во всем – незримая рука германского шпионажа. В тот же день объявляют забастовку 170 000 человек, работавших на оборону. Начинается братание солдат с народом. Двадцать пятого февраля Государь отдает приказ Хабалову по телеграфу: “Повелеваю завтра прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией”. Но уже поздно.

Двадцать седьмого февраля обнародован указ о роспуске Думы. Образуется Временный комитет Государственной Думы. В здании Таврического дворца самочинно создается совет рабочих депутатов. Туда же собираются освобожденные из тюрьмы члены рабочей группы Военно-промышленного комитета.

¹ Вирен Роберт Николаевич (1857 – 1917) – российский адмирал. Во время Февральского переворота 1 (14) марта 1917 года, после объявления о переходе власти к Временному комитету Гос. Думы, в Кронштадте вспыхнули матросские беспорядки, чинились расправы над офицерским составом. Одной из первых жертв этих событий стал Вирен.

Толпа осаждает казармы. Начинает убивать офицеров. Погромная прокламация с призывом к избиению офицеров задержана Керенским. Он один умел говорить с толпой, в нем единственном искали спасения от хаоса.

Керенский самочинно, – уверяет докладчик, – взял пост министра юстиции. Возьми этот пост Маклаков, не миновать бы погрому... Хабалов окончательно растерялся. Не знал, что и как делать. Вместо того, чтобы овладеть Таврическим дворцом, он занялся разработкой диспозиций по охране Зимнего дворца, на который никто не покушался.

Военный министр Беляев послал 29 февраля телеграмму генералу Алексееву о сдаче оружия остатками верных правительству войск. Царское правительство во главе с Голицыным¹ само себя уничтожило: 28 февраля его уже не было. Революция восторжествовала».

Как видит читатель, общая оценка февральских событий, данная генералом А. И. Спиридовичем, почти полностью совпадает с моей серией статей о «Фальшивке Февраля». Само собою разумеется, что генерал А. И. Спиридович располагает более полными данными, чем мог располагать я, и что события февраля 1917 года он знает лучше меня. Несколько неясно – в какой именно степени автор отчета, Илья Троцкий, смягчил или выпятил отдельные пункты доклада, который длился два с половиной часа и, конечно, не мог быть передан стенографически. Редакция газеты снабдила этот доклад оригинальным заголовком: «Оправдание Февраля». Остается совершенно неясным – в какой именно степени бездарность, трусость, измена, клевета и предательство являются *оправданием* чего бы то ни было и, в особенности, такого события, которое стало началом всероссийской, а теперь, может быть, и мировой катастрофы. По совершенно такой же системе можно «оправдать» и Октябрь: А. Керенский был-де настолько плох, что туда ему и дорога. Но ведь и нам всем – тоже?

Таким образом, если не учитывать неизбежных сокращений отчета, то генералу А. И. Спиридовичу можно было бы задать следующие вопросы:

«Коновалов, Челноков, Львов, Бубликов и Гучков подготовили *дворцовый* переворот». – Но *так как* ни один из этих людей не имел *никакого* доступа ни ко Двору, ни к Ставке, то спрашивается, кто – во Дворе и в Ставке – мог реализовать планы и указания заговорщиков?

Какими *техническими* средствами располагало или могло располагать английское посольство для «содействия заговорщикам»?

Какую именно роль играло военное командование, без участия которого никакие планы, ни гучковские, ни английские, не могли быть реализованы ни в каком случае?

Почему петербургские генералы – Гурко, Хабалов, Балк и пр. НЕ выполнили повеления Государя Императора о выводе ненадежных частей и о присылке гвардии? Ибо совершенно *очевидно*, что «жилищная площадь» тут никакой роли играть не могла.

¹ Голицын Николай Дмитриевич (1850 – 1925) – российский государственный политический деятель, последний председатель Совета Министров Российской Империи.

В чем именно выразилась «протопоповщина»? В предупреждении, сделанном А. Протопоповым Государю Императору об угрожающем положении в Петрограде?

Какие социальные интересы стояли за спиной тех групп, которые строили распутинскую и протопоповскую легенды, которые не выполняли Высочайших повелений, которые сознательно сконцентрировали в столице горючий материал для беспорядков и которые как-то совсем уже странно «растерялись»? Генерал Беляев проектировал развести мосты на Неве, а генерал Хабалов – защитить Зимний дворец, на который никто не покушался и в котором никого не было.

Русская аудитория была бы очень признательна генералу А. Спиридовичу (статья эта была напечатана до кончины генерала А. Спиридовича. – *Ред.*), если бы он ответил на эти вопросы. А также и на вопрос о петроградском пролетариате – его национальном составе (после мобилизации военных лет) и о мотивах его выступления. Советская история говорит, что забастовки имели экономический характер и что только «наша партия» придала им политический оттенок.

* * *

Все это имеет не только историческое значение. Для Народно-Монархического движения это является одной из основных исходных точек дальнейшей политической работы. Дело заключается в том, что верхи нашего бывшего правящего слоя, – и в столыпинские времена, и в 1916 – 1917 гг., и в правительствах Белых Армий продемонстрировали свое полное моральное и политическое разложение, предав монархию и Россию в 1916 – 1917 гг., а затем офицерство и Россию в 1918 – 1920 гг. Практический вывод из этой блестящей комбинации «глупости и измены», бездарности и бесчестности может быть только один: собираясь что бы то ни было предлагать будущей России, мы обязаны сказать ей, что ни наследников, ни осколков, ни подонков этого слоя, ныне занимающихся «национальной» декламацией, – нельзя пускать ни к власти, ни даже на порог власти. Да починут они в мире и в эмиграции. Ибо если они будут допущены к власти или к участию во власти, они повторят то же, что они делали в 1916 – 1917 или в 1918 – 1920 годах: поставят интересы и *психологию* слоя и касты выше национальных интересов России и *продадут* и нас, и Россию – точно так же, как они делали это раньше.

Один из моих друзей пишет мне по поводу моих статей о Феврале:

«Стиль и характер твоей критики “проклятого старого режима” зачастую приводит к мысли о том, что все было настолько безнадежно плохо, что никакой Царь, даже Император Николай Второй, несмотря на тот вполне заслуженный им ореол, которым ты Его окружаешь, не мог бы перевести страну на нормальные рельсы. Значит, что же? Нужна была революция? Тут опять “в пылу творчества” ты забываешь указать на те силы, которые могли бы быть опорой для Государя? Или ты этих сил не находишь? И тогда получается, что Царь был бы бессилён сделать что либо и после войны».

Я критикую не «режим», а «слой». Помимо купечества была русская интеллигенция, которая во всех областях человеческого творчества дала мировые имена – но которой ходу тоже не было. Самый наглядный пример: было учреждено министерство воздухоплавания, министром которого был назначен какой-то завалящий генерал А. Кованько¹. Не лучше ли было бы назначить И. И. Сикорского? Но это вызвало бы целую революцию. Был учрежден пост «главнонаблюдающего за физическим развитием» – на этот пост назначили генерала В. Воейкова², который не понимал в этом абсолютно ничего, и не назначили А. Чаплинского, который был и знатоком и энтузиастом. Но А. Чаплинский тоже вызвал бы «революцию». Слой стоял *плотной* стеной.

Мой корреспондент задает вопрос, который мог бы показаться действительно трагическим: а где же были «живые силы» страны? Везде, где угодно и сколько угодно – везде, *кроме* администрации и, в особенности, армии. Живые силы были в литературе и живописи, в биологии и химии, в технике и промышленности – были везде и были в *огромном* количестве. Кроме того, у нас был *тип* промышленных деятелей, каких нигде больше в мире не было: дельцы-идеалисты, вот, вроде Г. Потанина³ или Н. Верещагина⁴ (брата художника). Люди, которые строили и промышленность и хозяйство, совершенно не интересуясь личной прибылью. Почему можно предположить, чтобы русский народ, так одаренный вообще, а в государственном отношении в особенности, был бы начисто лишен государственно-строительных «живых сил»? Они *были*. Но ходу им *не было*. Еще бы десять-двадцать лет без заговоров и революций – эти люди все равно пробилась бы к власти. Но им ходу не было, да и они сами часто не хотели идти. Когда издателю «Нового Времени» А. С. Суворину было неофициально предложено место в Государственном совете, он отказался наотрез: принять это предложение значило бы погубить газету: марка Государственного совета не делала чести никому.

Все эти деятели оставались *вне власти, вне участия* во власти, и над каждым из них сидел какой-то, прости Господи, губернатор, кое-как окончивший кое-какой суррогат университета, вне «хороших манер» не имевший никакой ни подвижности, ни недвижности. Получался тупик.

Слой можно было ломать. Слой можно было размывать. Эволюция не удалась. Но мы не знаем, – а что получилось бы из «революции»?

¹ Кованько Александр Матвеевич (1856 – 1919), генерал-лейтенант, изобретатель и пилот-аэронавт, начальник Учебного воздухоплавательного парка и Офицерской воздухоплавательной школы.

² Воейков Владимир Николаевич (1868 – 1947) – русский военачальник, приближенный Николая II, дворцовый комендант. Почетный председатель Российского олимпийского комитета.

³ Потанин Григорий Николаевич (1835 – 1920) – русский путешественник, исследователь Центральной Азии и Сибири, этнограф.

⁴ Верещагин Николай Васильевич (1839 – 1907) – создатель новой отрасли русского народного хозяйства «масло- и сыроделия».

Расчет Государя Императора, рассматриваемый сейчас, почти сорок лет спустя, остается все-таки *правильным* расчетом. Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были – «великие люди». Царя-Освободителя почему-то не называют «великим», хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Царя-Освободителя тоже был свой план. Виновен ли Царь-Освободитель в «непредусмотрительности», когда с манифестом о созыве Земского собора в кармане он был убит изуверской бомбой?

* * *

«Оправдание революции»? Нет, нет *никакого* оправдания революции – ни Февралю, ни Октябрю. Нет, *никаких* положительных сторон ни в Феврале, ни в Октябре нет. С почти математической точностью можно рассчитать, что к тридцати годам «слой» был бы все равно смыт жизнью – это только в анабиозе эмиграции он может считать себя еще существующим и даже живым. Нет, революции нет *никакого* оправдания. И в ней не было никакого «народа». Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность – немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, – кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить – придется *нам*. И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут просто ничего не поделаешь. Это уже *факт*.

* * *

В мире случаются и мятежи, и восстания, и даже революции. Вычеркнуть все это из человеческой истории мы не можем. Но мы можем дать оценку, а иногда найти и оправдание. Революционное движение Италии первой половины прошлого века было обосновано и морально и политически: оно было направлено на борьбу с чужеземным австрийским владычеством, опиравшимся на самые реакционные слои Италии. Пугачевское восстание было оправдано морально, но было бесперспективно политически. «Великая» французская революция имеет свое социальное и моральное оправдание: безумная роскошь двора за счет сплошной нищеты народных масс, финансовые катастрофы, моральное разложение династии. Однако в результате революции Франция с первого места в мире сошла приблизительно на пятое-шестое. Для того, чтобы сделать эту разницу в «местах» наглядной, попробуем представить себе сегодняшнюю Францию, ведущую наступательную войну даже против сегодняшней России. Представить будет трудно. Таким образом, моральное оправдание еще ничего не говорит политически – Франции лучше было бы идти эволюционным путем. Имела свое оправдание, и моральное и политическое, американская революция против Англии. Так что даже и «ре-

волюции бывают разные». Но русская революция не имела *никаких* оправданий – ни моральных, ни социальных, ни экономических, ни политических. Ее устроил правящий и ведущий слой – университетская, военная, земельная и финансовая знать. И каждая в своих узкоэгоистических интересах. Исходной позицией революции было не «возмущение *народных* масс», не «неудачи войны», – это были клевета и предательство. В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам: П. Н. Милюков никому не присягал – военные круги присягали. Но их роль (если «Новое русское слово» передало доклад генерала А. Спиридовича правильно) докладчик постарался затушевать – может быть тоже потому, что все-таки «свои люди». Но абсолютно ясно, что без военных верхов «дворцовый заговор» пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной.

* * *

Я очень хотел бы, чтобы наши друзья – не столько «читатели», сколько друзья, дали бы себе ясный отчет в чрезвычайно *трудном* положении народно-монархической *мысли* в эмиграции.

Будучи *монархической*, эта мысль обязана смывать всю ту клевету, которую и слева и справа облита русская монархия: ибо, – *если* признать, что распутинская легенда была фактом и «кровавый царский режим» был тоже фактом, – тогда монархизм теряет всякий смысл. Тогда он из национально-исторической концепции, основанной на национально-исторической реальности, превращается в *мечту*: ах, как было бы хорошо, если бы у нас была бы такая монархия, какая нам нравится, – безотносительно к тому, возможна ли она не в мечте, а в реальности.

Будучи *народной*, эта мысль обязана подняться над предрассудками, вожделениями, интересами, навыками всякой *касты*, – правая русская эмиграция на эти касты раздроблена вдребезги, – отсюда «восемьдесят организаций», и ни одной настоящей.

Будучи *православной*, эта мысль не имеет права ни бороться за свое существование путем клеветы, ни даже «молчанием предавать истину».

Это – *окаянно трудный путь*. Но если, страха ради иудейска, оставить этот путь, – тогда народно-монархическая мысль превращается в *бессмыслицу*: тогда мы будем повторять старую, до тошноты приевшуюся декламацию, будем идти старыми путями разгрома и позора, тогда мы не достигнем ничего и не построим ничего. Будет новый провал в какой-то новый Февраль.

Большинство правой эмиграции – это военные. Традиция «аполитичности» обернулась полным политическим и историческим *незнанием*. Знание заменено символами, табу, тотемами, козлами отпущения, Бабой Ягой и Кощеем-Керенским. Вот – говорит же *генерал* А. Спиридович, что А. Керенский спасал офицеров. То же пишет и С. Мельгунов. То же пишу и я. Генерал А. Спиридович знает, как было дело, знает Мельгунов, знаю и я. Мне и С. Мельгунову можно не поверить – почему не поверить А. Спиридовичу?

Но вот печатаются безграмотные фальшивки, эти фальшивки попадают к грамотным людям – вот вроде Дж. Кеннана¹ – и получается *совсем нехорошо*.

* * *

Положение народно-монархической мысли есть *объективно* трудное положение. Как, впрочем, и положение всякой мысли в среде, которая мыслить не собирается. Из этой среды наше Движение спасло для России много, очень много людей. Те концепции, которые в данной среде считались само собою разумеющимися, не подлежащими никакому сомнению и никакой критике, начинают *таять*. Принципы народной монархии – волею или неволею – официально признаются людьми, еще так недавно стоявшими на так сказать *национально-кастовой* платформе. Мои статьи о «Фальшивке Февраля» вызвали признание – вынужденное или нет, это другой вопрос – в «России» и даже в «Знамени России»². Очень вероятно, что доклад генерала Спиридовича тоже связан с этой серией. В тяжких условиях эмиграции мы расчищаем пути для Новой России, для тех людей, которые хотят работать для Новой России, которые не хотят больше *никаких* Февралей. И поэтому *должны* знать, чем именно обуславливался первый. Первый был вызван – по словам Царя-Искупителя – «изменой, трусостью и обманом». Этой измене и этому предательству нет никакого «оправдания». И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнаженном его виде. Но, говоря о предательстве, мы обязаны знать, кто, как и зачем занимался этой профессией, начиная от казни Царевича Алексея Петровича и кончая Февралем. Если мы не будем *знать*, нас предадут еще и еще и еще...

¹ Кеннан Джордж (1845 – 1924) – американский журналист, путешественник, писатель, известный поддержкой русских революционеров, а его внучатый племянник – Джордж Фрост Кеннан – стал главным архитектором «Холодной войны».

² Орган печати российской эмиграции, издававшийся в Нью-Йорке в 1949 – 1981 гг.

КТО И ЗАЧЕМ ВЕДЕТ БОРЬБУ С ФИЛЬМАМИ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

ВЕЛИКИЕ ОБРАЗЫ ТРИЛОГИИ

В 2010 – 2011 гг. на экраны мирового кино вышел фильм Н. С. Михалкова «Утомленные солнцем 2» («Предстояние» и «Цитадель»). Еще за 8 месяцев до выхода фильма против него в либеральных средствах массовой информации, как западных, так и отечественных, была развернута настоящая яростная кампания. Автор книги изучил природу этой кампании и пришел к выводу, что она исходила от тех, кто хочет разрушить нашу страну, наше государство, нашу нравственность. Эта мнимая критика была вызвана не художественными, а идеологическими и политическими причинами для сознательного шельмования всего творчества Н. С. Михалкова.

Прежде чем понять причины, по которым фильм «Утомленные солнцем-2» вызвал такую жгучую ненависть у определенной категории людей, надо понять, что же Н. С. Михалков сказал этим фильмом. А сказал он прежде всего то, что и в жизни человека, и в жизни государства всегда присутствует Промысл Божий. Понять жизнь человека и жизнь государства как суть исторического явления можно, только учитывая этот Промысл. При этом Михалков блестяще показывает, как он влияет через человека на судьбу исторического явления, в данном случае это Великая Отечественная война. Весь фильм Михалкова – это ряд притч, имеющих колоссальный глубинный смысл.

По определению современного словаря, притча – это «жанр эпоса: небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме». Почему режиссер выбрал такой прием? Ответим словами Евангелия: *И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем* (Мф. 13,10 – 15). Сегодня боль-

Печатается по: *Мультатули П.* Противостояние «Утомленным солнцем»: кто и зачем ведет войну с фильмами Никиты Михалкова. М.: Эксмо, 2015. С. 50 – 72.

шинству современных людей невозможно «в лоб», напрямую говорить о Божием Промысле в истории именно потому, что «они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают», то есть сегодня у многих утрачено духовное зрение. Раньше для русского дореволюционного человека оно было естественно и само собой разумелось.

Помните, как у Лермонтова в «Бородино»: «Не будь на то Господней воли – не отдали б Москвы». Но большевистская пропаганда, как некая в духовном смысле нейтронная бомба, лишила русского человека его вековой связи с Богом. Нашему народу так долго внушали, что победу он одержал под руководством Коммунистической партии, благодаря то Сталину, то Хрущеву, то Брежневу, а в либеральные времена – благодаря штрафникам и зекам, что о Боге он совсем и позабыл. Поэтому Михалков пытается тонко об этой связи напомнить, восстановить надломленное основное звено всего мироустройства.

«Утомленные солнцем» нельзя рассматривать только как фильм о Великой Отечественной войне, сталинизме, ГУЛАГе и т. п. Прежде всего это фильм о пути русского человека к самому сокровенному в себе, то есть к Богу. «Утомленные солнцем» – это фильм о причинах русской мощи и русской немощи, о причине, почему мы, которые, казалось, должны были в 1941 году неминуемо проиграть и исчезнуть, в 1945-м вошли в Берлин и стали победителями. Михалков делает особый акцент на искупительном значении в жизни нашего народа и сталинского террора, и самой Великой Отечественной войны с ее страданиями и гибелью миллионов. За грехопадением 1917 года, за кошмаром братоубийственной войны, за раскачиванием и продотрядами неминуемо должно было наступить наказание и искупление. Измена Богу всегда приводит человека на путь страданий и сделок с совестью. В картине мы это можем наблюдать в полной мере. Ведь в ней почти все герои являются отрицательными, хотя внешне они обаятельные, симпатичные, располагающие к себе. Но когда мы начинаем вглядываться в их образы, понимаем, что эти люди поражены страшным грехом, который в народе всегда звался «иудин грех», то есть предательство.

Возьмем главного, как может показаться, героя – комдива Котова. Это человек, который в 1917 году совершил тяжкий грех: предал историческую Россию, пошел служить ее губителям. Причем служил им не за страх, а за совесть: лично убивал священнослужителей, топил в баржах офицеров, травил газами тамбовских крестьян. Изначально Котов – это собирательный образ красного карателя: Тухачевского, Лациса, Котовского. Он часть дьявольской системы, готовый выполнить любой ее приказ, отречься от всякого, на кого она укажет, даже от любимой жены Маруси, на которую он донес в застенках НКВД. Позже Котов будет ссылаться, что сделал это, потому что его пытали, но его вечный враг Митя верно замечает: «Были те, которые прошли через все и не подписывали». Впрочем, насколько Котов действительно любил свою жену? Ведь он фактически «отбил» ее у Мити, представителя ненавистного ему сословия,

Митя, продавший душу дьяволу

которому, тем не менее, он тайно завидует и поэтому пытается мстить всеми имеющимися у него способами. Даже окружил себя родней жены, этими «вчерашними», которые полностью зависят от него, их гонителя. Перед ним, вчерашним плебеем, они вынуждены унижаться, лебезить, заискивать, чтобы иметь возможность даже не «по-человечески» жить, а просто существовать в физическом смысле. То есть эти люди тоже продают самих себя, свою честь, своих предков, свою Россию, которую такие вот котовы залили кровью и погубили. Эти «дачники» отдают в жертву Котову даже свою дочь, уговаривая Марусю выйти за него замуж, только чтобы сохранить свой мирок с прислугой и вкусными обедами. Единственное, что есть светлого в Котове,

– это его любовь к дочери Наде. Она бескорыстна и чиста, поэтому во всех сценах с Надей Котов трогателен и трагичен.

Другой герой – Митя, белый офицер, ради возможности жить спокойной жизнью в России согласившийся на сотрудничество с большевиками. Он отправляется по их заданию в Париж и губит своих вчерашних боевых соратников – белых генералов. Пока Митя выполнял это задание, Котов женился на его невесте. Митя возненавидел Котова, обвиняя его в том, что он отнял у него все: жизнь, профессию, любовь, родину и веру, заставив переступить через честь и совесть. Но на самом деле все это сделал он сам, Митя, своей изменой прежде всего самому себе, пойдя на службу в НКВД. Пока Котов наслаждался местью повергнутому классу, Митя готовил месть самому Котову. Выполнив задание системы, он отправил комдива в ее застенки. Митя тоже собирательный образ – генералов Скоблина, Слащева, Эфрона. Митя продался дьяволу, и тот крепко держит его в своих когтях. Бывший русский офицер, присягнувший Белому Царю, отдает честь портрету красного царя именно после совершения очередного кровавого дела, несовместимого с понятиями офицерской чести. Всплывающий портрет Сталина в красной окантовке над ржаным полем, – это новая лжехоругвь нового лжебога, которому служит теперь Митя. Этот «бог» теперь будет все время направлять Митину жизнь, и никуда от него не скрыться, не спрятаться, даже покончить с собой он Мите не дает.

Потрясающая сцена, когда Митя вынужден играть на Ближней даче Сталина старинный вальс. Наверняка его играли в детстве до революции Мити-

ны родители, и вот теперь безжалостная система вторгается даже в эти чистые, светлые воспоминания и топчет их, и ничего поделать против этого Митя не может. «Играйте, играйте», – говорит Сталин Мите всякий раз, когда он хочет прекратить музицировать. Это «играйте» звучит как невыносимая пытка.

Наконец, Маруся, которая предала свою любовь к Мите, вышла замуж за Котова, не любя его, а вскоре после его ареста и якобы гибели поспешила сойтись со своим бывшим женихом, фактическим убийцей своего мужа. Причем делает она это снова под влиянием родни, которая после исчезновения Котова искала нового покровителя для своего благополучия. Маруся давно исчезла как личность, она никого не любит, основой ее жизни является животный страх и борьба за выживание в этом чудовищном мире.

Мир этих людей похож на мир рептилий, пожирающих друг друга. Однако они не являются каким-то исключением из правил. Страшный образ красного царя, предтечи антихриста, парит над всей Россией, и по существу, этому лжецарю отдает честь не один Митя, но и подавляющая часть народа. Режиссер очень точно воссоздает атмосферу того страшного времени, где каждый человек поставлен перед выбором: либо сохранить свою жизнь и свободу, либо предать близких ему людей. Девочка-пионерка, отрекшаяся от своего «физиологического отца» и с упоением пишущая доносы на свою подругу; пионервожатый, отрекающийся от своего брата, – они являются частью Системы. Так же, как и Котов, Митя, Маруся, да и сам Сталин. Большинство выбирает предательство и тем самым укрепляет античеловеческую Систему. В высшем смысле это выбор между Спасителем и Иудой, и большинство выбирает последнего, обрекая себя, своих близких и весь народ на тяжкие мучения. На этом фоне есть только один положительный чистый образ – это Надя. Она любит своего отца, и эта любовь не дает ей отречься от него в 30-е годы, заставляет пойти на, казалось бы, безумный шаг – искать его неизвестно где на огромном фронте Отечественной войны.

Никита Михалков с дочерью Надей после получения кинопремии «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке» за фильм «Утомленные солнцем»

Надя – символ русской души

Но именно эта, казалось бы, безумная любовь в результате и побеждает. Именно она, чистая бескорыстная любовь, в конце концов спасает Котова не от смерти физической, но от смерти духовной. Надя – это символ русской души, русского воскресения, русской победы. Надя – это главная героиня фильма. Михалков об этом прямо говорит: «Главная героиня фильма – Надя. Война через судьбу девочки»¹. Работая над фильмом, в интервью 2002 года режиссер развивал свою мысль: «В этой картине было бы важно для меня провести через войну девочку, дочку комбрига Котова. И это тем пронзительнее и сильнее, что девочка не верит, что отец погиб, и он действительно не погиб, он где-то воюет. Он же, убежденный, что ее уже нет, все время к ней обращается, в самые тяжелые моменты своей жизни на фронте, так или иначе она все время перед ним возникает»².

За готовность к жертвенной любви Господь протягивает ей Свою длань. Надя первая, кто возвращается к вере отцов, кто искупает грех предательства и отступничества. Потрясающая сцена ее крестин на mine, когда бездумная машина смерти становится на какой-то момент купелью Вечной Жизни. Не в прекрасном храме крестится Надя, без хора и восприемников, как это было бы каких-нибудь 30 лет назад, но в холодном море, под рев несущихся немецких бомбардировщиков, под оглушительные разрывы бомб. И священник, крестивший ее, одет не в праздничную фелонь, он без епитрахили и креста, он

¹ Михалков Н. С. Прямая речь. М.: Сибирский цирюльник, 2011. С. 319.

² Михалков Н. С. Указ. соч. С. 319 – 320.

Нелегкие думы Котова. Встреча с Системой. Что впереди?

вообще не похож на священника: без бороды, с бритой головой, к тому же калека – без ног. Но искупление – это всегда крест, через страдание, мученичество – искупление. Сцена на mine – это роды новой христианской души и одновременно отречение от сатаны. Это потрясающе показано в сцене, когда рядом с чудом выжившей, выброшенной на берег Надей, на которую священник успел надеть крестик, шлепается языческий идол в виде бюста Сталина. Его выбросило взрывной волной с корабля, который был подорван той же миной, от которой спаслась Надя. На этом корабле спасались члены обкома со своими «святынками»: хрустальной люстрой и бюстами (идолами) вождя.

Война занимает колоссальное место в «Утомленных солнцем». Но она интересует Михалкова в первую очередь не как историческое событие, а как событие духовное. «Принципиально важно понимать, что это не документальная картина», – предупреждает ее создатель. На примере Великой Отечественной войны режиссер дает православный взгляд на войну и на восприятие русским народом войны как явления. «Это кино – попытка разобраться в том, почему мы выиграла войну, – рассуждает Н. Михалков. – Как могло случиться, что в результате гигантская, мощнейшая немецкая армия была разгромлена? Я не верю, что без Божьего Промысла была возможна такая победа»¹. Но проявление Божьего Промысла Михалков видит не только в огромной исторической Победе России над нацистской военной машиной, но и в жизни каждого солдата, человека. «Бог индивидуален, – утверждает Н. Михалков. – Он

¹ Там же. С. 327

Батя

для всех и для каждого». Если так можно сказать, Михалков «детализирует» Божий Промысл. С предельной ясностью он показывает, что у Бога ничего случайного, все закономерно. Одно событие, доброе или злое, влечет за собой другое событие, затем третье, четвертое, до тех пор, пока цепочка Божьего замысла не доходит до своего логического конца

Это замечательно показано в эпизоде с комаром. Вот он рождается на дне какого-то болота, вот он летит над окопом, выбирая свою «жертву», принаравливается к одному солдату, другому, третьему, но каждый раз что-то мешает ему. Наконец он садится на лицо одного из бойцов, другой боец пытается убить комара и наклоняется вперед, и тут же на том месте, где была его голова, образуются три огромные дыры от пулеметной очереди, которую дал в сторону русских окопов немецкий пулеметчик. То есть комар стал невольным и бессознательным проводником воли Божьей в отношении конкретного человека. Н. Михалков об этом сказал так: «Может быть, этот комар и родился для того, чтобы спасти этого человека? Поразительно! Как работает Божественная связь между человеком и насекомым...»¹. Война является духовным лекарством для Котова. Он, попадая в штрафроту, коренным образом меняется. Вместо красного комдива, беспощадного, жестокого, появляется боевой товарищ, заботливый и верный, в силу возраста и опыта опекающий однополчан и получающий от них любовное прозвище Батя. Неоднократно совершающий подвиги, представленный к наградам, Котов отказывается от перевода

¹ Там же. С. 370.

Митя и Котов: враги и жертвы

в обычную воинскую часть, ибо шестым чувством понимает, что эта штрафрота и есть его спасение.

Но Система и здесь не дает ему покоя. Она находит его для того, чтобы снова использовать в своих дьявольских планах. Недаром Котов, еще даже не увидев ищущего его Митю, начинает внюхиваться в воздух: «Серой запахло». Запах серы, как известно, считается признаком присутствия дьявола. Дьявол идет за Котовым, он не забыл о нем, он нашел его даже здесь, в штрафной роте, и для Котова лучше погибнуть в безумной атаке на «Цитадель», чем снова оказаться в его когтях. Но Бог не дает ему погибнуть, ибо самопожертвование Котова вызвано не покаянием, а лишь страхом перед Системой. Штрафрота помогла ему вновь стать человеком; страдания, переносимые им на фронте, были нравственно оправданы. пытки, причиняемые Системой, ужасны для Котова именно полной своей бессмысленностью.

Перед Котовым все время встает вопрос: за что его так терзают свои? На фронте он ежечасно рискует жизнью, но этот риск оправдан, и поэтому Котов ведет себя мужественно и стойко. Но когда он оказывается вновь в руках Мити, в кандалах, перед лицом новой неизвестности, мужество полностью оставляет его. Потрясающая игра Н. Михалкова дает нам возможность наблюдать за этим. Мы видим Котова в Митиной машине, трясущегося, жалкого, плачущего. «Я же все подписал, что вы велели, – убеждает он Митю. – Не могу я обратно в тюрьму. Ты ж не знаешь, что это такое», – рыдает он. А ведь еще десять минут назад мы видели Котова, мужественного, несгибаемого, возвращающегося из мясорубки у «Цитадели» на захваченной немецкой броне-

технике. Почему же он так кардинально преобразился? Потому что под «Цитаделью» Котов воевал с внешним врагом, явным и понятным, а встреча с Митей означала неизбежность вновь оказаться в застенках Системы, страшной, чудовищной, но его, Котова, Системы, которую он создавал в Гражданскую и в 30-е годы, которой он служит верой и правдой и против которой он воевать не мог и не хотел. Поэтому в этих условиях жизнь для Котова теряет всякий смысл. Котов не верит в Бога, не видит в своих несчастьях Его Промысла, а потому он продолжает верно служить Системе даже тогда, когда она «несправедливо» его преследует и мучает.

О том, что Котов остался верным Системе, свидетельствует его поведение после того, как Митя отдает ему планшет с генеральскими погонами и приказ Сталина о восстановлении в звании и возвращении наград. В считанные секунды Михалков вновь меняет облик своего героя. Слеза, которая катится по щеке Котова, – это не слеза раскаяния, не слеза осознания сделанного и не благодарность Богу. Это слеза жалости к самому себе и слеза торжества восстановленной, как он считает, справедливости. «Вот так», – говорит он, торжественно глядя на Митю. На его разбитых губах появляется кривая улыбка, но как она не похожа на улыбку Бати, любимца и друга своих товарищей! Дрожащий плачущий штрафник исчезает, его место занимает генерал-лейтенант Котов, ничего не забывший, но так и не понявший, что с ним произошло. Он сразу начинает действовать как часть Системы, повелевать, приказывать. И этот характерный жест – когда он показывает лампасы на брюках милиционеру, чтобы тот понял, что перед ним генерал. В этом жесте и властолюбие, и самоутверждение, и чувство собственного превосходства. Но вот Котов на Ближней даче у Сталина. В который раз Михалков полностью меняет внешний и внутренний облик Котова. Перед нами вновь дрожащая часть Системы, трепещущая перед ее хозяином, готовая выполнять любые его приказы.

Об образе Сталина в «Утомленных солнцем-2» следует сказать особо. Как и все герои фильма, он несет на себе колоссальную смысловую нагрузку, гораздо большую, чем просто образ реального Иосифа Сталина. Это не исторический фильм о вожде, не документальное исследование. «Передо мной не стояло цели отразить роль Сталина в истории, – говорит Михалков, – “Утомленные солнцем-2” – картина не о Вожде, а скорее о той роли, которую он сыграл в жизни конкретных персонажей, о человеческой истории и военной трагедии. Эти линии могут и должны быть сильнее “сталинского вопроса”»¹. Все свое внимание художник сосредоточил на сущности Сталина как явления в жизни народа и России. Если для Чиаурели в «Падении Берлина» был нужен мифологизированный образ Верховного главнокомандующего, почти небожителя, то Михалкову нужна другая сторона личности диктатора.

Режиссер показывает нам дьявола-искусителя. Образ его дан в темных тонах, само лицо его темно, глаза почти всегда опущены вниз, но когда Ста-

¹ Там же. С. 665.

Цитадель

лин исподлобья смотрит на собеседника, они зажигаются каким-то желтым светом. Тихий приглушенный голос, медленные движения. Цепкие пальцы, шумное, с присасыванием, глотание чая. Когда смотришь эти сцены, невольно вспоминаешь образы нечистой силы в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Сатана всегда внешне абсолютно логичен. Но эта логика, как и вся сущность дьявола, искусительна. Сталин указывает Котову на опасность новой гражданской войны, которая может начаться после победы, когда вернувшиеся фронтовики столкнутся с отсидевшимися в тылу или, что еще хуже, в оккупации обывателями. По сталинской логике, этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Единственный способ – это послать на «Цитадель» пятнадцать тысяч «трусов», отсидевших в тылу, «вооружив» их черенками от лопат. «Это будет страшная атака. Я знаю. Но на эту “черную пехоту” немцы потратят пули, предназначенные для наших советских солдат. Честных солдат. На примере этих пятнадцати тысяч мы дадим урок остальным миллионам, заставим их проснуться и понять, что у нас только одна дорога – дорога к победе», – говорит Сталин. Отправить эту «черную пехоту» на штурм «Цитадели» должен будет Котов.

На самом деле Сталин вовсе не думает о ситуации после войны, его задача – навсегда привязать к себе Котова. Повязать так, чтобы уже не отпустить никогда. Далее следует монолог вождя, который подтверждает, что даже бесы вынуждены иногда говорить нечто правдивое, преследуя при этом свои, враждебные Богу и человеку, цели. Объясняя Котову, почему он избрал для

проведения этой кровавой акции именно его, Сталин говорит: «В 17 лет ты взял в руки оружие и пошел на защиту революции. В 19-м году ты собственноручно зарубил священника из Беженского монастыря, который укрывал белогвардейцев. В 21-м под Керчью ты потопил баржу с белыми офицерами, а в 22-м ты приказал пустить отравляющий газ на тамбовских крестьян. Ты все правильно сделал. Кто еще такое мог сделать, не дрогнув?» То есть дьявол в образе Сталина говорит Котову: ты свой, сделай для меня очередную черную работу, «эту операцию можешь сделать только ты». И тут же следует соблазн: «После этого ты получишь армию». Но с другой стороны, устами того же Сталина Господь дает понять Котову, за что были ему ниспосланы такие тяжкие страдания и почему перед ним сейчас ставится вновь очередной выбор между Добром и Злом. Котов впервые в своей жизни услышал этот глас Божий и внутренне осознал, что для него появляется единственная возможность искупления. В тот же самый момент в застенках Лубянки, арестованный и приговоренный Системой к смерти, Митя убивает мотылька, который, словно ангел-хранитель, каждый раз свидетельствовал ему о Божьем Промысле.

Все последние сцены фильма, по существу, можно считать одним большим действием: покаянием, искуплением и воскрешением. Михалков с потрясающей силой показывает, как жертвенный порыв Котова не только спасает его душу, но и сокрушает, казалось бы, неприступную «Цитадель». За символом «Цитадели» стоит не только конкретная нацистская Германия. Это весь апостасийный¹ Запад, апостасийная Европа, в который раз пришедшие в Россию грабить, мародерствовать, поработать. Это сытая Европа в образе холерного немецкого пулеметчика, слушающего классическую музыку, нежно забочащегося о белой мышке и хладнокровно, ради развлечения, расстреливающего русских. Эта Европа полностью уверена в своей мощи и в своей безнаказанности. Вооруженная до зубов, спрятавшаяся за мощными стенами «Цитадели», ей ли бояться скопища этих восточных варваров, готовых каждый день класть сотни жизней, бесполезно штурмуя ее? Начальники «Цитадели» не удивляются, когда видят толпы русских с палками в руках, во главе с генералом идущих к стенам крепости. Для них это очередное безумство. Но на самом деле это не безумство, а великий искупительный подвиг, который совершают все – от Котова до последнего «черного пехотинца». Потрясающий кадр, когда какой-то пожилой человек просит отпустить его домой, у него больная жена. Котов отвечает: «Не могу я тебя отпустить. Меня самого не отпускают».

Дьявол держит крепко, он хочет заставить Котова совершить тяжкое преступление: бросить этих ни в чем не виновных людей на смерть, под жерла немецких пушек. Среди этих обреченных и их фактических палачей, включая Котова, нет никакого единства, только ненависть друг к другу. Эта ненависть вырывается проклятием одного из «черных пехотинцев», которое не-

¹ Апостасия – (от грч. *apostasis* – оставление, уход). Религ. Отказ от религиозной веры, отход от церковной жизни; вероотступничество // *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт. С. А. Кузнецов, 1998.

медленно пресекается особистом (потрясающе сыгранным С. Маковецким), убивающим кричащего штыком. Но в этот момент Котов принимает решение, – он возглавит этих людей и лично поведет их на смерть. Здесь происходит первое чудо: полная ненависти толпа объединяется вокруг Котова, и вместо «черной пехоты» на праведный бой идет великий русский народ, Святая Русь. Идут все, под разухабистую песню, но в этой внешней разухабистости слышны мотивы великого смирения и великой силы. Звуки песни, словно волна, накатываются на музыку Вагнера с немецкой пластинки и заглушают ее.

В этот момент единения Котова с народом спадают цепи дьявольской Системы, он больше не принадлежит ей, грех искуплен. Спаситель сказал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Котов являет эту любовь и потому прощен Господом. Но прощены и спасены и все остальные, кто пошел за Котовым, кто тоже положил душу «за други своя». И вот эти люди, идущие на верную смерть, вооруженные палками, становятся свидетелями второго чуда: несокрушимая «Цитадель», которую никак не могли взять в течение столь долгого времени, ради которой положили столько человеческих жизней, вдруг взрывается сама, разносится на куски, становится прахом, так, словно ее вовсе никогда не существовало.

Поразительно, насколько мысль Н. С. Михалкова совпадает с тем, о чем думали, чем жили люди той Великой войны. Вот стихотворение Анны Ахматовой, посвященное победителям, нашим воинам, снявшим блокаду Ленинграда в 1944 году:

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть.
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

В который раз Н. Михалков показывает зрителю «механизм» Божьего Промысла, когда совершенно незначительные и, более того, внешне не связанные друг с другом события приводят к результату всемирного масштаба. Как маленький комар спасает конкретного человека от смерти, так маленький паучок и мышка становятся причиной гибели несокрушимой «Цитадели». Холеная западная цивилизация завоевателей и большевистская Система не учитывают и не берут во внимание этих «комариков», «паучков» и «мышек», потому что обе эти силы не верят в Божий Промысл, не веруют в Бога и Его Всемогушество. Вряд ли думает о Боге большинство тех, кто идет с палками на «Цитадель». Но они вольно или невольно исполняют главный Божий

Миг искупления

закон – закон жертвенной любви. Так называемая людоедская «целесообразность», в жертву которой должны быть принесены тысячи ни в чем не повинных людей, оборачивается жертвой во имя любви, перед которой бессильны все цитадели с их фюрерами и вождями.

Мы как-то редко задумываемся, почему могущественная, вооруженная до зубов, обладавшая огромным боевым опытом германская военная машина, в 1941–1942 годах захватившая большую часть исторической России, дошедшая до Москвы, Волги и Кавказа, после Сталинграда не смогла одержать ни одной победы на Восточном фронте, а после Курска в 1943-м предпринять ни одного крупного наступления. Конечно, исторически это объясняется появившимся у Красной Армии и ее командования боевым опытом, улучшением качества военного снабжения, ростом производства танков, самолетов, артиллерии и т. д. Однако все это вместе взятое не может ответить на вопрос: почему германские генералы столь быстро «поглупели», а советские столь быстро «поумнели»? Верующий человек не может не увидеть в этом особого Промысла Божьего, не может не признать, что в сознании народа и армии, как плоти от плоти этого народа, произошло качественное изменение. Это не была больше «красная армия товарища Троцкого», родившаяся в позоре февраля 1918 года, но это была, по своей сути, русская армия, одетая в русскую форму, входившая в освобожденные города под звуки «Славься» Глинки и благославляемая православным духовенством. Именно это качественное изменение духа нашей армии и позволило сломать хребет нацистской военно-государственной машине.

То же самое произошло в 1812 году, когда «великая армия» Наполеона, не проигравшая ни одного сражения, попросту растворилась в снегах России. В отличие от Сталина, присвоившего победу себе и Коммунистической партии, император Александр I хорошо понимал, кто выиграл войну: «Господь шел впереди нас, – заявил после победы царь. – Он побеждал врагов, а не мы!» На памятной медали в честь 1812 года царь повелел отчеканить слова: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Во все времена на Русь приходили завоеватели во много раз сильнее ее и многочисленнее. Но каждый раз звучали в сердцах русских бессмертные слова святого благоверного Великого князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде», и каждый раз победа оставалась за Русью, в подтверждение слова Христова: *Не бойся, малое стадо! Я с вами ... до скончания века* (Лк. 12, 32; Мф. 28, 20). Когда смотришь на народ, идущий на штурм «Цитадели», на поднятые вверх белые палки, то видишь перед собой рати Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, видишь штыки героев Полтавы, Бородина, Шипки, героев Перемышля и Луцка, тех самых героев, которых в феврале и октябре 1917 года предали и оклеветали. Между прочим, во время Великой Отечественной войны это чувство единения с героями Великой России ощущалось весьма остро. Вспомним того же Симонова, когда он описывает горечь отступления 1941 года:

В бело-зеленых мундирах,
Павшие при Петре,
Мертвые преображенцы
Строятся молча в каре.
Плачут седые капралы,
Протяжно играет рожок,
Впервые с Полтавского боя
Уходят они на восток.
Из-под твердынь Измаила,
Не знавший досель ретирад,
Понуро уходит последний
Суворовский мертвый солдат.
Гремят барабаны в Карпатах,
И трубы над Бугом поют,
Сибирские мертвые роты
У стен Перемышля встают.

В сцене штурма «Цитадели» мы видим «дубину народной войны», о которой писал Лев Толстой. Эта дубина поднимается «со всюю грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил», опускается на врага и «гвоздит» его до тех пор, «пока не погибнет все нашествие».

За жертвенный подвиг Котов награжден встречей с Надей. Встреча эта, с человеческой точки зрения, так же нелогична, как паучок и мышка. Котову она кажется настолько невозможной, что он решает, что обознался. Только звуки танго «Утомленное солнце» заставляют его поверить, что перед ним действительно

Большая душа Европы

Надя. Однако долгожданная встреча с Надей длится одно мгновение: искупление грехов Котовым еще не завершено. Перед ним снова выбор: спасти свою жизнь или жизнь дочери, наступившей на мину. Но на этот раз Котов даже не размышляет. Он ведет себя как православный русский человек, которого он вновь обрел в себе после долгих лет дьявольского рабства. Котов должен погибнуть, ибо, если бы он остался в живых, он получил бы от Сталина армию, и кто знает, в какие соблазны втянул бы его демон с желтыми глазами. Котов, безусловно, погибает на mine, спасая тем самым Надю. Но почему тогда в конце фильма мы видим его вновь во главе танковой колонны со Звездой Героя Советского Союза? Понять это мы можем из сцены с безумным немцем и старухой на развилке дорог. Кто эта старуха и кто этот безумный немец, постоянно орущий и указывающий направление «вперед» советским танкам? Старуха – это, безусловно, Россия, а немец – искалеченная душа Европы. Сравним этого безумного немца с холеным немцем из «Цитадели». Там, в «Цитадели», словно в скорлупе, скрылась душа некогда христианской Европы. Она не чувствует ни сострадания, ни боли, ни совести. Сладко ест, сладко пьет, слушает музыку и заботится о белой мышке. Все это вместе приводит такую Европу к гибели. Пуля советского снайпера символизирует не просто гибель немецкого пулеметчика, но освобождение души Европы.

Оболочка падает, и оказывается, что перед нами маленький душевнобольной человечек, которого спасает и прикрывает все та же великодушная Россия. Она просит своих сыновей не делать зла этой Европе, а освободить ее от себя самой. Ведь Гитлер и нацизм – это порождение апостасийной европейской цивилизации. Но это могла сделать только русская армия. И мы видим перед собой имен-

но русское воинство, живых и павших. Символами этого воинства являются и живая Надя, и погибший, но искупивший свой грех Сергей Котов.

Таким образом, если подытожить главные идеи трилогии Н. С. Михалкова, то их можно свести к следующему:

1. Историю Великой Отечественной войны, как и историю в целом, нельзя понять без осмысления и принятия Божьего Промысла как в жизни человечества, страны, так и в жизни отдельного человека. У Бога нет ничего «случайного», и говоря словами Н. Михалкова, кто «верит в случай, тот не верит в Бога».

2. Война явилась следствием отступничества в 1917 году большей части нашего народа от Бога. Эту войну можно было выиграть только путем невероятных страданий, покаяния и искупления.

3. Великий подвиг нашего народа заключался в том, что он смог в годы войны в своем подавляющем большинстве осознать искупительную сущность войны и не поддался соблазну сведения счетов с советской властью, а встал грудью на защиту Родины.

4. Только Россия, омытая кровью, смогла спасти Европу и весь мир от античеловеческого «нового мирового порядка», который нес гитлеровский Третий рейх.

5. Главное, чем обеспечивается победа в войне, – это не пушки и танки, а то, во имя чего люди готовы отдавать свои жизни, то есть дух армии.

Было бы странным, что такие идеи, да еще так талантливо реализованные Н. С. Михалковым в фильме, не вызвали бы острого неприятия со стороны русофобских и враждебных России сил как внутри, так и за ее пределами. Началась невиданная травля кинофильма.

Р. С. от автора. Пока эта книга готовилась к печати, произошли события великого исторического значения. Милостью Божьей земля святой Тавриды, колыбель Русского Православия, Крым вернулся в лоно России. В Севастополе 9 мая 2014 г. состоялся потрясающий по силе и красоте военно-морской парад. Ликующий народ вышел на улицы города. Слезы радости, улыбки, грузовики с одетыми в советскую форму юношами и девушками, герои-ветераны – все это так напоминало далекий победный 1945 год. И среди этих ликующих людей мне все время казалось, что я вижу лицо Котова из последних кадров великого фильма о Великой войне.

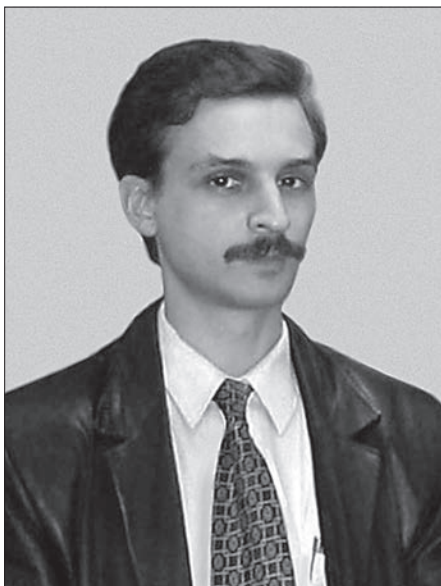
Петр Валентинович Мультипули – ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук, член СП России.

Родился 17 ноября 1969 г. в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в семье филолога и театроведа Валентина Мультипули. Мать – Наталия Мультипули (урожд. Ануфриева), родилась в Париже в семье эмигрантов первой волны. В 1957 году вернулась с родителями в СССР. Редактор и переводчик французских книг по искусствоведению и истории.

В 1991 г. П. Мультипули окончил факультет истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Работал учителем истории в средней школе, следователем и оперуполномоченным уголовного розыска. Затем – аспирант Школы политических наук (Париж). Тема диссертации: «Русско-французский военный союз в годы Первой мировой войны».

31 мая 2011 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Император Николай II во главе действующей армии: военно-политические вопросы управления государством (август 1915 – март 1917 гг.)».

ОТКУДА МЫ ЗНАЕМ О ЯЗЫЧЕСТВЕ ДРЕВНИХ СЛАВЯН?

Алексеев Сергей Викторович родился 4 августа 1972 г. в Москве. В 1993 г. окончил Российский государственный гуманитарный университет по специальности «Историко-архивоведение».

Ученая степень кандидата исторических наук присуждена в 1997 году. Тема диссертации: «Отечественные повествовательные источники XI – XVII вв. о древней истории восточных славян». В 2003 г. присвоено ученое звание доцента по кафедре. В 2006 г. в Московском гуманитарном университете защитил докторскую диссертацию по теме «Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI – XV вв.». 16 июня 2006 г. присуждена степень доктора истори-

ческих наук. 20 декабря 2012 г. присвоено ученое звание профессора по кафедре.

С 1995 г. работает на кафедре истории Института молодежи – Московской гуманитарно-социальной академии – Московского гуманитарного университета. В 2007 г. назначен на должность профессора кафедры истории. С 2010 г. заведующий кафедрой.

Область научных интересов С. В. Алексеева – история Восточной Европы в древности и раннем средневековье, средневековая история славян и Руси, история славянской культуры, история религии. Разработал лекционные курсы «Всемирная история», «История религии», «Религиоведение», «Религии “Нового века” и общество».

Имеет более 400 научных, научно-популярных и учебно-методических публикаций.

Председатель Историко-просветительского общества «Радетель». Действительный член Международной академии наук (IAS). Является главным редактором ежегодного альманаха «Историческое обозрение».

В условиях, когда воссоздаются старые и формируются новые мифы, правда истории вынуждена опаривать «правду» воображения. В статье С. В. Алексее-

ва развенчиваются попытки разрушения исторического сознания путем подмены его реального прошлого надуманной историей о никогда не существовавшей «языческой цивилизации» славян. «Единой» праславянской “высшей” мифологии (т. е. пантеона языческих богов) реконструировать не удастся <...> народная традиция славян не сохранила практически никаких следов верховных божеств» Предлагаемый в статье обзор источников дает подлинное и исчерпывающее представление о славянском язычестве как о явлении, имевшем быть до христианизации России.

РЕАЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Мифологизация и фальсификация истории – острая проблема сегодняшнего дня. Вполне естественным образом внимание заинтересованной общественности приковывается к болевым точкам истории России XX в. Однако искажение исторической реальности не ограничивается этим временем. История даже самых отдаленных веков становления русской государственности вполне подвержена бездумному, а иногда вполне сознательному «фантазированию», обращенному чаще всего к молодежной аудитории². Немалое место здесь занимает романтизация догосударственного и дохристианского прошлого Древней Руси и славянства в целом. Естественное, особенно для авторов популярной литературы, стремление изобразить прошлое своей страны в виде позитивного мифа вольно или невольно приводит к значительным историческим подлогам. Под вопрос ставятся значимость христианизации Руси, появление славянской грамоты, а подчас и всего реального исторического пути, пройденного русским народом. Он подменяется додуманными и выдуманными подробностями истории небывалой «языческой цивилизации». Частным аспектом ее стали вольные неакадемические «реконструкции» языческой религии и мифологии.

Стоит заметить, что автор этих строк отнюдь не считает первые тысячелетия славянской истории беспроблемно «темными веками», когда «ничего не было».

Напротив, их научному исследованию он посвятил не один год, создав в итоге, как смеет надеяться, достаточно богатую и впечатляющую картину догосударственного прошлого славянских племен³. Однако между научной работой по собиранию и интерпретации реального, не слишком богатого материала и вольной романтической фантазией о создавших едва ли не все цивилизации мира предках – дистанция огромного размера. Последствия же разрушения исторического сознания нации через подмену в нем реального и сложного исторического пути лестными фантазиями (как раз, кстати, на весьма «древние» темы) мы можем сейчас наблюдать воочию.

Вполне естественным является желание представить прошлое во всех его подробностях. Тем более естественно оно для исторического или историко-фантастического писателя. Но важно, делая это, и для себя самого четко понимать границу между фантазией и реальностью.

На протяжении уже не одного десятка лет умами многих авторов фэнтези, и не только их, владеет желание представить язычество древних славян как не-

что «не хуже» греко-римского, кельтского или германо-скандинавского. При этом и последние, стоит заметить, представляются достаточно «фэнтезийно» – в пределах то ли школьной программы с книжкой Н. Куна в плюсе, то ли (что, конечно, лучше) томов серии БВЛ. На самом деле можно долго говорить о том, что религия и мифы древних греков дошли до нас в литературной обработке, причем предпринятой в основном людьми, настроенными к ним скептически или критически. И если о религии древних римлян мы сравнительно хорошо осведомлены, то римской мифологии у нас просто нет (или есть, но не больше, чем славянской).

Что же касается германских и кельтских мифов, то они сохранились в локальных, периферийных вариантах – исландском, ирландском, отчасти валлийском – и в записи не веривших в их истинность средневековых христиан.

Сам факт этой записи был обусловлен случайными стечениями исторических обстоятельств – тем, что «двоеверие» в живом еще родоплеменном укладе сосуществовало одновременно с широким распространением грамотности в светской элите; тем, что многие знатные роды низводили свои родословные в глубины языческой эпохи, к богам и мифическим героям, которых это превращало в неизбежную часть «официальной» истории.

У славян такого сочетания нигде не было. Даже в сербских землях, где долго сохранялись многие черты родоплеменного уклада, а литературное творчество несло ряд признаков архаики, «двоеверие» в любых формах из жизни образованных слоев жестко изгонялось. С этим здесь было связано и то обстоятельство, что в эпоху расцвета сербской средневековой литературы для ее авторов история государства официально начиналась с правления св. Симеона – Стефана Немани в XII в., а не с глубин языческой древности⁴.

Первое, что бросается в глаза исследователю славянских древностей – удивительная пестрота верований и мифов. Религии разных племен и местностей сильно отличались. Имена богов и их «родословные» (там, где таковые известны) тоже расходились, даже если ограничиваться рамками только восточного славянства. Хотя для исследователя-то в этом ничего удивительного нет. Многообразие и вариативность – характерные черты религий эпохи расцвета мифической картины мира на пороге цивилизации.

Это живое многообразие, очевидное для любого серьезного специалиста, несколько затемняется иными современными «реконструкторами»-непрофессионалами, пытающимися воссоздать мифологию «не хуже древнегреческой». Однако ничего «не хуже» закоснелой литературной формы греческих мифов у славян и быть не могло. Нашим предкам неведома была нужда согласовывать множество несхожих вариантов, навязывать им новое моральное содержание, а тем более изгонять из мифов диковатую архаику – ту самую, которая столь привлекает иных наших современников в мифах кельтов или германцев. Славяне и жили в мире этой архаики. В том и отличие славянской религии (или кельтской, или германской) от греческой, что это была религия мифа. Мифа как живого жанра устной «литературы», свободной от какого бы то ни было устоявшегося «канона», тесно переплетенной с обрядами и поверьями. А не мифа как

«басни», как «памятника старины», уже слабо связанного с реальным, столь же косным и формализованным религиозным поклонением.

Так что «целостной» картины славянской религии и мифологии источники не дают и дать не могут. К тому же и число источников очень ограничено. Здесь мы попытаемся сделать краткий обзор тех из них, которые дают ученым представление о славянском язычестве.

Мы не будем говорить о той поистине огромной помощи, которую в деле восстановления древнеславянских религии и мифологии оказывают археология и языкознание. Во-первых, при всей их значимости, функции последних все же скорее вспомогательные. Во-вторых, их данные обретают «голос» только в свете свидетельств источников повествовательных. В-третьих же, интерпретации этих данных, особенно данных языка, – дело, в первую очередь, специалистов, и очень часто они приходят к разным выводам.

Также по недостатку места не будет подниматься и тема фальсификаций. Примеры их и так хорошо известны. Однако стоило бы отметить: общая картина, создаваемая сочинениями такого рода, настолько фантазмагорична, что противоречит всему известному нам о древних славянах. В своем стремлении сделать «не хуже» сочинители XIX – XXI вв. сделали чересчур «лучше». Их философские и космологические построения ближе не к античной религии и тем более не к верованиям германцев, кельтов или древних ариев, а к развитому индуизму, причем нового времени. Верящие – властны верить.

Все «традиционные» источники по религии и мифологии древних славян можно разделить на три группы. Первую составляют свидетельства средневековых славянских авторов, вторую – свидетельства иностранцев, также относящиеся к Средневековью, третью – фольклор.

Из средневековых славянских свидетельств больше всего древнерусских. Их вполне возможно привести в этой статье.

Упоминания языческих богов, а также клятвенного ритуала в договорах русов с Византией первой половины X в. Клятва Олега Вещего и его дружинников при заключении соглашения 907 г. описана так: «А Олега и мужей его приво-дили к роте* по русскому закону: клялись оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотым богом»⁵. При заключении договора 911 г. русы клялись «оружием своим» «по закону и обычаю языка нашего»⁶.

В договоре 944 г. последовательно проводится различие между принявшими уже крещение и некрещеными русами, в связи с чем уточняются и наказания, грозящие за нарушение клятвы: «Кто помыслит от страны Русской разрушить такую любовь, – то принявшие крещение да примут месть от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий; а некрещеные да не полу-

* Рота – божба, клятва, присяга. По принятии нашими предками христианства, роту утверждали целованием креста. Впоследствии, видя, что для иноверцев это неудобно, говоря о христианах, стали писать клятва, а для язычников и магометян приняли татарские названия; наконец, вместо слова клятва вошло в употребление польское – присяга. (*Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. Ч. II. С. 496 – 497).

чат помощи ни от Бога, ни от Перуна⁷, да не защитятся щитами своими и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия своего, и да будут рабами в сей век и в будущий»⁸. Более развернуто о том же далее написано: «Мы же, сколько нас крестилось, клянемся церковью Святого Ильи в соборной церкви, предстоя перед честным крестом и хартией сей, хранить все, что в ней записано, и не преступить ничего из этого. А если преступит кто из страны нашей, князь ли, иной ли кто, крещеный ли или некрещеный, да не получит помощи от Бога, и да будет рабом в сей век, в будущий, и да заколот будет своим оружием. А некрещеные русы полагают щиты свои и мечи свои обнаженные, и обручья свои, и прочее оружие, да клянутся все, что написано в хартии этой, хранить – от Игоря и от всех бояр, и от всех людей, от страны Русской, в будущие годы и вечно. Если же кто из князей или из людей русских, христиан ли или нехристиан преступит написанное на хартии этой, будет достоин от оружия своего умереть и да будет проклят от Бога и от Перуна, что преступил свою клятву. Итак, да будет хорошо Игорь, великий князь, хранить любовь сию, – да не разрушится, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние веки и в будущие»⁹. Здесь, таким образом, можно увидеть некоторые намеки на славянскую эсхатологию и представления о загробной участи – впрочем, совершенно «двоеверное» смешение языческих и христианских элементов оставляет такую интерпретацию под вопросом.

В договоре 971 г. Святослав клянется так: «Как клялся я царям Греческим, и со мною бояре и Русь вся, так сохраним правый договор. Если же что из вышесказанного не сохраним, я и те, кто подо мною, да получим проклятие от бога, в которого веруем, от Перуна, и от Волоса, скотьего бога, и да пожелтеем, как золото, и своим оружием да иссечены будем»¹⁰. На этом исчерпываются свидетельства русских источников, синхронные существованию государственного языческого культа на Руси. Все остальные относятся уже к христианской эпохе.

Сведения о языческих богах, верованиях и обрядах в первых русских летописях – так называемом Начальном своде и Повести временных лет. Здесь и далее мы сосредоточимся только на тех сведениях христианских источников, которые имеют прямое отношение к сфере мифологии и пантеону богов. Что касается данных о языческой обрядности, то они несколько богаче.

Начальный летописец замечает о древних полянах, основателях Киева, что хотя Кий и его братья были «мужи мудрые и смышленные», вместе с тем «были же погаными, жертвовали озерам, источникам и рощам, как прочие поганые»¹¹.

Языческие боги появляются на страницах летописи только накануне крещения Руси, при описании правления Владимира, который при вокняжении, как повествует древний автор: «Поставил на холме вне двора теремного Перуна, деревянного с головой серебряной и усами золотыми, и Хорса Дажьбога¹², и Стрибога, Симаргла, Мокошь. И жертвовали им, называя их богами, и приводили сынов своих и дочерей, и жертвовали бесам, и оскверняли землю требами своими. И осквернилась земля Русская кровью, и холм тот... И когда пришел Добрыня в Новгород, то поставил кумир Перуна над рекою Волховом, и жертвовали ему люди новгородские как богу»¹³.

Попрание древнерусских богов. Худ. Е. С. Штырев. 2013 г.

Под 988 – 989 гг. летописец описывает уже низвержение языческих идолов. В Киеве Владимир «повелел кумиров ниспровергнуть, и одних иссечь, а других огню предать, Перуна же повелел привязать к конскому хвосту и влечь с Горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужей приставил бить палками». И далее: «Когда влекли его по Ручаю к Днепру, оплакивали его неверные люди, – не приняли еще святого крещения. И приволочив его, бросили его в Днепр. И приставил Владимир, сказав так: “Если где пристанет, то отпихивайте от берега, пока не пройдет пороги, а там оставьте его”. Они же повеленное исполнили; а когда отпустили, и прошел он пороги, то извергнул его ветер на мель, и оттоле прослыла Перуна рень*, как и до сего дня слывет»¹⁴. В Новгороде епископ Иоаким «требища разрушил, и Перуна срубил, и повелел влечь в Волхов».

«И повергнув вожжами, влекли его по калу, избивая палками; и заповедал никому нигде не принимать. И пошел пидьблянин¹⁵ рано на реку, собираясь горшки везти в город. А Перун приплыл к плотине; и оттолкнул тот его шестом: “Ты, – сказал, – Перушица, досыта пил и ел, а ныне поплыви прочь!” И уплыл со свету нечистый»¹⁶.

Тема язычества вновь встает в летописной статье 1071 г., где много места уделено заблуждениям современников и, как следствие, смутам, поднятым языческими волхвами. Упоминается о появлении в том году волхва в Киеве, о волхвах, действовавших около этого же времени в Северо-Восточной Руси и Новгороде. Волхвы предстают как языческие чудодеи и прорицатели, умевшие внушить доверие и почитание невеждам, даже большинству народа. Киевский волхв проповедовал: «Явилось мне пять богов, говоря так: “ Поведай людям, что на пятое лето потечет Днепр вспять, а земли переступят на другие места – станет Греческая земля на Русской земле, а Русская земля на Грече-

* Рень (стар.) – мель.

ской земле, и прочие земли изменятся»¹⁷. Во время голода в Ростовской земле «встало два волхва от Ярославля, говоря: “Мы знаем, кто держит обилие в себе”. «И с тем пошли по Волге. Где приходили на погост, там называли лучших жен и говорили, что эти жены жито держат, эта мед, а та рыбу, а та мех. И приводили к ним сестер своих и матерей, и жен своих; те же мечтанием своим прорезали за плечами и вынимали либо жито, либо рыбу, либо белок. И убивали многих жен, а имение их забирали себе»¹⁸. Эту «охоту на ведьм» допрашивавшему их княжескому чиновнику Яню волхвы объяснили так: «Они держат обилие. Если истребим и перебьем их, то будет недостаток. Если хочешь, то перед тобой вынем жито, рыбу или иное что». Затем они поведали ему, как, по их мнению, был сотворен человек. И здесь, и в дальнейшем описании предмета их поклонения (они-де «веруют» в бога «Антихриста», который «сидит в бездне») очевидно влияние христианских воззрений. Впрочем, можно допустить, что «Антихрист» и «сатана» попали сюда под пером летописца, который так интерпретировал действительно почитавшегося в этих местах подземного бога Велеса-Волоса. Миф о сотворении человека выглядит здесь так: «Бог мылся в бане; вспотев, отерся ветошью и сбросил ее с неба на землю. И поспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Оттого, если умрет человек, в землю идет тело, а душа к богу»¹⁹. Естественно, в таком виде миф весьма условно может быть признан «языческим», и появился не без контактов с проникшими на Русь ересями типа богомилства.

«Повесть временных лет» дополняет сведения Начального свода очень скудно, и в этой части почти ничего по существу. Некоторые черты к образу Перуна добавляет позднейшее новгородское предание о происхождении вечевых побоищ на мосту через Волхов, вошедшее в Новгородский свод 1411 г., а потом в общерусский Свод 1418 г. Свержение Перуна здесь описано так: «...Избивали палками и пихали, в то время вошел в Перуна бес и начал кричать: “О горе, ох мне, достался немилостивым сим рукам!” И бросили его в Волхов. Он же, плывя под Великим мостом, бросил палицу свою на мост, – ей и ныне безумные убиваются, утеху творя бесам»²⁰. В списках свода 1418 г. добавляется проклятие павшего бога: «На сем пусть поминают меня новгородские дети»²¹.

Вставка в древнерусский перевод хроники Иоанна Малалы, сохранившаяся во фрагменте последнего в Ипатьевской летописи. Здесь Гефест назван Сварогом, а Гелиос (по искусственной родословной Малалы – его сын) Дажьбогом: «По нем Феоста, то есть Сварога, назначили египтяне царствовать. Во время царствования этого Феоста в Египте упали клещи с небес, начали ковать оружие, а прежде того палицами и камнями бились. Тот же Феост закон установил женам выходить за одного мужа и держаться послушно, а прелюбодеек казнить повелевал – оттого и назвали его бог Сварог... И установил одному мужу одну жену иметь и жене за одного мужа выходить, а кто преступит, да ввергнуть в печь огненную – оттого прозвали его Сварогом... И после него царствовал сын его именем Солнце, то есть Дажьбог»²². Важно уточнить, что славянские тут только име-

на – весь сюжет заимствован у Малалы, на что не всегда обращали внимание даже специалисты.

Вставки в древнерусские переводы апокрифов. В глоссе* из «Беседы трех святителей» сказано: «Два ангела громных есть: эллинский старец Перун и Хорс-жидовин; два ангела молний»²³. Другая известная глосса такого же рода: ответ на вопрос «Сколько есть небес?» в рукописи XV в.: «Перунов много»²⁴. В древнерусском «Хождении Богородицы по мукам» приводятся имена ряда языческих богов: «Из камней сделали люди Трояна, Хорса, Велеса, Перуна, в богов превратив»²⁵.

Поучения против язычества XI – XV вв., содержащие имена богов, описания обрядов, упоминания отдельных мифологических представлений. В поучении «О посте к невежам в понедельник» подробно описывается обряд поминовения духов умерших (навей): «В святой Великий Четверг предлагают мертвым мясо, молоко и яйца, и бани топят, и на печь льют, и пепел посреди сыплут ради следов. И говорят: «Мойтесь!» – и чехлы вешают, и убрусы, и велят утираться. Бесы же смеются недоумию их. И войдя, моются и купаются в пепле том, след свой, будто куриный, показывая в пепле на прельщение им, и вытираются чехлами и убрусами теми. И приходят топившие баню, и ищут следы на пепле, и говорят: «Приходили к нам навьи мыться». Дальше описывается, как бесы навваливают гостеприимство невежественных язычников – здесь бесы предстают бродячими, ходящими по разным странам в поисках подношений, что также может восходить к языческим представлениям о мертвецах²⁶.

Различные сведения о славянской религии сообщает «Слово святого Григория, как поганые языки сначала кланялись идолам и требы им клали, что и ныне творят». Автор русской переработки греческого оригинала развивает свою теорию происхождения язычества из античного мира, подставляя имена славянских богов и добавляя славянские реалии: «Начали требы творить великие Роду и Рожаницам, порождению проклятого бога Осириса... привыкли эллины класть требы Артемиду и Артемиде, то есть Роду и Рожанице... так и до славян дошло. И они начали требы класть Роду и Рожаницам, прежде Перуна, бога их, а прежде того клали требу упырям и берегиням. По святом крещении Перуна отвергли, Христу Богу подчинившись. Но и ныне по окраинам молятся проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилам, и творят то тайне, не в состоянии отказать и от проклятого выставления трапезы названному Роду и Рожаницам...». В другой, позднейшей редакции «Слова» имеется еще один список древнерусских богов: «Тем же богам требы кладет и творит и славянский язык: вилам и Мокоши, Диве, Перуну, Хорсу, Роду и Рожаницам, упырям и берегиням, и Переплуту, для которого, вертясь, пьют из рогов; и Огню Сварожичу молятся, и навям баню готовят и из теста мосты делают и колодези». Чуть подробнее говорится и о трапезе Роду и Рожаницам с осуждением попыток некоторых священников присвоить этот ритуал: «Даже и доселе второй трапезы Роду и Ро-

* Глосса – перевод или толкование непонятого слова или выражения, преимущественно в древних памятниках письменности.

жаницам... Чреву работающие попы установили прилагать тропарь Рождества Богородицы к рожаничной трапезе, получая долю»²⁷.

Восходящее к тому же памятнику «Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере», в котором появляется слово «двоеверие», обличает тех, кто называется христианами, при этом «веруя в Перуна и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима и в Ргла [так!], и в вил, которых числом 30 сестер, – как невежды говорят, считая их всех богинями, – и кладут им требы, и кур им режут. И Огню молятся, называя его Сварожичем, и чеснок богом считают...». Далее среди прочего упоминается о том, как «молятся под овином Огню, и вилам, и Мокоши, Симу, Релгу, и Перуну, и Волосу, скотьему богу, Роду и Рожаницам, и всем тому подобным»²⁸.

В апокрифическом «Слове и откровении святых апостолов», переделанном с южнославянского перевода, осуждаются те, кто счел богами «Перуна и Хорса, Дья²⁹ и Трояна, и иных многих, – а это люди были: Перун старейшиной у эллинов, а Хорс на Кипре; Троян был царем в Риме...»³⁰.

«Слово св. Иоанна Златоуста о том, как сначала поганые веровали в идолов и требы им клали», как и близкое «Слово святого Григория», содержит русские вставки в восходящий к подлинному Слову святого текст. Здесь тоже отмечается, что язычники верят в: «Перуна, Хорса, вил и Мокошь, упырей и берегинь, которых называют тридевят сестер, а иные в Сварожича веруют и в Артемиду, которым невежественные люди молятся и кур им режут... А другие, к колодцам приходя, молятся... А другие огню, и камням, и рекам, и источникам, и берегиням...». После описания различных языческих игрищ и обрядов, в том числе трапезы навей, добавлено: «Другие веруют в Стрибога, Дажьбога и Переплута, для которого, вертяться, пьют из рогов». Далее следует перечень различных суеверий³¹.

Чудовская редакция «Слова Григория» отмечает, что берегинь «считают семь сестер». Кроме того, называется еще целый ряд богов и духов, которым приносятся жертвы: «кутну богу и Веле-богине, и ядрею, и обилухе, и скотному богу, и попутнику, и лесному богу, и спорыньям, и спеху»³².

«Слово о неделе» в целом посвящено суеверным представлениям и осуждению игрищ, но здесь можно найти некоторые сведения и о почитании языческих богов, – правда, весьма неясные: «Неверные написали свет болваном [т.е. сделали идолом. – Прим. авт.] и кланяются ему...». Из дальнейшего можно заключить, что на Пасху и вообще по воскресеньям язычники молились идолу Неделе, воплощавшему праздничный день. Упоминается среди грехов «выставление трапезы Рожаницам» и «требы, полагаемые вилам»³³.

Имеется специальное «Слово о ставящих вторую трапезу Роду и Рожаницам», приписанное Иоанну Златоусту, однако практически никаких дополнительных деталей оно не содержит³⁴.

Мифологическое представление, связанное с Родом, упоминается в статье «О вдуновении духа в человека»: «Это не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груды, и оттого рождаются дети»³⁵.

В относящемся уже к началу XV в. «Слове, как подобает христианам жить», среди многих суеверий упоминается о вере в демона Трясцу и оберегах от него³⁶. В то время такие поверья, несомненно, уже были гораздо актуальнее веры в забывавшихся богов пантеона, не упоминаемых в этом Слове и вскользь.

«Слово о полку Игореве», поэтические метафоры которого восходят к языческой эпохе и содержат упоминания языческих богов и духов. Легендарный песнотворец Боян именуется «Велесовым внуком». О нем говорится, что он «скакал, соловей, по мысленному древу, летая умом под облака, свивая славу обапол сего времени, рыща в тропу Троянову чрез поля на горы». Когда Игорь выступил в поход, «взвился Див, кличет вверху древа, велит послушать земле незнаемой», предупреждая половцев. Ветры называются «Стрибожьими внуками». К языческой поэтической традиции может восходить именование половцев «детьми бесовыми». Времена, предшествующие «летам Ярославовым», называются «веками Трояновыми». О усобицах на Руси говорится: «Погибает жизнь Даждьбожа внука». После поражения Игоря «встала Обида в силах Даждьбожа внука, вступила девою на землю Троянову, заплескала лебедиными крыльями на синем берегу Дона». Тогда же «кликнула Карна, и Жля поскакала по Русской земле, огонь людям разливая из пламенного рога». Несколько ниже, в похожем контексте: «На реке Каяле тьма свет покрыла... уже свергся Див на землю». Полоцкий князь Всеслав, который «в ночи волком рыскал, из Киева добежал до петухов Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегая». В плаче Ярославны княгиня обращается к Ветру и Днепру Словутичу, как к живым существам. Ниже Игорь так же беседует с Донцом³⁷.

Отдельные языческие образы, с уже гораздо худшим их пониманием, присутствуют и в памятниках Куликовского цикла – «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». В «Задонщине»: «Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям», «Диво кличет под саблями татарскими», «Уже ведь свержено Диво на землю» (о победе русских). Все это – явно не очень удачные заимствования непонятной уже поэту метафоры «Слова». В плаче боярских жен одна из них обращается к Дону, но это уже просто поэтический образ реки, а не языческое олицетворение (Дон как река именуется в женском роде!). Так же, видимо, следует понимать и обращение коломенских женщин к Москве-реке³⁸.

Своеобразно увенчивает уход от языческих образов их более чем своеобразное появление в «Сказании о Мамаевом побоище». Здесь терпящий поражение Мамай, «увидев свою погибель, начал призывать богов своих [!]: Перуна, Салавата, Рақлия, Гурса и великого своего пособника Махмута»³⁹. Симаргл (спутанный с Гераклом) и Хорс здесь едва распознаются.

Отдельные, довольно редкие упоминания языческих богов и обрядов в житийной литературе XI – XIII вв., как правило, лишь незначительно уточняют то, что нам и так известно из других источников. Житие Авраамия Ростовского сообщает об особом почитании в Ростове Велеса. Чудской конец города еще и во времена Авраамия (первые десятилетия XII в.) поклонялся каменному идолу Велеса, который был сокрушен святым⁴⁰.

Старейшее Житие св. Владимира («Память и похвала»), написанное Иаковом Мнихом, вероятно, еще в XI в., ранее летописных источников, говорит о князе, что он «поганских богов, а вернее бесов, Перуна и Хорса, и иных многих, попрад, и сокрушил идолов»⁴¹. Проложное Житие святого князя уже восходит к летописи, и перечень идолов здесь полнее: «Избил всех идолов – Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь, и прочих кумиров»⁴². В Обычном и позднейшем Распространенном Житиях наряду с дословным повторением рассказа летописи о свержении Перуна есть оригинальное сведение – упоминается идол Волоса в Киеве, о коем умалчивает летопись: «Волоса-идола, которого именовали скотым богом, велел в Почайну стащить»⁴³. В Распространенном Житии отмечается, что на горе, где стоял Перун, поставили церковь Св. Василия, причем в одной редакции гора называется «Ликофрос», т. е. Ликейская, чем устанавливается параллель между Перуном и Аполлоном. Впрочем, в другом списке с ним отождествлен Велес⁴⁴. О том, что Владимир «безбожного Перуна и кушу бесовскую сокрушил», упоминается и в старейшей Службе ему⁴⁵.

Единственный относительно достоверный список языческих богов Польши составлен хронистом Яном Длугошем только в XV в. О степени его достоверности ученые спорят. В нем фигурируют следующие боги: Еша (отождествлен с Юпитером), Ляда (отождествлен с Марсом), Дзидзилля (отождествлена с Венерой), Дзевана (отождествлена с Дианой), Маржана (отождествлена с Церерой), Погода («Соразмерность») и Жива («Жизнь») ⁴⁶. Позднейшие польские, чешские, а также западнорусские авторы, как правило, просто додумывали имена языческих божеств на основе списка Длугоша, народных поверий своего времени и собственной фантазии. Правда, в нескольких чешских памятниках XIV – XVI вв. вскользь упоминается Велес. Судя по этим упоминаниям, он помещался «за морем», отождествлялся или сблизался с «чертом», «змеем»⁴⁷.

Южнославянские авторы тоже писали поучения против язычества. Возможно, что часть древнерусских поучений имеет в своей основе болгарские тексты. Но в целом они до нас не дошли, а сохранившаяся полемическая литература направлена против еретиков. Даже в сербских памятниках при всей значительности языческих пережитков в сербской культуре язычество в качестве угрозы упоминается вскользь по сравнению с богомильской ересью и лишь в смешении с ней. Упоминания о языческих обрядах носят здесь стандартный и формальный характер. Единственное в средневековой южнославянской книжности упоминание языческого божества – замена в болгарском переводе той же хроники Малалы имени «Зевс» на «Порун» (фрагмент относился к Александру Македонскому как «сыну Зевса» и сохранился в болгарской «Александрии»⁴⁸).

Помимо перечисленного к сфере мифологии относятся предания о героях-предках, сохранившиеся в «официальной» исторической памяти гораздо лучше мифов о богах. К категории таких легендарных, полубожественных для язычников предков можно отнести на Руси Кия, в Польше – Крака и Леха-Лешка, в Чехии – Крока и Пржемысла, в сербских землях – Остроила и его наследников, в Болгарии – «царя Слава» и вошедшего в славянские мифы историческо-

го хана Аспаруха. Естественно, что из всех этих преданий в записи христианских летописцев, как правило, последовательно удалялись или получали осуждающую интерпретацию мифологическая фантастика и языческая архаика. Так что первоначальный вид мифов о первопредках – тоже предмет научной реконструкции.

Вторую группу источников составляют свидетельства средневековых иностранных авторов. Первым в этом ряду стоит византиец Прокопий Кесарийский (VI в.) со своим известным упоминанием о почитании славянами бога-громовержца и некоторых славянских ритуалах. Наряду с отдельными менее четкими сведениями арабских географов IX – X вв., а также упоминавшего русские языческие жертвоприношения византийца же Льва Диакона (X в.) – это единственные известия, относящиеся ко времени господства язычества у всех славян. Латинские авторы того времени лишь говорят о язычестве славян, даже соседних, но не собственно о богах или ритуалах. Только с XI века в латинских источниках из Германии и Дании появляются многочисленные сведения о язычестве противников и соседей – полабских славян. Перечисляются имена богов, очень часто без функций, описываются храмы, обряды, жреческая иерархия. Во всех случаях это лишь внешние свидетельства, достоверные настолько, насколько миссионеры и крестоносцы нуждались в «справочной» информации (и насколько эта информация была им понятна и доступна). После XIII в., когда полабско-поморские земли были завоеваны немцами, а их население начало принудительно ассимилироваться, оригинальные сведения такого рода сходят на нет. Антиквары позднего Средневековья, так же как и дальше на восток, нередко присочиняли имена богов и разного рода связанные с ними детали. Новую информацию такого рода ввиду полного истребления языческой веры и онемечивания потомства ее носителей почерпнуть было просто неоткуда.

Фольклор и обряды в записях нового времени, конечно, уже вряд ли могут служить надежным источником знания о языческих традициях тысячелетней давности. Определенные следы последних сохраняются, только следы эти нуждаются в тщательной реконструкции. Путь такой реконструкции может быть тройким. Первый вариант – тщательное сопоставление обрядов, фольклорных текстов и сюжетов различных славянских народов и их групп. С помощью такого сопоставления можно выявить мотивы и элементы, восходящие и ко временам славянского единства, и к различным этапам его распада – вплоть до древнерусской эпохи. Если этот путь можно назвать «экстенсивным» ввиду широты охвата, то второй можно обозначить как «интенсивный» – и это, действительно, интенсивное исследование фольклора и обрядности отдельных регионов славянского мира, где в силу географической изоляции или иных причин долго сохранялись пережитки родоплеменной эпохи. Это прежде всего сербские земли, горная Словакия, а в восточнославянском ареале – Полесье и Карпатский регион.

Самым сложным в смысле надежности (и в то же время дающим наиболее очевидные результаты) является третий путь, отчасти комбинированный. Это поиск в средневековых источниках прямых параллелей и ясных корней для за-

писанных в новое время преданий. Иногда они сохраняют мифологический подтекст, удаленный некогда из средневековых повествований. В то же время следует отметить, что подобные случаи – помимо первых двух путей – довольно редки. Так, упоминание у датского хрониста XIII в. Саксона Грамматика «короля Руси» Боя находит прямую параллель в белорусских мифологических преданиях XIX в. о князе-родоначальнике Бое, или Бае. Распространены в степном порубежье от Дона до Западного Буга предания о «божьем ковале», победителе Змея и создателе Змиевых валов. Эти предания, судя по распространенности восходящие как минимум к домонгольской эпохе, помогают лучше понять миф о кузнеце Свароге и летописное предание о Кие («кузнеце», по одному из толкований имени языковедами) и сами могут быть лучше поняты в их контексте. Еще один, более сложный пример – новгородские предания о князе-оборотне Волхе, давшем имя Волхову. Записанные в XVII и в крайне разложившемся уже виде в XIX в., они, тем не менее, заметно старше и содержат параллель с развивавшейся независимо от них северорусской былинной.

Иногда в позднем фольклоре встречаются и имена языческих богов, известные по средневековым источникам. Не говоря о многочисленных преданиях, где с древними богами (как настоящими, так иногда и вымышленными) связываются названия местностей, имеется и ряд более очевидных примеров. В восточнославянских песнях и поверьях XIX в. еще помнились громовержец Перун и Дажьбог. В болгарских «мифологических» песнях, где часто ищут следы языческих мифов, Солнце и Огнян выступают как братья (в соответствии с данными древнерусских источников Солнце-Дажьбог и Огонь – оба Сварожичи). Нечего и говорить, что, несмотря на выразительность и ценность для ученых, все эти сведения крайне отрывочны.

То же, конечно, можно сказать и о славянской мифологии и религии в целом. Тем не менее кропотливый труд многих поколений ученых позволяет не без загадок и расхождений, но познавать мир языческой религии. Созданная ими на действительных источниках картина не всегда величественна и романтична, но, во всяком случае, она ближе к исторической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние исторических фальсификаций и мифов на сознание и социальное поведение современной российской молодежи». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

² См.: *Плотникова О. А.* Историческое сознание современной российской молодежи // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. № 8. С. 14 – 21.

³ См.: *Алексеев С. В.* Славянская Европа V – VIII вв. М.: Вече, 2009. 538 с.; *Его же.* Заря славянства. V – первая половина VI в. М.: Вече, 2015. 288 с.

⁴ См.: *Алексеев С. В.* Сербская историческая агнография: между хроникой и житием // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 148 – 156.

⁵ *Памятники русского права* / ред. С. В. Юшков. М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X – XII вв. / Сост. А. А. Зимин. С. 65. Здесь и далее перевод наш.

⁶ Там же. С. 6, 9.

⁷ Возможна трактовка «ни от какого бога, даже от Перуна» – но ср. ниже, где в сходной формуле речь и о христианах, и о нехристианах.

⁸ *Памятники русского права*. Вып. 1. С. 31.

⁹ Там же. С. 34 – 35.

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ *Полное собрание русских летописей* (далее – *ПСРЛ*). М.: 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 105.

¹² Такая интерпретация этого места исходит из Радзивилловского и Лаврентьевского списков «Повести временных лет», а также из сведений самого Начального свода далее о «5 богах». Во всех остальных списках «Повести» и Новгородской первой летописи стоит «Хорса и Дажьбога».

¹³ *ПСРЛ*. Т. 3. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Пидьба – местность под Новгородом.

¹⁶ *ПСРЛ*. Т. 3. С. 160.

¹⁷ *ПСРЛ*. Т. 3. С. 191 – 192.

¹⁸ Там же. С. 192.

¹⁹ Там же. С. 193.

²⁰ *ПСРЛ*. СПб., 2002. Т. 42: Новгородско-Карамзинская летопись. С. 55.

²¹ См.: *ПСРЛ*. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. СПб. 106. Примеч. 3-3.

²² *ПСРЛ*. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб. С. 278 – 279.

²³ *Щапов А. П.* Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 52, 403.

²⁴ См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 13.

²⁵ *Хождение Богородицы по мукам* // Библиотека литературы Древней Руси (далее – *БЛДР*). СПб., 1999. Т. 3. С. 306.

²⁶ *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2. С. 15.

²⁷ *Гальковский Н. М.* Указ. соч. М., 2000. Т. 2. С. 22 – 25.

²⁸ Там же. С. 41, 43.

²⁹ Заимствование из «Хроники Георгия Амартола»; имеется в виду Дий-Зевс.

³⁰ *Гальковский Н. М.* Указ. соч. С. 51 – 52.

³¹ Там же. С. 59 – 60.

³² Там же. С. 33 – 35.

³³ Там же. С. 78 – 83.

³⁴ Там же. С. 86 – 89.

³⁵ Там же. С. 97.

³⁶ Там же. С. 108.

³⁷ См.: *Слово о полку Игореве* // *БЛДР*. СПб., 1997. Т. 4. С. 254 – 266.

³⁸ *Задоница* // *БЛДР*. СПб., 1999. Т. 6. С. 120 – 136.

³⁹ *Сказание о Мамаевом побоище* // *БЛДР*. СПб., 1999. Т. 6. С. 200.

⁴⁰ *Повесть о водворении христианства в Ростове* // *Древнерусские предания (XI – XVI вв.)*: сб. / Сост. В. В. Кусков. М.: Сов. Россия, 1982. С. 130 – 134.

⁴¹ *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 419.

⁴² Там же. С. 436, 442.

⁴³ Там же. С. 448, 458, 464. В одной из редакций *Распространенного Жития Волос* назван Велесом – единственное четкое свидетельство тождества этих двух имен.

⁴⁴ *Милютенко Н. И.* Указ. соч. С. 458, 461.

⁴⁵ Там же. С. 481.

⁴⁶ См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995. С. 12.

⁴⁷ См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 5, 74.

⁴⁸ *Истрин В. А.* Александрия Русских хронографов: Исслед. и текст. М.: Унив. тип., 1893. С. 114 – 116.

«Духовный Собеседник» в 2016 году

О первой мировой войне и ее последствиях в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Проповеди старца Ефрема Филофейского.

Статья Андрея Поповкина о проблемах современного образования.

Рассказ протоиерея Евгения Зеленцова «Последняя дорога».

Интервью с известными богословами, учеными, политологами о насущных проблемах российской действительности.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть... (Иак. 1, 17).

Всем доброхотам и благотворителям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7).

1-я стр. обложки: Митрополит Мануил (Лемешевский) со своим духовным сыном Иоанном (Снычевым). *Фотография Самары Сергея Щербатюка.*

2-я стр. обложки: Мироточивая икона Божией Матери «Державная» Монреальская. Сей рукописный список «Державной» иконы находится в монреальском храме преподобного Серафима Саровского Русской Православной Зарубежной Церкви. В начале 2010 г. после небольшой реставрации правого верхнего угла иконы, случайно поврежденного при протирке, икону поставили в алтаре. Время от времени вся поверхность иконы покрывалась маленькими масляными точками. Но особенно мироточение проявилось 2/14 марта 2010 – в канун празднования памяти иконы «Державной». С тех пор икона по временам источает миро.

Икона Божией Матери, именуемая «Державная», была явлена в подмосковном селе Коломенское в день вынужденного отречения от Российского престола Царя-мученика Николая, 2/15 марта 1917 года. Явление «Державной» приезжал прославлять святой Патриарх Тихон.

3-я стр. обложки: Часовня и памятник мирополитам Мануилу (Лемешевскому) и Иоанну (Снычеву) работы скульптора Николая Куклева и архитектора Геннадия Точилкина в сквере на Ильинской площади в Самаре. *Фотография Михаила Тимофеева.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№1(81). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 15.12.2015 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2016 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2016 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
X		X		X									
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стои- мость	по каталогу				683 руб. 04 коп.				кол-во комп.		1		
	за доставку				руб. коп.								
на 2016 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
X		X		X									
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **220 рублей** за один экземпляр журнала с учётом доставки до адреса - только на территории России) в редакцию по следующим реквизитам:

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2016 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2016 г.:					
№1(81) Январь - Февраль	№2(82) Март - Апрель	№3(83) Май - Июнь	№4(84) Июль - Август	№5(85) Сентябрь - Октябрь	№6(86) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2015 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник